9.143 А. 947

АРХИВ ИСТОРИИ ТРУДА ....В РОССИИ....

ВЫПУСКАЕМЫЙ

Ученой комиссией по исследованию истории труда в России

под редакцией

ЮЛИЯ ГЕССЕНА

8132

Кн. 10.

ВЕЧЕРНИЙ Педагогический Институт.

Содержание:

1. *Конст. Баэилевич.* На старейших полотняных фабриках.
2. *С. Архангельский.* Очерк социальной истории промышленного пролетариата Выксунского района.
3. *Ал. Блек.* Рабочие на Ленских золотых приисках. (Окончание).
4. *А. Ф. Добрынин.* Прорытие Ново-Ладожского канала.
5. *К. Пажитнов.* Рабочие артели.
6. *Макс Гордон.* Из жизни рабочих и служащих на петроградских водопроводах.
7. *И. Кулишер.* Из истории крестьянского труда в древней Руси.
8. *Л. А.* Сведения о положении крестьян к концу Крымской кампании.
9. *В. К.* Крестьянская промышленность на рубеже прошлого и настоящего в.в.
10. *Н. Петрович.* К истории крестьянского переселенческого движения.
11. *Т. Ш.* Трудовой быт архангельских инородцев в 18 веке.

■ ■ ■

ПЕТРОГРАД—1923.

Издание Культурно-просветительного Отдела Петрогр. Губернского Совета Профессиональных Союзов.

Рукописи адресовать:

Юлию Исидоровичу Гессену, Петроград, Басков пер., 35, кв 7.

Телефон 1-59-16.

Личный прием: по четвергам от 12 ч. до 6 ч.

XI
У.143.А

АРХИВ
ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ

ВЫПУСКАЕМЫЙ

Ученой Комиссией по исследованию истории труда в России
под редакцией **Юлия Гессена.**

№ 1336.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

0.624

ПЕТРОГРАД — 1923.
Издание Культурно-просветительного Отдела Петрогр. Губернского Совета Профессиональных Союзов.

Петрооблит № 9495. Тираж 3000.

Типография Культ.-Просв. Отдела Петрогубпрофсовета. Красная ул., 24.

На старейших полотняных фабриках.

В первые годы 18 века правительство Петра I, прилагавшее большие усилия к насаждению в России различных видов промышленности, шло еще, в значительной мере, старым путем, намеченным в предыдущем веке. В поисках „хитростных людей“ за морем чувствуется почти та же наивная вера в чудодейственную силу знания иностранных мастеров, руками которых, казалось, можно было в короткий срок „распространить“ и „умножить“ любой вид производства. Правда, „кондиции“, сменившие прежнюю „жалованную грамоту“, выдававшуюся иноземцам, больше стесняют личную инициативу иноземца, делая из него служилого мастера казенной мануфактуры. Но правительство, как и в предыдущем столетии, все еще не преодолело косности частного капитала, не вызвало к действию инициативу частного предпринимателя. Однако, история Петровской казенной мануфактуры не была продолжительной. Уже в 1711 г. московские казенные фабрики—полотняная, скатертная, салфеточная—были переданы в руки частной торгово-промышленной компании московских купцов [1]). В 1713 г. был отдан на откуп мастеру Барфусу казенный бумажный завод, заведенный в Москве в 1704 г. [2]).

В 1714 г. Федор Салтыков в своих „из'явлениях прибыточных государству“ отдает компаниям купецких людей решительное предпочтение: „понеже купцы лутче станут иметь прилежность и надзирательство для своих прибылей“ [3]). Эту точку зрения усвоил и Петр: указ о размножении суконных заводов „не в одном месте, так, чтобы в 5 лет не покупать мундиру заморского“—предусматривал учреждение для этой цели компании торговых людей „буде волею не похотят, хотя в неволю“ [4]).

К концу второго десятилетия 18 века отдельные случаи перехода казенных промышленных предприятий в частные руки об'единяются вполне определенным взглядом правительства в этом вопросе и для первой половины 18 в. торгово-промышленная компания стала основной формой организации русской промышленности [5]).

В научной литературе, посвященной истории русской фабрики, вопрос о петровской казенной мануфактуре оставался до настоящего времени мало освещенным. Между тем, выяснение основных вопросов, связанных с организацией производства, с положением русских и иностранных масте-

---

[1]) Полное собрание законов, № 2324.

[2]) А. Лаппо-Данилевский. „Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII в.“ (Журнал минист. народн. просвещения, 1898 г., декабрь, стр. 329).

[3]) Ф. Салтыков. „Из'явления прибыточные Государству“, стр. 27.

[4]) П. С. З. № 2467, п. 6.

[5]) В регламенте мануфактур-коллегии 1723 г. устанавливается общее правило: „казенные фабрики, уже заведенные, и те которые будут заведены, передавать партикулярным лицам“. (П. С. З. № 4378, п. 15).

ров, с системой использования труда и заработной платы и пр., поможет выяснить как общие условия, при которых на смену казенных начинаний шло развитие частной промышленности, так и определить роль и характер петровской мануфактуры в истории русской фабрики и в истории труда в России.

Этими соображениями оправдывается появление настоящей статьи [6]).

1.

В 1706 г. было велено устроить в Москве на Посольском дворе полотняный и скатертный завод для „делания голландских полотен и скатертей и салфеток". В том же году „торговый иноземец" голландец Андрей Мень „приговорил" в Амстердаме шесть мастеров полотняного и скатертного дела. По заключенному договору мастера-голландцы должны были научить своему ремеслу русских, за что им назначалось месячное жалованье в голландских гульденах, которые переводились на московские деньги „по вексельному хождению". Размер его был следующий: Иосту Аренсону Фонбисель с женой—70 гульденов, Петру Гендрику—44 гульдена, Дирику Дерселю—36 гульденов, Петру Янсон и Генрику Декнут по 34 гульдена и Францу Иозефу—32 гульд. [7]). Голландцы должны были пробыть в России два года со дня выезда—„как они на корабль сядут".

12 июля голландцы выехали в Россию морем, а 3-го декабря они были „вывезены" на подводах из Архангельска в Москву. С собою они везли необходимый инвентарь будущего завода: 11 полотняных и 1 салфеточный стан „со всякою потребою". В том же декабре станы были установлены в палатах Посольского двора и завод начал действовать [8]).

Организация завода, так, как она рисуется по сохранившимся документам, была не сложна. Во главе заводского управления с декабря 1706 г. был поставлен „русский купчина" из Мещанской слободы Василий Турчанинов. Он должен был следить за иноземцами и русскими учениками, а также вести хозяйство и покупать предметы, необходимые в технике производства: дрова, лен, золу, сало, муку для варения скорбил, и шлифты и т. д. Все эти вопросы, связанные с организацией и управлением завода, разрешались по докладам купчины государственным подканцлером П. П. Шафировым. Часто „доносительные статьи" посылались ему в „военный поход".

Турчанинов, повидимому, очень тяготился навязанным ему казенным заводом, отрывавшим его от личных торговых занятий; сравнительно короткое время его управления отмечено почти полным отсутствием документов. Оставив хозяйство в совершенном расстройстве, Турчанинов покинул завод в 1708 г. и его заместил его помощник купец Новомещанской слободы Иван Яковлевич Евреинов [9]). Ему было велено быть „у полотня-

---

[6]) Материалы, использованные автором, извлечены из дел Посольского приказа б. Архива Мин. Иностр. Дел. Три картона с делами полотняного, скатертного и салфеточного заводов.

[7]) Гульден переводился в 10 алт. 4 д.—Месячное жалованье в русских деньгах выдавалось в следующем размере: Фонбисель с женой—22 руб. 13 ал. 2 д., Гендрику—14 руб. 2 ал. 4 д., Дерселю—11 руб. 17 ал. 2 д., Янсон и Декнут—по 10 руб. 29 ал. 2 д. и Иозефу—10 руб. 8 ал. Месячный оклад всех мастеров был 80 руб., годовой—960 руб.

[8]) В двух палатах Посольского двора были помещены иноземцы, толмач и русские ученики. В третьей большой палате были установлены станы и производилась работа Палаты имели слюдянные и стеклянные оконницы и ценинные печи.

[9]) Повидимому, сын известного московского фабриканта Якова Григорьевича, отец которого—мстиславский еврей—был взят в плен в 1655 г., и после многолетнего пребывания в личной зависимости получил свободу и занялся торговлей.

ного дела у дозора и у покупок". А заведывание заводом было поручено под'ячему посольского приказа Ивану Чернову, который должен был выдавать купчине деньги, получаемые из Смоленского приказа, и над заводом „прилежное надсмотрение иметь". Под'ячий был также обязан контролировать расход денежных сумм: „за расходами и в покупке смотреть и свидетельствовать накрепко... чтобы нигде передачи в цене, лишней приписки и душевредства не было, также и в расходе лишнего он (т. е. купчина) ничего не приписывал, опасаясь себе в том впредь его Государева гнева и вечного себе разорения".

Сохранившиеся документы говорят кое-что о жизни в Москве вывезенных из-за моря мастеров-голландцев.

Аренсон умер в конце 1707 г. Его жена осталась работать на заводе в качестве мастерицы. Вскоре Франц Иозеф подал челобитную о том, что хочет жениться на вдове Аренсона, но „в скудости своей и за денежным недостатком исправиться нечем"; ему было выдано в зачет жалованья 10 рублей. Супруги плохо работали. Евреинов показывал, что они „сходят со двора почасту и прогуливают дело свое по многие времена", и их уволили. 4 июня 1708 г. им была выдана подорожная на Архангельск. Гендрик и Деркселъ оказались „в деле нерадетельны и нечасто работают, живут в немецкой слободе". Однако, оба они пробыли условленные два года, после чего Гендрик просил отпустить его „за море", а Деркселъ по донесению купчины был „непрестанно пьян", а потому оба мастера были отпущены в Голландию (в июне 1709 г.). Янсон умер вскоре по приезде в Москву.

Только один Декнут оставался в России долгое время. Его технические познания находили постоянное применение и широко использовались русской администрацией завода; почти все вопросы, связанные с оборудованием завода и с техникой производства, проходили через его экспертизу: он составлял проекты постройки новых зданий, писал „росписи" необходимым материалам и инструментам, осматривал поставляемые подрядчиками лен и пряжу, следил за работой русских учеников и т. д.

Кроме этой партии голландцев, в разное время на завод было принято еще несколько мастеров-иноземцев.

При проезде голландцев в 1706 г. через Архангельск там был нанят Матвей Альберс, который получил „с приезду" 15 рублей, в следующие 3 месяца по 5 рублей, а потом стал получать месячный оклад жалованья в 10 рублей. В 1708 г. Альберс от дела „сам отстал".

В 1709 г. были приняты три новых иноземца. Из суконного двора в посольский приказ был прислан Яган Клих, который обещал ткать парусные тонкие полотна, „против голландской работы". Клих показал, что „державы он бывал Саксонского короля" и что в 1708 г. он был выслан в Москву из Польши „из военного похода" вместе с другими иноземцами— „ремесленными людьми суконного дела". Затем по челобитной был принят мастер Ефим Юрьев сын Крафт, который обязался варить пряжу, работать на станах, белить „супротив заморской работы самой доброй руки" и учить своему мастерству русских. Крафту был назначен месячный оклад в 5 рублей. Наконец, был принят, также по челобитной, иноземец Симон Ширский и отослан на Посольский двор, где ему дали свободный стан. Только в марте следующего года Ширскому „за прилежную работу" назначили месячный оклад жалованья в 3 рубля.

Обучением русских мастера иноземцы должны были „распространить и умножить" в России полотняное дело. Эта сторона их деятельности, по-видимому, больше всего интересовала русское правительство.

Первая партия русских учеников в числе 27 человек была принята в начале марта 1707 г. Турчаниновым; из них 15 были тотчас посажены

за стан ткать полотна, а 12—за шпулы мотать пряжу. С июня им стали выдавать кормовые деньги: ткачам по 30 алтын, а шпульникам по 21 алт. 4 деньги в месяц. В октябре кормовые деньги ткачам были увеличены до одного рубля. К сожалению, нет возможности установить продолжительность рабочего дня, но во всяком случае работа велась и в сумерки, когда помещения освещались сальными и маковыми свечами, которые покупались для „вечерового сидения".

Новопринятый ученик должен был в течение двух месяцев показать, что он „годен к делу". Тогда по его челобитной и по сказке купчины устанавливался месячный оклад жалованья [10]).

Принятые ученики освобождались от взыскания податей и тягла. 15 августа 1708 г. в присланном „из военного похода" письме за подписью Г. И. Головкина и П. П. Шафирова было написано, что государь указал: русским ученикам всем быть у полотняного дела „непременно и никуда их от оного не брать, также и никакого тягла и податей ни в который приказ о них не спрашивать". В этом же письме предлагалось принять меры к увеличению числа обучавшихся: „впредь для размножения того полотняного завода прибирать к тому делу учеников из таких же свободных людей, кроме помещиковых и вотчинниковых людей и крестьян".

Увеличение числа учеников, вероятно, стояло в связи с предположенной около этого времени постройкой новых зданий завода, так как теснота помещений на Посольском дворе не позволяла расширить производство. Тогда же в Новонемецкой слободе было заведено отделение в виде белильного двора.

Указ о новом приеме в ученики был прибит ко всем „градским воротам"; предлагалось желающим учиться скатертному и полотняному делу приходить записываться в государственный посольский приказ. В течение июня и июля 1709 г. число записавшихся значительно превысило потребность. Сначала принимали всех. В числе записавшихся были два ткача думного дьяка Емельяна Украинцева: мастер скатертного дела Матвей Степанов и Иван Татаринов. В июне записалось 18 учеников, в июле—13. Все записавшиеся отсылались на полотняный завод Посольского двора и к „беленью" в Новонемецкую слободу. До августа они работали без жалованья, после чего был сделан запрос о размере месячных кормовых денег и тогда последовал указ: двум ткачам Украинцева и 18 ученикам давать жалованье поденно, по 4 деньги в день, начиная со дня записи, а остальным 13 человекам выдать кормовые деньги по такому же расчету, но у полотняного дела им „быть не велено для того, что у записки явилось их многое число, чтоб в том его Государевой казне напрасно истраты не было, а когда понадобится и в то число можно тех учеников вновь прибрать". Уже в октябре было вновь принято в шпульники 5 человек [11]).

Весною 1709 г. ткачи Григорий Иванов, Леонтий Сергеев, Петр Степанов и основщик Павел Григорьев доносили, что они „полотняное дело,

---

[10]) Так, например, Евреинов показывал, что ученик Андрей Малышев работает в ткачах с 1 сент. по 2 ноября 1708 г. „и к тому полотняному делу он, Андрей, в том годен". 4 ноября последовал указ о том, что „быть ему у полотняного дела в ткачах" и давать месячный корм в 40 алт. В феврале 1709 г. подал челобитную о даче кормовых денег ученик Иван Бородин, тяглец Семеновской слободы. Евреинов показал, что „быть он у того дела в шпульниках годен и работает он, Иван, с февраля 1 числа марта по 30 число".

[11]) Среди записавшихся в ученики большинство принадлежало к тяглецам московских слобод и сотен, в особенности Кадашевской. Реже встречаются: купленный крестьянин галицкого уезда, дворовый человек. Яков Иванов сын Сыропятов про себя показал, что он жил у кн. И. Козловского бескабально лет с пять.

тонкие полотна ткать и во всем управлять и без мастеров умеют и за станами над учениками смотреть будут. а полотна де из дела станут выходить против прежнего скорее".

Это были первые обученые русские мастера.

2.

Первые полотна стали „выходить из дела" в 1707 г. В „военный поход", помимо донесений купчины, посыпались образцы выработанного материала.

К 1 мая 1709 г. завод выработал 161 штуку суровых полотен общею длиною в 4288 аршин и 45 штук, выбеленных в 1709 г., длиною в 1000 арш. Вместе с 9 штуками, отосланными в „поход", общая производительность завода за первые два года его существования выразилась в 215 шт. беленых и суровых полотен общею длиною в 5.550 аршин. В мае 1709 г. на станах одновременно находились в работе 22 штуки, в том числе 7 из тонкой пряжи.

В посланном Шафирову в 1709 г. отчете, который носил название „определительных статей", была подсчитана стоимость заводу одного аршина полотна. Расход оборотного капитала выразился к 1 мая 1709 г. в 3610 руб. 10 алт. 4 деньги [12]). Таким образом стоимость одного аршина была определена в 18 алтын с деньгою; штука полотна, в которой было 28 аршин, стоила 13 руб. 20 алт. 5 ден. Эта цифра была признана чрезмерно высокой и осенью 1709 г. была сделана интересная попытка поднять производительность завода посредством перехода *к другой системе оплаты труда.*

По донесению купчины, русские ученики работали в зимние дни над одной штукой полотна $2^1/_2$, 3 и 4 месяца, а летом—$1^1/_2$ и 2 месяца. В „определительных статьях" Евреинов предлагал перейти *на сдельную оплату*, считая, что тогда ученики будут работать быстрее и „безленостно для себя". С своей стороны, Евреинов предлагал платить за вытканный аршин полотна по 2 или по 3 рубля. На московском суконном дворе, который раньше перешел к такой оплате, за аршин сукна давали по 6 денег, а за аршин скаразеи по 3 деньги. Гендрик Декнут приложил к этой записке справку о том, как производится сдельная оплата за полотно в Голландии [13]).

---

[12]) В том числе на жалованье иноземцев было израсходовано 1463 руб. 10 алт. 4 д., т. е. около 40,5% всей суммы. На кормовые деньги русским ученикам вышло 613 руб. 17 алт. (около 17%). Остальной расход составляет покупка дров, пряжи, свечей и „всякие мелочные расходы". Затраченный основной капитал (вывоз иноземцев, покупка в Голландии станов и разных „инструментов", расход на изготовление станов в Москве и расход на оборудование помещений) за это же время выразился в 2297 руб. 24 алт. 4 д. Общий расход на завод, таким образом, составлял 5908 руб. 2 алт.

[13]) В Голландии сдельная оплата ткачам полотна производилась в зависимости от числа нитей в бердах:

Число нитей в бердах.	Оплата вытканного аршина (в деньгах).	Число нитей в бердах.	Оплата вытканного аршина (в деньгах).
800	4	1600	12
1000	5	1800	18
1200	6	2000	28
1400	8	2500	56

Эта мера была вполне одобрена Шафировым, положившим резолюцию: „Конечно учинить поаршинно платежи русским, буде немочно немцам того определить. И применится в том, почему дают на суконном дворе, а чаю по 2 рубля со штуки довольно. Только смотреть, чтобы делали не редко и не худо для поспешенья".

29 июня 1709 г. последовал указ о переходе на поштучную оплату: 22 ткачам было велено давать кормовое жалование по 1½ рубля за вытканную штуку полотна; основщику и шпульникам были оставлены прежние кормовые деньги. Русским ученикам был сказан „его великого Государя указ": всем начать работать над новыми штуками, а русским ткачам, умеющим ткать и управлять без иноземцев, была обещена „придача" за то, чтобы они смотрели над русскими ткачами „со всяким прилежанием и сами всегда были в беспокойстве".

Установленная норма оплаты в 1½ рубля за штуку показалась ткачам недостаточной. Они били челом, „что им та дача по полтора рубля от штуки мала, потому что прокормиться им тою дачею без прибавки нечем". Об этой их „упорности" было написано в „военный поход", после чего по новому указу оплата была повышена до 2 рублей.

Для точного учета работы в особую книгу заносились: день, в который начиналась работа над новой штукой полотна, день окончания работы, продолжительность работы отдельного ткача над одной штукой, длина вытканной штуки, вес и сорт пряжи, число нитей в бердах, полученная оплата.

Строго воспрещалось всякое другое вознаграждение кроме сдельной заработной платы. Старому под'ячему и Ив. Евреинову приказывалось быть на Посольском дворе „непрестанно" и „накрепко" смотреть за учениками.

Отдельные колебания в продолжительности работы были, конечно, очень значительны, тем более, что часть, правда незначительная, русских ткачей предпочитала не дожидаться окончания работы, которая продолжалась 2 и 3 месяца, а получать ежемесячно кормовые деньги по прежнему расчету. Ткач Никита Иванов, бравший кормовые деньги каждый месяц в 40 алтын, выткал штуку полотна в 26 арш. тонкой пряжи в 7 мес. 22 дня. При сдельной оплате наивысший предел продолжительности работы над такой же штукой полотна тонкой пряжи был 3 мес. 15 дней, а наименьший—1 мес. 22 дня [14]). И в работе над полотном ровной пряжи колебания были также значительны: наивысший предел—3 мес. (штука в 26 арш.), наименьший—1 мес. 12 дней. Ткач Забырляев, получавший прежний месячный корм, выткал штуку полотна ровной пряжи длиной в 25 арш. в 3 месяца 23 дня.

Приведенные примеры показывают, что переход на сдельную оплату несомненно увеличил быстроту работы отдельного ткача и уменьшил разницу, существовавшую между работой в зимние и летние месяцы.

К началу 1710 г. сдельная оплата была поставлена в зависимость от сорта полотна. Нижеприводимая таблица дает цифры оплаты и средней продолжительности работы:

Сорт полотна.	Оплата за 1 арш.	Плата за 1 штуку в 25 арш.	Средняя продолжительность работы.
Тонкое.	3 алт.	2 руб. 8 алт. 2 д.	2½ мес.
Средней руки.	2 алт. 4 д.	2 руб.	2 мес.
Ровное.	2 алт. 2 д.	25 алт.	1½ мес.

[14]) Ткач Григорий Иванов работал в зимние месяцы, с 23 окт. по 15 дек.: штука полотна была длиною в 25 арш.

Несколько позже для сдельной оплаты была принята голландская система, в свое время указанная Гендриком Декнут. В основу разделения различных сортов полотна было положено количество нитей (в сотнях), из которых вытачивалось бердо:

Количество нитей в бердах (в сотнях).	Плата за 1 аршин полотна.	
	Алтын.	Денег.
10	—	10
от 12 до 13	2	2
„ 14 „ 15	2	4
„ 16 „ 17	3	—
„ 20 и выше	3	3

Если сравнить цифры настоящей таблицы с цифрами, указанными Гендриком Декнут для Голландии [15]), то оказывается, что русская оплата была значительно выше для малого числа нитей в бердах и значительно ниже для большого числа [16]).

Шпульники, характер работы которых затруднял переход на сдельную систему оплаты, получали месячные кормовые деньги в зависимости от продолжительности пребывания на заводе.

Шпульники, сидевшие в 1710 г. у полотняного дела на Посольском дворе, разделялись на три разряда: старых, старого набора и нового прибора. В начале 1711 г. они получали кормовые деньги: 20 алтын; 21 алт. 4 д.; 30 алтын. Основщик получал 40 алтын.

Месячный корм получали также русские ткачи салфеточного и скатертного дела (в 1711 г. 1 рубл. 6 алт. 4 д.).

3.

Большие хлопоты причинял вопрос о белении вытканных на Посольском дворе полотен, а также о производстве скатертей и салфеток, которых приехавшие иноземцы ткать не умели, но производство которых упорно хотели завести в Москве „против голландского образца“. Наконец, в связи с желанием расширить завод, возник вопрос о постройке в Москве общего большого „завода полотен, скатертей и салфеток“.

Из высланных Андреем Мень в Москву иноземцев только Гендрик Декнут показал, что он „к беленью полотен белить искусен против голландских самых добрых“ и просил отвести ему для этой цели луг около реки. Луг был отведен, но во время разлива его затопило и купчина доносил, что „строить тамо невозможно“; поэтому стали искать другой луг. Одновременно с поисками луга Гендрик Декнут подал „роспись“ тому, что следовало построить для белильного двора, и просил увеличить его

[15]) См. выше примечание 13.

[16]) Аршин полотна в 10 сот нитей в бердах в Голландии оплачивался в 5 ден., в Москве—10 ден., т. е. в два раза выше. Аршин полотна в 25 сот нитей в Голландии оплачивался в 56 ден., в Москве 20 ден., т. е. почти в три раза ниже.

жалованье до 25 руб. в месяц, выдать в зачет жалованья 60 руб. и дать из шпульников одного работника для домашних нужд.

Шафиров отнесся к этому проекту сдержанно. Мысль построить на удобном месте „белильный двор" ему, повидимому, нравилась, но осторожный и недоверчивый к иноземцам и к русскому купчине, он не решался на одновременную крупную затрату и предпочитал ожидать „прок" в деле,— надо было постепенно все устроить. Что касается повышения жалованья, то Шафиров разрешил „о жалованьи договариваться и обнадежить, что ежели сделает против голландских, то учинена ему будет придача, а работника можно нанять и дешевше шпульника. Просимые вперед 60 руб. разрешалось дать в зачет прежнего оклада, а „когда работу покажет, то и жалованье прибавить возможно".

Между тем, в Москве продолжались упорные поиски русских белильщиков. В мае 1709 г. купчина доносил, что с приездом секретаря Василия Степанова велено искать русских белильщиков, „но нигде не сыскано, однако велено еще с прилежанием под'ячим и купчине приискивать".

4.

Осенью 1708 г. в Архангельск приехали новые мастера-голландцы. На этот раз—три мастера „скатертного и салфеточного дела камчатой руки": Яков и Иосиф Фондефеверы и Михайло Раате. Их „приговорил" в Амстердаме русский агент Фондербург. Новые мастера привезли с собой три стана „заморской работы", в том числе один большой скатертный и два малых салфеточных „инструмента".

Прибыв 2 ноября в Москву, мастера подали в посольском приказе свои „договорные статьи", с которых был сделан следующий перевод на русский язык:

„Великий Государь соизволяетъ всѣмъ хитросным и рукодѣльным людем иже склонны будутъ в вышеупомянутого Величества службу вступить и купно в Москву ѣхати и тамо свои почтенные хитрости и радѣние исправляти. Однако ж все на вышепомянутого Величества проторіі сие послѣдующие кондиціі.

1. Всѣ хитростные и рукодѣльные люди, тако ж і на море ходящие обязаны будут обязатися в вышепомянутого Величества службу при подписаніі сего на время 3-х годов и от того по проізволению вышепомятутого Царского Величества службу, начиная сколь скоро они в Амстердаме на карабль пойдут и к Архангельскому городу отъѣдут.

2. И всякой іс приятых особ здѣ в Амстердаме, вь их почтенных чинѣх по учиненному объявлению о их уговоренном или заслуженномъ жалованье, на руку дано будет за 4 месяца і поставя поруку за приятые деньги ко удовольству оныхъ, иже к сему от вышепомянутого Величества нарочно определены суть, і потом готовым посаженнымъ быти на карабль или на карабли, которые к сему учреждены будут.

3. В Москву приѣхав, подлежит всякому (из) нанятыхъ особ по их состоянию паки напред дати на 2 мѣсяца договоренного жалования і по прошествию сих первых 6 мѣсяцов, всякому изъ нихъ потом готовыми деньгами заплачено будет их договоренное жалованье от мѣсяца до мѣсяца, вскоре і без замедления.

4. Еще Его Царское Величество обѣщает свободной провоз отсюды до мѣста гдѣ ихъ вышепомянутое Царское Величество всемилостивѣйшіі изволит употребляти, хотя караблями, телѣгами, санми, судами, по случаю времени.

5. И когда в реченное мѣсто прибудут, сверхъ договоренного годового жалованья, еще имѣти будут готовое жилище з дровами (и) свѣчами.

6. Его Царское Величество позволяет еще всѣм под вышеписаннымі кондиціі приятым особамъ своих жон і дѣтей с собою брати и ежели междо ими оными некоторые обрѣтутца, иже которые хитрости і премудрости или рукодѣлия разумѣют, оные також употреблены будут і по их заслугамъ в вышепомянутое Царского Величества жалованье могут приведены быти.

7. Еще обѣщает Его Величество всем приятым особам позволяти свободное содержание своей вѣры і божией службы і оную по вся праздники, воскресенья, или святые дни, в покое і без трудности исправляти.

8. По окончаніі договоренных годов, будет всякому здѣ подписанной особе позволено паки отъѣхати или яко свободной человѣкъ тамо пребывати і почтенные хитрости и рукодѣлия к своей лутчей пользѣ употребляти.

9. Заплата их заслуженного жалования учинено будет гульдены по 20 штиверов ходячих денегъ такъ зде, как в Москвѣ і во всѣхъ іных вышепомянутого Его Царского Величества сущих государствах.

10. Но ежели кто из приятых особъ какого состояния не суть о пренебрежениі должности зло употреблениі и іных злых прегрешениі обвинен и освидѣтельствован будет, тот не токмо свое обѣщанное жалованье потеряет, ино і сверхъ того без всякого пашпорта і освобождения отогнан или и жесточае по состоянию дѣла наказан будет.

11. Но всѣ прежде сбъявленные кондиціі и артикулы мы, нижеподписанные особы и рукодѣльные и морские люди, всякой в своемъ почтенном состояніі сие своеручно подписал і обѣщает яко чесные люди всѣноіперво Его Царскому Величеству и потом всѣм начальникомъ над ними учрежденным, или иже впредь учреждены будут, во всяком почтеніі послушны быти и нашу службу или рукодѣлие вѣрно исправляти".

По заключенному условию мастера должны были получать месячное жалованье, исчисленное в голландских гульденах: Яков Фондефевер—140 гульденов, а Иосиф Фондефевер и Михайло Рааte—по 80 гульденов. В Москве им выдавалась только часть жалованья, каждому по 40 гульденов в месяц, а остальные деньги должны были получать в Амстердаме оставшиеся там их жены. Новых мастеров сначала поселили в Новонемецкой слободе на дворе, нанятом с 1 февраля по 1 июня, за 4 рубля в месяц.

Оборудование нового салфеточного и скатертного завода было элементарно просто: вскоре после приезда голландцев, в светлице на их дворе был поставлен один салфеточный стан, а другой—во второй светлице, но по донесению купчины новоприезжие мастера „упрямятся и не зачинают ткать", ссылаясь на тесноту помещений, и просили построить светлицу бо́льшего размера, а также призвать из-за моря еще иноземцев, а русских „допущать не хотят, хотя им о том многократно говорено". Шафиров сделал помету: „Выговорить для чего без дела время провождают и отказать в жалованье, буде не зачнут и русских к делу не допустят, а буде заупрямятся, то держать и в приказе, а об строении новых светлиц сказать, что построены будут, как увидят в ваших делах прок".

С 1 февраля по 25 апреля 1709 г. на этом заводе были вытканы первые 19 салфеток.

К 1 мая русских учеников на заводе было только 2 шпульника, которые мотали пряжу, салфетки же ткали сами мастера. Купчина доносил, что несмотря на приказание подыскать в русские ученики мастеров, которые на боярских дворах делали скатерти и салфетки, никого найти не могли. Было решено издать новый указ о приеме желающих в ученики, обещая „плату добрую", причем принимать лиц из слобод и свободных „без опасения", а из боярских дворов: „то смотреть того, чтобы не из знатных и за тех обещать помещикам за плату". Шафиров также прика-

зывал побуждать голландцев к обучению русских и в случае упрямства— держать их в приказе и сообщить об этом „для ведома" русскому агенту в Голландии Фондербургу.

Другое недоразумение с приехавшими иноземцами возникло при выдаче им месячного жалованья. По заключенному в Голландии договору, голландские гульдены переводились по курсу на „московскую ходячую монету". Голландцам стали выдавать деньги по такому же расчету, как получали голландцы, приехавшие в 1706 г., по курсу 10 алтын 4 деньги за гульден. Но Шафиров нашел перевод денег черезчур высоким и сделал помету: довольно было бы и по 10 алтын за гульден, потому что в договоре было сказано „ходячими монетами"; ведь и всем морским офицерам дается в Москве за голландский гульден по 20 штиверов, т. е. копеек. Выданные лишние деньги Шафиров разрешил вычесть постепенно, а если голландцы будут спорить и просить, чтоб им дали по 10 алтын 4 деньги, то об'явить им, что „если они покажут в деле своем прилежное радение, то им по тому давано будет, но ныне от них ничего еще не показано и для того сверх договора незачто им давать лишнево"; другое дело полотняные мастера, работающие на Посольском дворе: они прошли урочные годы, да и „дело свое показали". Когда об этом сообщили мастерам, они „за упорностью" отказались взять жалованье и в сентябре вновь били челом о выдаче денег за два месяца по первой даче. Их просьба была, в конце концов, удовлетворена.

Набор новых русских учеников к скатертному и салфеточному делу двигался очень медленно. В июле 1709 г. на этот завод в Новонемецкую словоду были переведены из полотняного завода: 2 ткача, 2 старых шпульника и 2 шпульника „старого набора".

5.

Летом 1709 г. происходили поиски удобного места для постройки общего полотняного, салфеточного и скатертного завода. Мастер скатертного дела Яков Фондефевер с товарищами и мастер полотняного дела Гендрик Декнут с товарищами, толмач Адольф Галом и купчина Ив. Евреинов искали вдоль Москвы-реки и Яузы, также на Пресне и на Красном пруде вокруг Москвы.

Шафиров остановился на земле вдовы Евгузинской, которая уступила землю со строениями за 500 р.

В конце года были построены: сарай, светлица и погребица. Возведение большинства зданий началось не раньше весны 1710 г. В течение года оборудование завода было закончено. Однако мысль сосредоточить в одном месте производство полотен, скатертей и салфеток, а также беление их, не была полностью осуществлена: полотняное дело по прежнему осталось в палатах Посольского двора.

Место, на котором возникли новые заводские постройки, было обнесено забором со створчатыми воротами. Около ворот находилась изба с сенями, в которой жили русские ученики. Красное окошко избы имело стеклянную оконницу. В сени вел чулан, забранный тесом. Около тех же ворот были построены еще: два амбара, погреб и сарай.

В одном из амбаров варили щелок, приготовляемый для беления полотен. В нем стоял кирпичный тройной горн, в котором находились три больших медных котла. Около амбара был еще погреб с напогребницею для хранения полотен и скатертей, поступавших в беление. Главная мастерская, в которой производилась работа над тканьем скатертей и салфеток, помещалась в большой двухэтажной светлице, имевшей форму квадрата,

каждая сторона которого была длиною в 4 саж. В нижней светлице стояли три стана с „инструментами". На одном стане ткали скатерти камчатой руки, а на двух других—русские ученики ткали салфетки. Светлица имела муравленную печь и стеклянные оконницы. Вторая светлица, помещавшаяся над первой, служила, повидимому, помещением для мастеров-иноземцев.

С заводского двора к реке Яузе были проведены три канала, а на реке был сделан деревянный бревенчатый плот с перилами. Наконец, на лугу, подходившем к реке, стояли выложенный кирпичем горн для варения пряжи и амбар для сторожа, который следил за полотнами, выложенными на солнце. Таково было, в общих чертах, устройство заводских служб.

Упорные поиски в Москве мастеров-белильщиков оставались безрезультатными. Между тем, полотна выходили недостаточно белыми—„не против голландских".

Наконец, 11 сентября 1709 г. Шафиров сообщил в письме, присланном из „военного похода", что русский агент в Голландии Фондербург принял в январе полотняных белильщиков: то были—Эрит Фанекин с женой и подмастерье Маурица Михиельс. Эти мастера отправились в Архангельск морем. Фондербург прислал счет издержек по найму и отправке мастеров, а также по покупке разных „заморских" припасов к плато-белильному делу. Некоторые статьи расхода, общая сумма которого выразилась в 2120 гульд. 20 штиверов, довольно любопытны. Так, напр., 10 гульденов пришлось дать белильщику, который „наговорил" нанятого мастера „понеже никто не хотел ехати". Сам Фондербург двенадцать раз ездил в г. Гарлем и в „иные места", в которых жили белильщики, на что издержал 72 гульдена. Наконец, собственные труды по приисканию двух мастеров Фондербург оценил в 25 гульденов за каждого, т. е. в 50 гульд.

Ожидаемый приезд белильщиков очень обрадовал Шафирова. Навстречу мастерам было приказано выслать нарочного с письмом Шафирова к архангельскому губернатору кн. П. А. Голицыну. Нарочный должен был сопровождать иноземцев до Москвы.

В ноябре оба мастера благополучно приехали в Москву и 18 числа явились в посольский приказ, где подали „кондиции", заключенные с Фондербургом. Мастер Эрит Фанекин должен был пробыть четыре года на службе царя „неотлучно, начиная с того числа, сколь скоро в Амстердаме на корабль сядут и поплывут к городу". Его жена на это же время была принята в „надзирательницы над мытьем", а белильщик Маурица Михиельс, который едва ли и раньше не прислуживал в семье Фанекина, был „приговорен" за „подмастерья и слугу". Маурица Михиельс должен был получать первый год по 12 руб., а остальные три года по 14 руб. в месяц русскими деньгами. Был установлен твердый курс: за один гульден выдавалось по 20 коп. „ходячих денег" или московскими деньгами, „с надбавкою", по 10 алтын.

С приездом белильщиков производительность плато-белильного завода значительно повысилась, хотя качество выбеленных полотен и салфеток попрежнему оставалось ниже голландских.

В 1710 г. на заводе были выбелены: две скатерти, шесть салфеток и 264 штуки полотен.

Выбеленные полотна и салфетки были показаны для оценки торговым людям польского ряда, которые ответили, что они, „ценить тех скатертей и салфеток и полотен не знают, потому что такие русские товары у них в ряду не бывали, а торгуют де они в ряду голландскими товары, да и для того ценить им невозможно, что те полотна еще из беленья в совершенство

против голландских не приведены". После русских купцов полотна осматривал торговый иноземец Немецкой слободы Яган Индрихельт и „сказал цену": аршин скатертей—23 алтына 2 деньги, аршин полотна—6 алт. 4 деньги и одна салфетка—1 руб. Небеленые полотна, скатерти и салфетки были оценены в $^2/_3$ цены беленых. Яган Индрихельт, кроме того, показал, что „таких де товаров скатертей и салфеток и полотен спрашивают у них их же братья торговые люди той слободы иноземцы".

Таким образом, один аршин полотна обошелся заводу по расчету, сделанному в 1709 г., приблизительно в три раза дороже рыночной цены, установленной торговыми людьми.

6.

В начале 1711 г. решено было передать заводы в руки частной торгово-промышленной компании.

Полотняный, скатертный и салфеточный заводы, а также двор, купленный в Немецкой слободе, со всем имуществом и личным составом мастеров и учеников, передавались „купецким людям", торгующим в Москве—Андрею Турке и Степану Цынбальщикову с товарищами [17]). Положение мастеров-иноземцев определялось заключенными раньше договорами. Купеческие люди, получившие заводы, должны были „распространить" завод „с прибылью своим коштом" и могли выработанные товары продавать „по вольною ценою на свой избыток". В случае, если они „умножат" завод и „учинят в нем прибыль", им обещалась милость государя; „а буде не умножат и нерадением умалят"—они подвергались штрафу в тысячу рублей с человека [18]).

„Добрые купцы", образовавшие промышленную компанию, были обязаны возместить расходы по вывозу из-за моря мастеров, по покупке „инструментов", двора в Новонемецкой слободе, по постройке зданий и за наличную пряжу. Общая сумма этих расходов, подлежавших возврату, была определена в 6067 руб. 30 алт. 4 д.

К маю 1711 г., когда была составлена подробная опись всему имуществу заводов, личный состав мастеров-иноземцев и русских был следующий:

иноземцев:

мастеров полотняного дела—3, мастеров скатертного и салфеточного дела—2, мастеров платобелильного деле—2, всего 7 чел.

русских:

а) на полотняном заводе на Посольском дворе: старых ткачей—9 (кроме них семеро считалось в бегах), новопосаженных ткачей—5, основщик—1, шпульников—34, всего 49 чел.;

б) на скатертном и салфеточном заводе в Новонемецкой слободе: ткачей—5 (в этом числе один ткач полотен), шпульников—17, всего 22 чел.

Общий годовой расход на жалованье иноземцам и русским составлял 2060 руб. 5 алт. 2 д.

О дальнейшей судьбе заводов сохранились случайные и отрывочные сведения.

В 1715 г. мастера-иноземцы жаловались в сенат „на купецких людей", которые не выдали им полного жалованья за многие месяцы. Иноземцы

[17]) В эту торгово-промышленную компанию, образованную указом государя, еще вошли: Борис Казамыщев, Алексей Нестеров, Иван Меньшой Филонов и отставной кузнец Филимон Аникиев.

[18]) П. С. З. № 2324.

просили выдать им заслуженные деньги и „ежели они более в государстве Его Величества для упомянутого дела непотребны—отпустить их в отечество, дабы им здесь в чужестранстве будучи напрасно с печали и от голоду не помереть". Только в 1718 г. их жалоба была удовлетворена и с купцов было взыскано по ведомости, присланной из посольской канцелярии, 1534 рубля 26 алт. 4 д. [19]). Из этих денег иноземцам-мастеровым и работным людям было заплочено полное жалованье по 1718 г. К этому времени оставались в Москве четыре иноземца: Иосиф Фондефевер, Михайло Раате, Симон Ширской и Яган Клих (Гендрик Декнут умер раньше). Русских мастеров осталось также немного: по ведомости было заплочено жалование 5 ткачам, 2 переборщикам и всего 3 шпульникам.

Как выяснило расследование, заводы фактически остановились с 1715 г. С этого времени купцы „мастеровым людям и делать ничего ни приказывали... и работные люди были праздны и то все уничтожили, чрез которое могли бы из русских учеников им обучиться". Хотя за такое „нерадение" купецкие люди „довелись... правежу жестокого истязания", но была сделана еще попытка обязать торгово-промышленную компанию содержать заводы. Об этом последовал указ в феврале 1718 г.

Одной из причин расстройства дела были, повидимому, серьезные недоразумения, возникшие между мастеровыми-иноземцами и русскими купцами. В 1718 г. Андрей Турчанинов с товарищами подали „доношение", в котором писали, что они скатертный, салфеточный и полотняный заводы „размножать станут", но просили предоставить им право отобрать к делу мастеров, а ненужных отпустить. К делу был выбран Иосиф Фондефевер, с которым купцы хотели заключить новый контракт, но Иосиф Фондефевер „к делу не пошел и сказал, что при них у того дела быть не хочет". Кроме того, купцы доносили, что Иосиф Фондефевер и Михайло Раате своему мастерству никого из русских учеников не обучали и поэтому не нужны. Когда после этого оба иноземца продолжали летом 1718 г. жить в Москве, обеспокоенные купцы возбудили просьбу—отпустить иноземцев на родину, дабы им „иноземческая бытность и житие их в Москве непричтено им было в платеж им заслуженного жалования или в иное какое состояние напрасно, и дабы повелено было оных мастеров допросить, для чего они, взяв с них заслуженное жалование, живут за их отказом многое число в Москве?"

Обоим мастерам были даны отпускные пасы. В Амстердаме они еще долго продолжали беспокоить русского агента, требуя денег, следуемых им по заключенным договорам.

Дальнейшая судьба заводов по материалам, сохранившимся в документах посольского приказа, неизвестна. Затруднение с получением рабочей силы вызвало по челобитной компанейшиков в 1719 г. указ сенату об отсылке на полотняную фабрику тонких полотен „баб и девок", которые „за вины свои наказаны" [20]).

Конст. Базилевич.

---

[19]) С. Турчанинова и Цынбальщикова по 500 руб., с Карамышева и Аникиева по 274 руб. 1 алт. 4 д.

[20]) Полное Собрание Законов, № 3313.

Очерк социальной истории промышленного пролетариата Выксунского района.

Предлагаемый очерк социальной истории пролетариата, работавшего в горной и железоделательной промышленности Выксунского района, является попыткой выяснить, при каких условиях создалась эта группа промышленного пролетариата и какие стадии своего развития она прошла. Зародившись при крепостном праве, этот пролетариат получил личную свободу вместе со всеми крепостными. Процесс „освобождения" оказался особенно болезненным, совпав с упадком производства заводов. Торжество промышленного капитализма в его наиболее отчетливых и ярких формах сделало пролетариат зависящим от совокупности очень сложных обстоятельств, устанавливающих жизнь внутреннего рынка, его спрос и предложение. Этим определяются три момента социальной истории этой группы: крепостного состояния, ликвидации и изживания крепостных отношений, свободного труда и расцвета промышленного капитала.

1.

Западная часть бывшего Ардатовского уезда, теперь Выксунского, по обилию залегающей здесь железной руды и по возникшей крупной железоделательной промышленности представляет как бы филиал Урала. Сходство идет и дальше: сложившаяся здесь промышленность была в дворянских руках, обслуживалась трудом крепостного населения и находилась в самых тесных связях с потребностями государства. Братья Андрей и Иван Баташевы, тульские оружейники, стали основателями здесь (на берегах Оки или вблизи от них) горных и железоделательных заводов. Вот их перечень: 1) в 1755 году основан Унженский завод; 2) в 1759 году—Гусевский; 3) в 1765—Выксунский; 4) в том же году—Велетминский; 5) в 1773—Илевский; 6) в 1779—Железницкий; 7) в том же году—Пристанский (на берегу Оки). Баташевы покупают земли и крестьян; путем залога вновь приобретенной недвижимости расширяют оборотный капитал; переселением из вновь приобретаемых местностей крестьян на действующие заводы увеличивают число рабочих рук. Производство разростается, на всем лежит отпечаток лихорадочной деятельности и скопления больших богатств в руках предприимчивых деятелей.

Посетивший Выксу в августе 1768 г. натуралист Pallas пишет, что при нем производились работы по восстановлению сооружений, которые сгорели от молнии в прошлом году. Некоторые постройки сделаны из камня. Руду находят на глубине от 5 до 7 сажень; не заботятся об укреплении шахт и ходов, знаменитых «дудок», почему рабочие нередко страдают от неожиданного обвала [1]).

[1]) Pallas, Reise, t. I, 38—39.

Другое более обстоятельное, хотя и несколько схематическое, описание Баташевских заводов уже конца 18 века мы находим в экономических примечаниях, сделанных при генеральном межевании земель Ардатовского уезда. Описаны четыре завода: Сноведский, Велетминский, Выксунский и Илевский. Они приводились в действие водой и представляли из себя следующие сооружения.

Сноведский завод [2]): «Домна с двумя горнами и молотовая деревянная фабрика с 6 горнами и толикого же числа молотами; в нем работается: из домных горнов выплавляется железная руда, привозимая из Владимирской губернии, из Малыковского округа; людьми делаются разные чугунные вещи, а временно отливаются показанным порядком пушки и прочие артиллерийские снаряды; а в молотовой выплавляется из чугуна железо полосовое, связное и сортовое; чугуна же из тех домен выплавляется до 172.980 пуд. в год, а иногда больше или меньше, который употребляется частью в литье, коего выливается в год до 300.000 пуд., а остальной идет в железо; оного куется всех сортов до 15.000 пуд.; продается при заводе: литье от 1 руб. 10 коп. до 1 руб. 30 коп., а железо, полосовое 1 руб. 60 коп., связное 1 руб. 70 коп., сортовое 2 руб. 75 коп., а затем оставшееся отпускается для продажи купцам Макарьевской ярмарки, а чугун, для перековки в железо, на другие заводы; сверх всего имеется 4 кузницы и слесарня и отливки чугунных вещей два деревянных сарая с 10 печками, в коих просушивают те вылитые вещи».

Велетминский железный завод [3]): «При оном заводе 2 молотни, в коих из привозимого с Выксунского доменного завода чугуна выковывается железо полосовое, стропильное, вязиное и сортовое».

Выксунские железоделательные заводы [4]): «Средний и нижний молотовой, каменные, при них фабрика стальная досчатая; на речке Выксунке рудокопная слободка, на речке Вожанке на правой стороне вновь поселенная деревня Лепухово. По речкам бывает в вешнее время для довольствия завода гонка лесу плотами. При оном заводе состоит каменная домна о дву горнах, в коей из железных руд добывается чугун и перековывается в молотовых фабриках в железо, а частью выливается из него разное литье, также выливаются и военные снаряды; а при том имеется фабрика каменная, в которой делаются железные котлы, горшки и прочая посуда; при том заводе выплавляется чугуна до 161.278 пуд.; из оного выковывается железа полосового 128.034 пуда, связного 11.800, сортового 2.707, шинного 1.992, листового 5.391, стали 782 пуд. При молотовых же заводах, при средней плотине, при первом—6 горнов и молотов, стальная фабрика о 4 печках и молотах; в молотовой делается из чугуна железо в год 9.000 пуд.; при третьем молотовом заводе, при нижней плотине, 2 молотовые фабрики, в них горнов и молотов 12, под коими тянут полосовое, стропильное, связное и прочих сортов железо».

Илевский железный завод[5]): «Каменная домна о двух горнах, в коей выплавляется чугун и выковывается из него в молотовых фабриках железо, выливается из чугуна разное литье и военные снаряды, делаются котлы и горшки, чугуну выплавляется 10.000 пуд. в год и более, в молотовых же делается железо полосовое, связное и стропильное и прочих сортов, до 7.000 пуд.».

Эти заводы, кроме применения водяной силы и человеческого уменья, еще нуждались в большом количестве топлива. Его давали стоявшие кру-

[2]) Экономические примечания Ардат. уезда № 19.
[3]) Там же, № 21.
[4]) Там же, № 22.
[5]) Там же, № 54.

гом заводов и принадлежавшие Баташевым леса, занимавшие площадь в одной территории, прилегающей к заводам, в 82.702 десятины. Топливо и руда доставлялись крестьянами стоявших вблизи заводов деревень; некоторые из них недавно были основаны из купленных и перевезенных крепостных. Так, например, на реке Выксунке стояла особая рудокопная слободка, возникшая, нужно думать, в недавнее время в связи с заводской деятельностью.

Заводы вырабатывали разнообразные изделия, которые поступали в вольную продажу, на рынок. Среди заводских изделий была особая группа — военные заказы, которая отчасти об'ясняет скопление в руках Баташевых колоссального богатства. Если нельзя отрицать хорошего сбыта обычных товаров железоделательной промышленности в то время, то поставка пушек и снарядов была исключительно доходной статьей. Время роста Баташевских заводов совпадает с двумя турецкими войнами, тремя польскими разделами, войной со Швецией, с Пугачевским движением, наконец, с созданием Черноморского флота. Нуждаясь в снарядах и пушках, правительство обратилось к Баташевым с вопросом, не возьмутся ли они на своих заводах приготовлять военные принадлежности, обещая выдавать награды 10% и даже 20% с затраченного капитала [6]). Уже в 1770 году Баташевыми были поставлены в адмиралтейств-коллегию 154 пушки, кроме бомб и ядер. Новый Железницкий завод всецело предназначался «для высверливания и точки отлитых на Выксунском заводе во флот пушек и военных орудиев». Правительство торопило ту фабрику «строением как наискорее окончить».

Таким образом, в центре Великороссии, вблизи от Оки, возник во второй половине 18 века центр крупной железоделательной промышленности, связанный крепкими нитями с государством, с его армией и флотом. Это была своего рода «тяжелая индустрия» дворянско-крепостной России екатерининской эпохи.

2.

Что же из себя представлял тот рабочий класс, который своим трудом и уменьем обслуживал эти заводы?

Словедский «вододействуемый» завод [7]) имел при себе особые дворы, где жили рабочие люди; в 112 дворах считалось 327 мужчин и 359 женщин. Кроме того, к заводу приписана была деревня в 27 дворов со 106 мужчинами и 88 женщинами. Первая группа считалась состоящей при заводе в разных работах и выделяла из своей среды до 250 человек мастеров; вторая группа, жившая в деревне, занималась хлебопашеством и имела 433 десятины пашни и 114 десятин сенного покосу, не считая усадьбы и леса, который был, по принятому в крепостное время обычаю, в общем пользовании помещика и крестьян.

Таким образом, часть крестьян, как мы видим, уже при самом основании заводов была оторвана от земли для работы на заводе, а другая часть, сохраняя связи с землей, должна была обслуживать завод «рубкой куренных дров, копкой и возкой руды». Название «*крестьянин*» для мастеровых завода, намекавшее на их происхождение и крепостную зависимость, уже не отвечало укладу их жизни и экономическому положению.

---

[6]) Русский биографический словарь, Баташевы.
[7]) Экономические примечания к Ардатовскому уезду, № 19.

Велетминский завод [8]), где не было плавки чугуна, где из «привозимого с Выксунского завода чугуна» выковывали разные сорта железа, имел другую социальную организацию. При нем не было деревни с чисто крестьянскими дворами; при нем жили только мастеровые в 70 дворах: 367 мужчин и 370 женщин. Пашня совершенно отсутствовала, под усадьбами было всего 8 десятин; памятником прежнего аграрного быта этих теперь оторванных от земли людей служил лишь сенокос—693 десятины. Как крепостные, эти бывшие крестьяне, превратившиеся в промышленный пролетариат, платили оброк. Из этого можно заключить, что они получали заработную плату, были с владельцем завода на денежном расчете. Отмеченный в описании Велетминского завода базар, который бывает «на каждую неделю по воскресеньям и на который привозят мелочные крестьянские товары, хлеб и протчие съестные припасы», свидетельствует о необходимости для рабочих обменивать заработную плату на предметы продовольствия.

Выксунский завод [9]), наиболее сложный и в некотором отношении центральный—при нем барская резиденция—обслуживался, во-первых, мастеровыми, размещавшимися в 217 дворах, где числилось 535 мужчин и 530 женщин и, во-вторых, крестьянами вновь поселенной деревни Лепуховой, имевшей 24 двора, в которых жило 93 мужчины и 110 женщин. Крестьяне-мастеровые состояли «при вышеписанных заводах Выксы в разных работах», а крестьяне деревни Лепуховой занимались хлебопашеством и землю обрабатывали всю на себя. Пашни было 186 десятин и 82 десятины покоса. В барском каменном трехэтажном доме, крытом железом, жила большая дворня; нужно думать, что из дворовых был набран штат служащих той конторы (Comtorhaus), которую видел Pallas. Дворовых значилось 98 человек.

Таким образом, на Выксе картина жизни рабочего населения, обслуживавшего завод, та же, что и на Сноведском заводе: оторванность от земли, заводская специализация одной группы, а рядом с ней—крестьянский резерв.

На Илевском заводе [10]) не произошло этой дифференциации между рабочим и крестьянином, между заводским и деревенским бытом. Там рабочее население размещалось в 169 дворах, где жило 527 мужчин и 530 женщин. Они занимались земледелием (под пашней было 1884 десятины) и вместе с тем «состояли на издельи на вышеписанном заводе».

Наиболее прогрессивным в смысле капиталистической организации производства, наиболее близким к системе вольнонаемного труда была, разумеется, Велетьма, где все сводилось к ясным денежным расчетам предпринимателя с рабочими, рабочих с базарными торговцами, где крепостная зависимость вылилась в мягкую форму «оброка». Илевский же завод представлял наиболее консервативную форму организации крепостного труда на заводе; заводская работа рассматривалась как барщина, которая не может быть помехой для прежнего крестьянского хозяйства и быта. Крепостная деревня здесь лишь выделяла часть своих рабочих сил на завод, не обращая их в особую социальную категорию, в промышленный пролетариат. А среднее место между двумя выше охарактеризованными организациями труда занимала организация труда на Сноведском и Выксунском заводах. Заводские рабочие, взятые из крестьян, были обезземелены и составили особую социальную группу; но они не получали заработной платы и, будучи крепостными, состояли на барщине, причем

[8]) Там же, № 21.
[9]) Там же, № 22.
[10]) Там же, № 54.

этой длительной барщиной была их заводская работа, за которую они получали содержание.

Трудно сказать, было ли у этого рабочего и крестьянского населения классовое самосознание. Во всяком случае классовому сознанию было чем питаться и поддерживаться. Рядом с заводами и избами мастеровых стояли господские дома; при Сноведском заводе—«господский деревянный дом с небольшим при нем регулярным липовым садом»; при Велетминском заводе—«господский деревянный дом и при нем регулярный сад с плодовитыми деревьями»; на Выксе, как уже было сказано, стоял «дом господский каменный о трех этажах, крытый железом, регулярный сад с плодовитыми деревьями и зверинец, в коем содержутся олени и дикие козы и во оном состоит для означенных зверей пруд» [11]). Обширные залы, галлереи, коллекция старинных картин, театр, где давались балеты и итальянская опера, все эти черты жизни Баташевых на Выксе, свидетельствуя о накопленных богатствах, проводили резкую разграничительную линию между ними и окружающим их населением, которое они сюда собрали и организовали для работы на заводах.

Местное народное предание, которое не знает прибавочной стоимости и стремится по своему об'яснить происхождение богатства Баташевых, вводит нас своим сюжетом в особую атмосферу крепостных отношений и барского произвола. По преданию, весь Гусевский завод был изрыт подземными ходами, и в одном из них, самом обширном, производилась постоянная чеканка монеты. Когда на завод прибыли власти, проведавшие о Баташевском монетном дворе, то владельцы не задумались похоронить живыми работавших в подземелье, отдав приказание засыпать все ходы и выходы.

Памятником грандиозных барщинных работ, которые здесь некогда производились, а вместе с тем изощренного господского вкуса считают [12]) пруды, окружавшие барскую резиденцию; они поражают своими размерами и красотой и более были нужны для изящества ландшафта перед господским домом, чем для заводского действия.

Появление горных железоделательных заводов в Выксунском районе было вызвано стечением целого ряда благоприятных обстоятельств—обилие топлива и руды, использование водяной силы, твердо установившийся и сравнительно легкий путь сбыта на Макарьевскую ярмарку или в казну, дешевый крепостной труд. Это были рамки, в которые вошла на долгое время деятельность заводов, это был проторенный путь, по которому шла жизнь заводов, начинаясь в «дудке» для добывания руды и кончаясь в приемной адмиралтейства.

Если в 18 веке на этих заводах стремились, в связи с военными заказами, к расширению производства, к увеличению самого числа заводов и количества крепостных людей, их обслуживающих, то в первую четверть 19 века заметна другая тенденция—интенсификации самого производства, приспособления заводов к запросам рынка,—отсюда получалась выделка кос, проволоки, гвоздей, машин для суконных фабрик [13]). В 1815 году была сооружена заводскими механиками паровая машина в 12 лошадиных сил. Чувствовалось в стране веяние промышленного капитализма, докатывались волны промышленного движения с далекого Запада. Однако,

[11]) Там же, № 22.

[12]) Безобразов. Народное хозяйство России, ч. II, стр. 233.

[13]) В Ардатовском уезде было 6 суконных фабрик, на которых вырабатывалось до 2000 половинок, мерою каждая 40 аршин длины и 1¾ арш. ширины; работало 816 крестьян, принадлежавших гр. Толстой. Ср.: Экономич. примеч. Ард. уезда, № 51.

прежде, чем перейти к новой системе производства, к паровой силе и вольнонаемному труду, заводы Выксунского района пережили большой кризис; с ним отчасти совпадает ликвидация крепостных отношений.

Что же дала она населению, обслуживавшему заводы?

3.

Чугунно-литейные и железоделательные Баташевские заводы продолжали оставаться очень крупными промышленными предприятиями и самыми крупными в Нижегородской губернии, не взирая на переход к новым владельцам, Шепелевым, и на некоторый упадок производства, общий для крупной дворянской промышленности в первой половине 19 века, которая, как известно, пользовалась крепостным трудом. Крепостной труд, по замечанию Тугана-Барановского [14]), несовместимый с техническим прогрессом и с изменяющейся требовательностью рынка, становится решительным тормозом промышленности. Те отрасли производства, где он господствует, перестают развиваться. В отчете о крупной промышленности в Нижегородской губернии за 1852 год мы читаем [15]), что заводы Шепелевых находились в расстройстве в виду отсутствия средств для производства работ, недостаточности заказов и обилия долговых обязательств. Заводы продолжали выпускать различные чугунные изделия и фигурное литье, шинное, полосовое, резное и листовое железо, проволоку, разного рода большие и малые железные изделия, машины. На Украинских ярмарках того времени среди товаров, привозимых из Нижегородской губернии, встречались обычно, наряду с Павловскими изделиями, также изделия Баташевских заводов [16]). Некоторые улучшения в производстве, не взирая на упадок, были сделаны: поставлены новые рудообжигательные печи по способу, принятому в Шотландии, введена правильная развеска руды, проложены рельсовые дороги, устроен очистительный горн, изобретение тамошнего главного механика Копьева. Неподалеку от Баташевских заводов в 1857 году помещик Карамзин, сын известного историографа, выстроил новый чугунно-плавильный и литейный завод, получивший имя Ташинского.

В таком положении находилась промышленность Выксунского района при ликвидации крепостных отношений. В приложении к трудам редакционных комиссий вот как изображается производство на одном из Баташевских заводов, Илевском [17]). К заводу приписано 322 двора. В них живет 1461 крестьянин. Никакой земли за ними не числится, хотя завод обладает колоссальным земельным фондом в 13.636 десятин; в том числе лесу и кустарнику 13.470 десятин. Все жители разделены на 640 мастеровых и 821 заводских крестьян. Они работают на заводе 25 дней в месяц и получают от 20 до 60 коп. в день. Дети и женщины не обязаны работать, но работая они получают от 10 до 15 коп. в день. Лугом и лесом крестьяне и мастеровые пользовались бесплатно, как обычно было в крепостное время.

Чтобы судить о той перемене, которая произошла в положении крестьян, обслуживавших Выксунские заводы в эпоху падения крепостного права, следует привести одну интересную таблицу, рисующую рост населения в пяти волостях, прилегающих к заводам, за 1858—1868 г.г. и степень земельного обеспечения крестьян.

---

[14]) Туган-Барановский. Русская фабрика. стр. 82.
[15]) Сборник Гациского, т. II, 157.
[16]) Аксаков. Исследование о торговле на украинских ярмарках, стр. 236, 241.
[17]) Приложение к трудам редакционных комиссий. Ардатовский уезд Нижг. губ.

В О Л О С Т И.	Число изб.	Число жителей 1858 г. м.	Число жителей 1858 г. ж.	Число жителей 1868 г. м.	Число жителей 1868 г. ж.	Количество десятин надела.
Выксунская.	1339	2955	3188	2421	2660	116
Велетминская	412	868	916	1112	922	36
Илевская.	448	1464	1588	1279	1300	198
Кумбакинская	176	277	265	374	322	600
Сноведская.	1071	2365	2495	2727	2953	942

Эта таблица [18]) определенно выясняет факт образования того пролетариата, который должен был обслуживать создавшуюся в этом районе крупную промышленность в то время, когда создалась система вольнонаемного труда. Ликвидация крепостного права, сопровождавшаяся закреплением обезземеления крестьян через новое право, освобождало бывшего владельца этих крестьян от прежней обязанности их кормить, а таким образом открывала новые перспективы перед владельцем заводов для усиленной эксплуатации полуголодного населения. Население этих волостей было и оставалось в неодинаковой связи с заводами; часть его, мастеровые не имели никакого хлебопашества и занимались только работами на заводе; другая часть, бóльшая, сохраняла связь с землей, но жгла уголь, добывала руду и доставляла эти материалы на завод. С этой системой была связана отработка того восьмирублевого денежного оброка, который должна была платить владельцу этих заводов каждая ревизская душа, получившая земельный надел. Бывшие мастеровые, владевшие только усадебной землей, иногда еще выгоном, платили выкуп за эту землю, согласно «Дополнительным правилам о крестьянах, отбывающих работы на помещичьих фабриках» [19]). Дом и усадебная земля стали цепью, привязывавшей этих людей к заводу. Лес и покосы уходили из общего пользования.

4.

В 1865 году за неплатеж казенных долгов Баташевские заводы были сданы в аренду английской акционерной компании, которая поставила себе целью при возможно меньших затратах извлечь возможно большие доходы. Она успела в немного лет вернуть из получаемых доходов весь складочный акционерный капитал, выплачивая акционерам ежегодно необычайный дивиденд; крестьянские оброки доставляли компании нужный оборотный капитал. Надо сказать, что вместе с заводами и всем имуществом бывшего владельца компания взяла в аренду также и оброки с временно обязанных крестьян и все связанные с ними помещичьи права над 9,000 душ крестьян в 33 деревнях. В 1879 году недоимок оброчных платежей с временно обязанных крестьян накопилось до 150,000 руб. [20]), и компания,

[18]) Сборник Гациского, II, 186.
[19]) §§ 4 и 5 этих правил. Положение 19 февр. 1861 г., стр. 387, изд. 1916 г.
[20]) Безобразов. Народное хозяйство в России, т. II, стр. 239.

ссылаясь на это, в свою очередь копила в арендных платежах. Посетивший в сентябре 1879 года Выксу Безобразов застал там три враждебных стана, своеобразие которых едва ли можно отрицать. Этими станами были: полиция, собиравшая недоимки, английская компания, взыскивавшая оброк, и вотчинная контора наследников Баташевских заводов, которая тоже собирала для наследников небольшие крохи, доход, выговоренный в их пользу в арендном контракте. По словам Безобразова [21]), рабочее и крестьянское население, получавшее на заводах скудные заработки и при малых наделах, влачило жалкое существование, и несомненно жизнь его после отмены крепостного права ухудшилась. Производство не расширялось. «Водворившаяся на развалинах старой барской резиденции новейшая эксплуатация русского мужика и русского добродушия цивилизованною космополитическою спекуляцией Европы составляла удивительный контраст с прежним весельем, здесь жившим на счет того же мужика».

Официальный документ, который трудно заподозрить в народнических тенденциях, губернаторский отчет за 1881 год устанавливает сокращение производства английской акционерной компанией на Выксунских заводах, отмечает отсутствие с 1865 года необходимого ремонта заводских сооружений, благодаря чему весной 1881 года вода подмыла плотины и, прорвавшись, затопила и разрушила значительную часть заводских построек и домов мастеровых, смыла огороды, которые по словам отчета при отсутствии земельного обеспечения давали некоторые продукты для продовольствия. Рабочие были в тяжелом положении—искали себе заработка на стороне; большинство вынуждено было довольствоваться местными скудными заработками. Так иностранный капитал хищнически эксплуатировал Выксу и ее рабочее население.

В том же 1881 году заводы перешли в новые руки, хотя срок аренды английской акционерной компании истекал лишь в 1885 году. С этого момента в истории промышленности Выксунского района и ее пролетариата открылся новый период.

5.

Акционерное общество Выксунских горных заводов, высочайше утвержденное в 1885 году и состоявшее отчасти из русских, а главным образом из иностранных капиталистов, пошло по пути последовательной и неуклонной рационализации всего производства, об'единяемого группой Выксунских заводов. Применены были различные технические усовершенствования; водяная сила должна была уступить силе пара; в целях концентрации был закрыт в 1895 году Велетлинский завод, отдаленный на 12 верст от Выксы. Стали эксплуатироваться новые виды топлива: традиционные дрова и древесный уголь заменены были отчасти торфом и нефтью, доставка которой облегчалась водным путем по Волге и Оке. Только добыча руды сохранила свои прежние примитивные формы; ее продолжали добывать, как и в 18 веке, «дудками»,—в плохо устроенных подземных траншеях работали «клюшками» и ломом рудокопы, нанятые заводом, или крестьяне-кустари на своей надельной земле. Конечно, если в 18 веке руда нередко залегала на поверхности земли, то теперь такие находки были редкостью и все больше и больше приходилось искать руду, углубляясь в землю и возвращаясь к разработке старых покинутых дудок.

90-ые годы 18-го века отмечены в России небывалым ростом железнодорожной сети [22])—отсюда для всей железоделательной промышленности

[21]) Там же, стр. 237.

[22]) Лященко. Очерки аграрной эволюции России, стр. 258.

богатый приток заказов. Выксунские заводы, наряду с сортовым железом, проволокой, машинными гвоздями, вырабатывали рельсы, сталь, котельное железо, машины. Производство в меру спроса рынка становилось все более сложным и дифференцированным. Условия, благоприятно сложившиеся для железоделательной промышленности, вызвали не только расцвет старых заводов, подобный тому, который они переживали в 18 веке при Баташевых, но и появление новых; среди последних размерами своего производства выделялся Кулебакский, принадлежавший обществу Коломенского машиностроительного завода, имевший в 1902 году 1500 рабочих, а общую сумму производства товаров в 2.000.000 рублей. Это был продукт капиталистического развития страны в последнее время. Отдельные заводы могли переживать кризис, временно сокращать производство, но общая тенденция крупной промышленности этого района, после того как были изжиты традиции и порядки крепостной эпохи, заключалась в расширении производства, что видно из приводимой ниже таблицы, составленной на основании ежегодных губернаторских отчетов, имевших особую ведомость о состоянии промышленности, а отчасти—земских обследований.

ГОДЫ.	Число заводов района.	Сумма производства.	Число рабочих.	Вспомогательные рабочие.
		руб.		
1867	6	1.164.758	8353	—
1874	7	1.389.650	3209	—
1884	8	2.231.704	6901	—
1888	8	4.260 115	4537	—
1902	11	5.850.000	5604	21239

Просматривая список владельцев 11 заводов 1902 года, мы констатируем тот интересный факт, что среди владельцев заводов уже нет ни одного дворянина. Самые крупные заводы (Выксунские, Вилевские, Илевский, Кулебакский заводы) принадлежали акционерным обществам, этому типичному образованию промышленного века. Более мелкие заводы принадлежали купцам и крестьянам (Князь Ивановский, Сатисский, завод в селе Череватове).

Переходя к вопросу о положении рабочих, обслуживавших эти заводы, мы встречаемся прежде всего с фактами неустойчивости общего количества рабочих, занятых в этой исторически сложившейся и выросшей промышленности. 70-ые годы, время господства английской акционерной компании, были отмечены уже как период упадка и расстройства производства; отсюда получилась цифра 3209 рабочих в 1874 году. Убыль рабочих в 1888 году может быть об'яснена общим промышленным застоем второй половины 80-х годов 19 века. «Понижательное движение вновь усиливается и решительный поворот в этом отношении наступает только с 1889 года, который служит началом не бывалого еще в России оживления акционерной деятельности... Вторая половина 80-х годов была отмечена промышленным застоем», говорит исследователь русской фабрики [23]). В эпоху рас-

[23]) Туган Барановский. История русской фабрики, стр. 337.

цвета капиталистического хозяйства на этих заводах состав рабочего класса не изменился: в него входили, как и прежде, жители заводских поселений и окрестных деревень; первые, оторванные от земли целыми поколениями, составляли разряд чистого пролетариата; вторые, названные вспомогательными рабочими, были наполовину крестьянами, обрабатывали плохо родившую землю и вместе с тем обслуживали завод, заготовляя и доставляя дрова, уголь, торф, добывая руду, что отнимало у них 4—5 месяцев в году. Если первые жили только на заработную плату, то вторые, кроме заводского заработка, имели еще доход от земли. Среди пролетариата встречались люди разной квалификации, разных навыков и умений; крестьянская масса была более однородна. Правда, начавшаяся добыча торфа выделила среди вспомогательных рабочих небольшую группу специалистов, но это было единственное явление в своем роде. Группа вспомогательных рабочих [24]), состоявшая из 21239 человек, разделялась на рудокопов—1700, на заготовщиков угля, дров и торфа—12212, и на перевозчиков всех этих материалов—7327. Экономическое и бытовое положение жителей трех заводских волостей Выксунской, Велетминской и Илевской можно выяснить следующей таблицей, составленной по данным земского экономического обследования Ардатовского уезда, которое было произведено в 90 годах минувшего века [25]).

ВОЛОСТИ.	Число дворов в 1890 году.	Число жител. 1858 год.	Число жител. 1890 год.	Десятин земли. Под усадьбой.	Пашня.	Выгон.	Итого.	Земли наемные в дес. Число дворов нанимавших землю.	Пашня.	Покос.	Покос, нанятый на 1 год.	Дворов без скота.	Бездом. дохозяйств.	Платежи. Государств.	Земские.	Волостные.	Итого.	Число жителей на душу.
Выксунская . . .	668	6130	3090	120	14	--	134	257	13	13	493,5	297	66	4	10	2560	2574	681
Велетминская . .	369	1779	1611	36,8	—	—	36,8	176	—	—	356,7	139	28	1	3	1350	1354	510
Илевская	660	3022	3776	147	—	51,3	198,3	-	-	—	—	151	21	6	19	818	843	75[illegible]

Рассматривая эту таблицу, мы еще раз убеждаемся, что промышленный пролетариат, обслуживавший эти заводы, сложился не из пришлого населения, а из местного обезземеленного крестьянства; вероятно, отдаленные предки многих из этих крестьян, попавших в земское обследование 90-х годов, были переселены сюда Баташевым. От своего старинного быта пролетариат сохранил способ расселения, волостную организацию, некоторые остатки земледельческого хозяйства. Насколько сильна тяга к этому хозяйству, видно из количества десятин арендуемой земли.

Характерна убыль населения в двух волостях—Выксунской и Велетминской, которая произошла за годы от 1858 до 1890. Очевидно, с одной стороны, кризис заводской промышленности в переходную эпоху от крепостного труда к вольнонаемному, а с другой—невозможность приноровить размах заводской работы к тому, чтобы она поглощала все рабочее население волостей, вызвали этот отлив; он имел место и в 1890 году, как

[24]) Материалы к оценке фабрик и заводов, стр. 42.
[25]) Ардатовский уезд по данным земского обследования. Экономическая часть.

показывает последняя графа таблицы. Внутри этого пролетариата произошла своя дифференциация, на что указывают числа дворов без скота и бездомовых хозяев. Надо думать, что основной причиной этой дифференциации служила заработная плата, как главный источник средств для существования. За отсутствием точных данных трудно судить об эволюции заработной платы. В то время как мы имеем точные данные о заработной плате последнего момента—1902 года, о заработной плате более раннего периода мы не имеем достаточно точных данных. Если воспользоваться данными 1902 года и перевести их на хлеб, то получится такая таблица:

Мастер в неделю	12 р. — к.	т. е.	16 пуд.
Рабочий мех. цеха	7 р. 50 к.	„	10 „
Кузнец и котельщик	7 р. — к.	„	9,3 „
Рудокоп	4 р. 20 к.	„	5,6 „
Женщины	1 р. 20 к.	„	1,6 „

Данные о заработной плате в 1848 году составлены в других наименованиях.

Мастер в среднем получал	5 р. 75 к.	т. е.	12,8 пуд.
Подмастерье	4 р. — к.	„	8,8 „
Работник	3 р. 25 к.	„	7,2 „
Ученик	1 р. 10 к.	„	2,4 „

Сравнивая эти данные, приходишь к выводу о сравнительной высоте заработной платы в 40-ые годы прошлого века, что было отмечено, как известно, Гакетгаузеном, путешествовавшим тогда по России. Если принять во внимание общий рост потребностей, несомненно сказавшийся и в рабочей среде в начале 20 века, то можно притти к выводу, что не взирая на некоторое повышение заработной платы в 1902 году по сравнению с 1848 годом, рабочий едва ли чувствовал большую материальную обеспеченность вследствие некоторого возрастания заработной платы. Зато перспектива сокращения производства в зависимости от условий рынка была гораздо более реальной угрозой в 1902 году, чем в 1848 году. Как ни различаются по наименованиям группы рабочих с обозначением заработной платы—одни наименования обозначают специальности, другие—цеховые степени, все-таки ясно одно, что среди пролетариата заработки неравномерно распределялись, и земское обследование 1890 года показало различные градации обеспеченности или, если угодно, необеспеченности среди рабочего населения.

Подводя итоги сказанному о социальной истории промышленного пролетариата Выксунского района, мы хотели бы остановить внимание на следующем.

Социальная группа, создавшаяся в процессе созидания промышленности, нами изученная, поражает своей устойчивостью. В самом деле, рабочее население района, сложившись из двух групп, одной—обезземеленной, другой—находившей на заводах добавочный заработок к своему земледелию, доживает в своем хозяйственном быту от первой половины 18 века до начала 20 века, несмотря на все перемены, которые кругом происходят, несмотря на успехи техники, на переход от крепостного труда к наемному.

В том пролетариате, который возник в Выксунском районе вместе с заводами, сохранялась близость к крестьянству, и эта близость была

троякая: 1) территориальная, так как заводы возникли в сельской местности, вдали от города; 2) организационно-бытовая, так как пролетариат входил в волость, имел усадьбы и покосы; 3) экономическая—так как вместе с крестьянином пролетарий был предметом эксплуатации со стороны владельцев заводов, доставляя им своей рабочей силой прибавочную стоимость.

Характерна для психологии этого населения борьба за лес и покосы в 1905 году [26]); пролетариат хотел исправить обиду, причиненную ему в эпоху ликвидации крепостных отношений.

С. Архангельский.

---

[26]) С. Архангельский в сборнике „Материалы по истории революционного движения, под. ред. Илларионова", стр. 209.

Рабочие на Ленских золотых приисках.

Окончание [1]).

VI.

Заработная плата, ее формы и реальный размер.

Согласно таксе, составлявшей часть договора, существовали три вида заработной платы: поденная, сдельная и отрядная. Поденная была распространена среди рабочих, занятых такой работой, которая не может быть определена на вес и меру, а лишь на время, — ее получали вахтовые при водоотливах, караульные, конюха, хлебопеки, мастеровые и чернорабочие. Сдельную плату получали, главным образом, рабочие по добыче и промывке песков, где труд их оплачивался соответственно количеству выработанной породы или отведенного на промывку песку. Отрядная плата встречалась сравнительно реже и устанавливалась каждый раз по особому соглашению с рабочими, например, при постройках зданий, выработке целой партии тачек для отвозки породы и т. п. Заметим, что часто термины „сдельная" и „отрядная" плата употребляются на золотых приисках один вместо другого, особенно при подсчете выработки породы.

В 1910/11 г.г. и 1911/12 г.г. поденная плата [2]) колебалась от 1 р. 35 к. чернорабочим до 1 р. 75 к. и 2 р. 25 к., редко выше,—мастеровым. В таксе значилась также так называемая „хозяйская плата" обыкновенного („поторжного") рабочего—за домашние работы—в размере 1 р. 25 к., но плата эта признавалась самим Товариществом слишком низкою и к ней прибавлялось 10 к. за „сотку"—стоимость водки, как пережиток тех времен, когда на приисках запрещена была торговля водкой и золотопромышленники выдавали ее натурой. Труд поденщицы оплачивался 80 копейками. По мере специализации работы, цены увеличивались. Забойщики получали по 1 р. 50 к., а при углублении мокрых шахт—по 1 р. 90 к.; кузнецы и машинисты—уже до 2 р. 25 к., слесаря—до 2 р. 75 к. Выше всех расценивались работы монтеров, которые за 12-тичасовой рабочий день получали до 3 р. 25 к. Число таких рабочих, однако, было крайне невелико.

Надлежит отметить, что Ленское товарищество, скупив в 1910 г. прииски бывшей Компании Промышленности и сделавшись монопольным предпринимателем, уменьшило поденную плату рабочих на купленных приисках с 1 р. 80 к. до 1 р. 50 к. (в сухих забоях), с 2 р.—2 р. 50 к. до 1 р. 90 к. (в мокрых забоях), с 1 р. 60 к. до 1 р. 35 к. (для чернорабочих) и т. д.

Вообще поденная плата стояла ниже обычной в данной местности заработной платы, как это видно из следующей таблицы:

---

[1]) См. Архив истории труда в России, кн. 4-я, стр. 62—84 и кн. 5-я, стр. 47—56.

[2]) Подробное сравнительное изложение таксы (поденной и задельной платы), действовавшей в операцию 1911/12 г., измененной промысловым управлением 22/V 1912 г. и установленной окончательно 25/VI 1912 г., приводится в отчете С. Манухина (см. прилож. № 20, стр. 1 –25). В несколько более сокращенном виде см. „Правда о Ленских событиях" (прилож. № 6, стр. 17 –19), где проводится сравнение с таксою 1910/11 г.

	Ленское Т-во.		Местные цены [3].	
	р.	к.	р.	к.
Возчики песков, вспомогательные рабочие, ремонт тракта, рубка дров, погонщики и вообще чернорабочие	1	35	1	50
Добыча песков (горняки) в сухих шахтах	1	50	1	80
Кузнецы	1 2	90 25	2	90
Кровельщики	1	60	3	20
Маляры	1	80	2	50
Столяры	1 2	90 20	3	
Слесаря	1 2	75 75	3	—

Это об'ясняется, как мы уже говорили выше, тем, что наем рабочих производился Товариществом осенью, 1 октября, когда рабочим невозможно было выехать с приисков, когда время предложения рабочих рук часто превышало спрос, так как прекращались работы вольных „старателей" и последние стремились во что бы то ни стало попасть на зиму в рабочие к золотопромышленникам. Понижение поденных расценок не только по отдельным видам работ, но в среднем в отношении всех работ сделалось явлением, прочно установившимся. Так, средняя поденная для всех рабочих плата равнялась в 1908/9 г.—1 р. 98 к., в следующем году понизилась до — 1 р. 96 к., а в 1910/11 г. равнялась уже—1 р. 94 к. А между тем, стоимость продовольствия в тот период поднялась (в год на 5%).

Что касается оплаты отдельных видов труда в 1911/12 годах, то необходимо иметь в виду, что большая часть подземных работ и горных работ на поверхности земли оплачиваются обыкновенно не поденно, а сдельно. Сюда относятся: добыча песков, откатка их по шахте, вскрытие торфов, добыча песков из разрезов при открытых работах и отвозка песков из накопленных за зиму отвалов песков на золотопромывательную машину.

В основу вознаграждения положена была поденная заработная плата 1 р. 50 к. при выемке песков из подземных забоев, т. е. при основной горной работе. Предполагалось, что всякий рабочий при подземной добыче песков может выработать 3 куб. арш. в день, а при старании 4, 5, 6 и т. д. аршин. Поэтому за 3 первых аршина было назначено по 50 к. за аршин, за каждый же аршин сверх этой минимальной нормы полагалась прогрессивная прибавка: за четвертый аршин по 70 к., за пятый—по 90 к. В передовых забоях, с сильным притоком воды, плата составляла 2 р. 10 к. за первые три аршина, 1 р. за четвертый и 1 р. 10 к. за пятый. Отметим, что обязательным уроком выработки считались 4 аршина. Но это было чрезмерно, непосильно для массы рабочих. Для выработки 4 аршин требовались и особо благоприятные условия, и исключительное напряжение физических сил.

Дневной урок имел то значение, что рабочему, выработавшему его и обязанному, кроме того, крепить шахту лесом, полагалась добавочная

[3]) По справочным ценам Городской Управы гор. Бодайбо. См. „Правда о Ленских событиях" (прилож. № 10, стр. 27).

плата в 30 к. (на человека), если дальность откатки была от 40 до 50 саж., в 50 к.—при дальности от 50 до 70 саж. и в 80 к.—от 70 до 100 саж. С другой стороны неисполнение всего урока влекло за собою назначение рабочему пониженной поторжной платы в 1 р. 45 к.

Таким образом, при выработке обязательного урока в 4 арш. плата была бы при близком забое 2 р. 20 к., а при дальнем—до 3 р. на человека. При обязанности рабочих не только добыть, но и вывезти по шахте пески и при назначении как бы премии за усиленную работу, всякие недостатки пути, а особенно простой у зумпера из-за задержек в под'еме песков, препятствовали возможности выполнения урока и влекли за собою уменьшение заработка, так как при очень неудобных забоях усиленный труд неизбежно переводился на пониженную поторжную (поденную) плату.

Ленское Товарищество установило одну и ту же заработную сдельную плату на всех приисках и при всяких условиях работы, оставив без внимания более тяжелые условия труда в том или ином месте. Плата в 1 р. 50 к. за выемку в сухом забое была назначена независимо от того, какая порода оказывалась в забое, проводился ли забой по целику или шел в подготовленной прошедшими работами породе, по отработке „столбов" или „стульев". То же самое следует сказать и о возке породы на промывательные машины. Поднятая из шахты порода („песок") сваливается на поверхность земли в „отвалы". Добытая зимою порода, особенно в мокрых шахтах, слеживается и смерзается иной раз так сильно, что оттаивает лишь к концу лета; добытая же летом сравнительно легко поддается усилиям при погрузке в тележки для отвозки на машины. При расценках же за возку песков взята была одинаковая норма для вывозки 5 куб. саженей. артелью в 8 чел.

Регулировался заработок только переводом рабочего, по усмотрению приискового управления, с одного забоя или отвала на другой, что открывало простор для произвола, а также порождало неправильные замеры работ рабочим, труд которых в части оставался без оплаты. Замер на подвигание забоя вперед производился ежедневно. Так как поверхность забоя неровная, он замерялся только до края последней поставленной крепи; излишки работы, незамеренная выемка, при перестановке рабочих на другое место, попросту игнорировались и не шли в счет сделавшим ее рабочим. Поэтому рабочие, загнав крепь, уже не приступали к дальнейшей работе по выемке, не расчитывая вполне кончить ее и закрепить до конца смены. Далее работать не стоило, так как был риск ничего не получить за труд [4]). Разумеется, если бы забой работала одна артель, то работа шла бы успешнее, чем при частой, нередко ежедневной, смене работ, вызываемой неподвижностью отдельных ставок заработной платы при разном различии трудности работы в разных забоях.

Каждый забой имеет свои особенности, с которыми надо свыкнуться рабочему и приноровиться для развития наибольшей производительности; необходимо также привыкнуть и приспособиться к породе „кровли", дабы вынимать из под нее породу не наугад, а с сознанием безопасности от частичного обрушения или сползания пород. Ясно, что обязательное оставление рабочих одной и той же артели на продолжительное время в забое сильно увеличило бы и производительность и заработок рабочего.

Таким образом, величина заработка зависела от усмотрения служащих Товарищества, увеличиваясь и уменьшаясь смотря по тому, куда

---

[4]) Получались, как видно из примеров, приведенных в „Правде о Ленских событиях" (стр. 23), значительные колебания заработка для одних и тех же рабочих: 1 р. 35 к., 1 р. 02 к., 1 р. 08 к., 1 р. 17 к. и т. д.

рабочего поставят, и этот порядок порождал неудовольствие рабочих[5]). Особенно возбуждал рабочих сложный способ подсчета выработанного урока и недобросовестность низших агентов при этом подсчете.

Порядок учета и замера рабочим их работ применялся (с небольшими на разных приисках изменениями) следующий. После раскомандировки рабочих утром, все забои обходились и люди переписывались по забоям в натуре. Переписной журнал отсылался в контору, где разрабатывавшиеся забои заносились в особый „журнал песков и рабочей платы". Вечером делался обмер произведенных работ и заносился в „журнал шахты", который вечером же передавался в контору для проверки. На следующий день журнал с переписною книгою возвращался смотрителю шахты, который переносил из журнала в книгу цифры кубической выработки и сведения о характере работы. Затем из книги в „журнал песков" заносились цифры кубатуры и плата. К концу месяца плата заносилась по табелям каждого отдельного рабочего. В книге же личных счетов записывался заработок только в общей сумме.

При таком порядке, хотя замер работ производился ежедневно, рабочий не знал, сколько и за какой день он заработал. Узнавал он о своем заработке раз в месяц, причем ему пред'являлась лишь общая сумма, с указанием, что она причитается за столько-то дней работы забойщиком, столько-то за дни, проработанные в качестве поторжного, и т. д. В течение месяца рабочий мог перебывать на нескольких (иногда до 10—15) разных работах, каковым при сложности таксы могло быть 10—12 различных цен. Установить действительный заработок при таком порядке было не под силу не только рабочему, но и счетоводу.

В виду сложности такс, требовавших массы труда, большой тщательности и добросовестности при ежедневных выборках, подсчет делался чаще всего на практике упрощенным порядком, а именно, все работы делились на две группы и заносились рабочим, примерно, так: „За шахтовые работы отрядно столько-то; за разные работы (принималась самая меньшая плата) столько-то".—И подсчет готов. Обнаружить его неправильность рабочий, конечно, не мог.

Особенно много жаловались рабочие на неправильность обмера выработанной породы при подземной работе. Здесь царил полный произвол и все зависело от какого-нибудь нарядчика; никто не решался заметить допущенную неправильность, так как администрация рассматривала всякую жалобу, как нарушение дисциплины, и карала жалобщика.

Иногда рабочему удавалось выработать в день много, но далеко не всегда он мог воспользоваться своей удачей: смотрители шахт, принимая от нарядчиков сведения для записи их в шахтовый журнал, уменьшали записи—и рабочий в конце месяца поражался своей малой выработке.

Все эти обмеры и обсчеты, вольные и невольные, создавали тревожную атмосферу среди рабочих.

По словам ревизии сенатора Манухина, „то обстоятельство, что записи работ и оценка труда нередко производились неправильно, не подлежит никакому сомнению, именно в виду постоянно проявлявшегося со стороны администрации стремления всегда извлекать из труда рабочих возможную выгоду". Прежде всего следует указать, что при замере выработки породы в забое ширина последнего, по установившейся в Товариществе практике, измерялась по потолку („огниву") забоя. Не представляя

[5]) Обращает на себя внимание то обстоятельство, что на других приисках того же района, а именно на приисках б. Компании Промышленности, существовала, известная и многим рабочим Ленского Товарищества, весьма эластичная шкала сдельных плат, в зависимости от трудности грунта.

никаких неправильностей, когда потолок забоя и его пол („полотно") были одинаковой ширины, такой способ в забоях, которые суживаются к потолку (в так наз. „разбалаганках"), очевидно, был невыгоден для рабочих, так как расчет производился по наименьшей ширине. Представляя в каждом отдельном случае незначительную разницу (в одну—две сотых сажени) между действительно выработанною породою и показанною по книгам, применение указанного способа замера в массе приводило к тому, что, например, за операцию 1910/11 г.г. *около одного миллиона пудов* выработанных рабочими песков оказались не оплаченными.

Нельзя не отметить того обстоятельства, что замер работ производился на сотые доли сажени, а выработки в забоях расчитывались кубическими аршинами. Не говоря уже о действительной возможности умножения ошибок, такой переход от соток к аршинам не только с трудом усвавался рабочими, но и давал им, не без основания, повод относиться к нему с подозрительностью и предполагать, что он является одним из средств для обсчета.

Сенатору Манухину было подано 370 заявлений о неправильном ведении расчетных книжек и в 120 случаях само управление признало наличность неправильностей и согласилось возместить рабочим причитавшиеся им денежные суммы.

Вопрос о заработке ленских рабочих возбудил в свое время много споров в литературе и прессе. С одной стороны утверждалось [6]), что они получают более, чем рабочие во всех остальных местностях России (в среднем по России в 250 р., а для Петербурга напр,, в 1902—1905 г.г.—384 р.) и даже более, чем в Англии (где средний годовой заработок промышленного взрослого рабочего определялся в то время в 550 р.), чем во Франции (540 р,), Германии (450 р.) и Австрии (340 р.);—рядовой ленский рабочий (не мастеровой) в операцию 1909—10 г. зарабатывал—606 р. в год [7]).

Последняя цифра преувеличена,—она получена была не путем подсчета фактического заработка, а путем бухгалтерским, а именно: взято общее количество поденщин в год, разделено на 365 и таким образом получено 5164 годовых рабочих; затем взята общая сумма годового заработка всех рабочих (3.186.219 р.), разделена на 5164 и полученный итог 617 р. об'явлен средней заработанной платой для всех рабочих, а затем путем исключения отброшены высокие платы некоторых категорий мастеровых, после чего средняя плата рядового рабочего оказалась равной 606 р. При этом вычислении допущена была явная натяжка,—не исключены праздники, благодаря чему преуменьшено число рабочих. Если же ввести эту поправку [8]), то число рабочих окажется равным уже 6179, а средний годовой заработок понижается до 515 р. 65 к. или в месяц—до 42 р. 97 к.

---

[6]) См. Невский. Ленские события и их причины, стр. 15—21 и стр. 28—35.

[7]) Приведенные цифры и сопоставления заимствованы из следующих источников: 1) М. Ф. Горбачев. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию Ленского Горного Округа, т. I. СПБ. 1905 г.; 2) Л. Грауман. Деятельность Ленского Золотопромышленного Товарищества за операцию 1894—95 г.; 3) Материалы об экономическом положении и профессиональной организации петербургских рабочих по металлу. СПБ. 1909 г.; 4) М. Лебедь-Юрчик. Распределение дохода и оплата труда в сахарной промышленности. Ямполь. 1912 г. и 5) „Заработная плата служащих и рабочих бакинского нефтепромышленного района". (Изд. Совета С'ездов нефтепромышленников). Баку. 1912 г.—Абсолютная ценность и интерес указанных источников не устраняют, однако, той односторонности и натянутости полученных выводов, которые об'ясняются частью неправильностью примененных статистических приемов, частию тенденциозностью поставленной цели.

[8]) По действовавшему закону (Правила о найме рабочих золот. прииска, ст. 28) рабочие могли иметь 60 праздников в год и, следовательно, число рабочих дней не превышало 305.

Но и этот вывод все-таки выше действительного заработка, так как при его исчислении неполностью изъяты квалифицированные заработки мастеровых, кроме того число нерабочих дней в действительности еще больше, благодаря болезням и прогулам. Из просмотра расчетных книжек и опроса рабочих стало очевидным, что заработная плата горнорабочих колебалась от 35 р. до 48 р. в месяц. Большая группа рабочих, получавшая поденно 1 р. 35 к., вырабатывала при 25 рабочих днях 33 р. 75 к. в месяц; вахтовые, бурильщики, кочегары получали от 50 р. до 60 р., мастеровые (слесаря, монтеры, машинисты) получали до 90 р. и более,—но это уже аристократия труда.

Проводимые здесь вычисления вполне совпадают с данными о действительном размере заработка, полученными из опроса Переселенческим Управлением 3704 рабочих Ленского Товарищества при проезде их на родину через Иркутск. При этом выяснилось, что зарабатывали в месяц:

Меньше 30 р.	41 чел.	1,1%
30 р. — 35 р.	843 „	22,8%
36 „ — 40 „	1307 „	35%
41 „ — 45 „	923 „	25%
46 „ — 50 „	357 „	9,7%
51 „ — 55 „	105 „	2,9%
56 „ — 60 „	79 „	2,2%
61 „ — 65 „	20 „	0,5%
66 „ — 70 „	20 „	0,5%
свыше 75 „	8 „	0,3%
неизвестно	1 „	
	3704 чел.	100%

Не надо, однако, забывать, что величина заработка сама по себе еще мало говорит о материальном положении рабочих. Необходимо выяснить реальную заработную плату. Цены на продукты на приисках очень высоки, благодаря монопольной торговле Товарищества. Следует также иметь в виду, что все цифры, выражающие степень материального благополучия рабочих, неизбежно имеют лишь условное значение. Цифры эти либо определяют среднее арифметическое, выводимое из многих тысяч слагаемых, неодинаковых по своей абсолютной величине, или они относятся к одной только категории рабочих и совершенно не приложимы к тем из них, которые зарабатывают иные суммы.

К тому же ведь бюджет холостого рабочего отличается от бюджета семейного, доход квалифицированного мастерового или забойщика в передовых богатых забоях выше заработка простого поторжного рабочего. Между тем, при исчислении среднего заработка все эти различные величины нивеллируются и средний вывод иногда оказывается не соответствующим ни одной из категорий рабочих. Поэтому необходимо разделить рабочих на отдельные группы и делать затем для каждой из них особые выводы,

Один из исследователей жизни рабочих приленской тайги [9]) говорит: „Заработки рабочих колеблются от 35 р. до 40 р. в месяц на поторжных работах, от 55 р.—65 р. при подземных, иногда до 70 р., мастеровые

[9]) И. Ф. Садовников. „Приложение к систематическому указателю к карте золотопромышленного района Алекминского горного округа", изд. 1909 г., стр. 41 и след. (Манухин. Отчет, стр. 118).

кузнецы, плотники и т. д.—до 80 р. и 85 р. Величина заработка зависит от числа проработанных дней, но при тяжелом горном труде редкий рабочий выгоняет до 25 и 26 дней в месяц, обычно 20 и 23 дня, при случаях же хорошего под'емного золота число дней падает до 14—15. Месячные рабочие или годовые получают: караульные 40-45 р., конюхи 45-50 р. в месяц. Обычная плата прислуги женской от 20 руб. до 25 руб. в месяц на ее содержании и от 12 р. до 17 р. при готовом содержании". А ежемесячный средний расход холостого рабочего колеблется в пределах 660—720 р. в год, семейного: 816—864 р. Между тем поторжные рабочие зарабатывали в год всего до 480 р., подземные—до 780 р. и лишь мастеровые до 1000 р. Поэтому поторжный рабочий, даже холостой, вынужден был пополнять свой бюджет из посторонних источников и даже при подземных работах равновесие бюджета семейного рабочего, соблюдено быть не могло. Очевидный недобор заработной платы по сравнению с расходом, об'ясняется тем, что вычисленный расход, есть расход необходимый; недостающую сумму рабочий или пополнял частными доходами, как под'емное золото, или же эта сумма составляла уменьшение расходного бюджета за счет пищи или одежды.

Если обратиться к более позднему исследованию [10]), то оказывается, что средний годовой заработок составлял в 1908/9 г.—618 р., в 1909/10—617 р. и за операцию 1910/11 г.—около 617 р. 10 к. Годовой же расход одинокого определялся в сумме лишь 396 р. Что касается семейного рабочего, то если семья состояла из жены и двух малолетних детей, то расходы в год определялись в 600 р., а для рабочего с тремя детьми—в 660 р. В 1910/11 г. средний поденный заработок колебался для разных категорий рабочих в пределах от 2 р. 29 к. (при механических заведениях) до 1 р. 62 к. (при разных работах); средний для всех рабочих в день 1 р. 93 к.,—на 3 к. менее, чем в операцию 1909/10 г. и на 8 к. менее, чем за операцию 1908/9 года. Среднее количество рабочих дней за эти три операционных года составляло 313. Если умножить это число на цифры поденного заработка по таксам Товарищества, то окажется, что рабочий, получавший 2 р. в день, зарабатывал в год 626 р., т. е. как раз ту сумму, которая составляла бюджет семейного рабочего (от 600 р. до 660 р.). Между тем плата в 2 р. являлась исключением. Ее получали по таксе только рабочие при механических заведениях. Средний же заработок мастеровых равнялся 1 р. 85 к., рабочих при электрических станциях—1 р. 89 к., конюхов—1 р. 65 к., а наиболее многочисленных рабочих: при промывке песков—1 р. 60 к. и при добыче песков—1 р. 56 к. Таким образом для рабочих последней категории годовой заработок составлял (при 313 днях) всего 488 р.—500 р., что было недостаточно для прокормления семьи рабочего, согласно расчету того же исследователя. Точно так же, согласно данным местного окружного инженера Тульчинского, средний годовой заработок рабочих колебался от 40 руб. до 50 руб. в месяц, т. е. от 480 р. до 600 р. в год.

Словом, все данные свидетельствуют о несоответствии заработка прожиточному минимуму. Для того, чтобы приблизиться к более точному исчислению расходного бюджета, следует остановиться на стоимости предметов первой необходимости.

По норме, утвержденной для приисков Товарищества в марте 1912 г. иркутским губернатором, расход на пищевое довольствие рабочего в месяц составлял около 18 р. По словам рабочих, на провизию и предметы пер-

[10]) Горн. инж. К в а ш, Статистико-сравнительные сведения о материальном положении рабочих на приисках Ленского Золотопромышленного Товарищества (изд. 1912 г.), стр. 17—22.

вой необходимости приходилось тратить холостому не менее 1 р. в день, а женатому не менее 1 р. 50 к. Этот прожиточный минимум вполне подтверждается расходною нормою, определенною самим Товариществом. Согласно правилам внутреннего распорядка на 1911—1912 год рабочие, не имеющие выработанных денег, не могут требовать в день более 3 ф. ржаного хлеба, $1^1/_2$ ф. мяса и на неделю—$^3/_4$ ф. соли, $1^1/_4$ ф. масла коровьего, 18 зол. чаю и $^1/_2$ ф сахару. Переводя эти нормы на деньги [11]), получаем 55,4 к. в день или 16 р. 62 к. на месяц. При выселении рабочих с Ленских приисков администрация выдавала по 57 к. на холостого и 1 р. 14 к. на женатого. К вышеприведенным нормам надо прибавить капусту, крупу, лук, картофель и прочий приварок, и такие необходимые продукты, как мыло, спички, табак, керосин; затем одежду летнюю и зимнюю, быстро портящуюся при горных работах, сапоги, рукавицы, вареги и т. д. Стоимость же приварка, прибавляемого к минимальному пищевому довольствию рабочего, и стоимость разных предметов первейшей необходимости составляет еще около 11 р. в месяц, а всего с утвержденною минимальною нормою (18 р.) сумму не менее 28 р. в месяц, или 336 р. в год. Сумма эта должна быть увеличена расходами на одежду и на обувь около 67 р. [12]). Если прибавить расходы на изготовление пищи, стирку белья, починку одежды, на почтовые и прочие непредвиденные расходы, то размер среднего расхода для взрослого одинокого рабочего составит около 450 руб. в год.

Сопоставляя все вышеприведенные цифры, надо заключить, что заработка рабочего холостого в 35 р.—50 р. в месяц едва хватало на прожи вание; семейные же могли сводить концы с концами лишь при всяких дополнительных заработках. Превышение заработка у одиноких над расходным бюджетом, иногда достигавшее 50—100 р. или более в год, могло получиться при том лишь условии, если рабочий не хворал, работал все 305—313 дней в году, не высылал ничего на родину семье или на уплату повинностей и податей, и не позволял себе ни малейшего отступления от перечисленных минимальных неизбежных трат. Семейный же рабочий, издерживавший более 600 р. в год на необходимые траты, сбережений делать, вообще, не был в состоянии, если не получал исключительно высокого заработка или не пополнял своего дохода из посторонних источников. По удостоверению весьма значительной части рабочих, они за один год не были в состоянии сделать какое либо сбережение и нередко не окупали расходов, сопряженных с переездом на прииски. Кроме того, даже сбережения, в размере около 100 р. для холостого и от 150 р. до 200 р.—для семейного рабочего, должны быть зачастую издержаны на расходы по переезду в

[11]) Цены на продукты в 1911—12 операционном году были утверждены по таксе горным надзором следующие:

Мясо свежее	пуд. 6 р. 60 к.	Чай кирпичный . . .	фун. 1 р. 20 к.
Хлеб ржаной	„ 2 „ 20 „	Масло конопл.	пуд. 12 „ „
Рыба моксунь соленая	„ 7 „ 40 „	„ кор. топл. . . .	„ 19 „ 20 „
„ нельма	„ 9 „ 60 „	Карт. с 1 мая по 1 окт.	„ 1 „ 60 „
Крупа гречневая . . .	„ 3 „ 80 „	„ с 1 окт. по 1 мая	„ 1 „ 80 „
Сахар.	„ 10 „ — „	Капуста	„ 3 „ 20 „
Соль	„ 2 „ 20 „		

„Правда о Ленских событиях", прилож. № 9.

[12]) А именно: 2 пары сапог в год стоили 23 р. 50 к., валенки—7 р. 20 к., азям 6 р. 50 к., овчинная шуба—15 р. 50 к., варежки—56 к., шапка—1 р. 70 к., картуз—1 р. 20 к., кушак—1 р. 20 к., шаровары—4 р. 20 к., 3 рубахи—5 р. 10 к., а всего на сумму 67 р. Этот набор указан в „Отчете" С. Манухина (стр. 120), а расценка установлена по вышеупомянутой таксе.

далекий приленский край и на возвращение затем на родину, и поэтому тут в сущности не может быть речи о сбережении [13]).

Однако, если даже допустить, что рабочий возвращался к себе на родину иногда без долгов или привозил с собою несколько десятков рублей, то выводить из этого заключение о достаточности заработка приискового рабочего было бы неправильно. Нельзя забывать различия, существующего между условиями сибирской таежной жизни и жизнью среднего рабочего в фабричных промышленных местностях России. Кроме того, цель, преследуемая рабочими на золотых промыслах, совсем не та, к которой стремится вообще фабричный рабочий в Европейской России. Последний, получив заработок в городе и истрачивая его на пропитание и на жизнь семьи, а также на уплату повинностей, считал свою судьбу более или менее устроенною, так как он в своем сознании уже перерос стеснительные рамки русской деревни и опрометью бежал в город от ее нищенского существования,—по пословице: „хоть гирьше, та иньше". С иными целями шел крестьянин на сибирские золотые прииски. Он знал, что труд на них тяжел, что жизнь в дикой тайге полна лишений и опасностей. Но он слыхал, что добывая золото, можно, при счастье, найти самородки, можно сразу заработать очень много, можно вернуться достаточным, иногда богатым человеком. И крестьянин шел пытать счастья, мирясь с предстоявшим тяжелым трудом и лишениями, разлукою с родным домом, с расходами на дальний переезд, со случайными невзгодами, в надежде выбиться из тисков жизни. И, конечно, возвратиться через несколько лет домой без вся ких сбережений—это большое несчастье, потеря всех надежд...

Заработная плата на Ленских приисках была весьма низкой при данных местных условиях, и если рабочие, тем не менее, соглашались на нее при поступлении, то потому, что расчитывали на пополнение ее под'емным или вольноприносительским золотом. Именно надежда на „фарт" гнала рабочих на золотые прииски в жестокую кабалу. Этот источник мог покрыть недостаток заработной платы.

На сибирских приисках существовал такой обычай: если рабочий во время работы найдет самородок, он должен его положить в особую запечатанную кружку, находившуюся под наблюдением нарядчика в каждом забое. За это золото рабочий получал вознаграждение. Плата за под'емное золото предусмотрена была горным уставом [14]). Она являлась наградою за то, что рабочий не утаил самородка.

---

[13]). Таких сбережений по сведениям, представленным Бодай-бинской государственной сберегательной кассой, числилось за рабочими Ленского Товарищества за 1903 – 1912 годы—689.222 р. у 2093 вкладчиков, причем суммы отдельных сбережений колебались от единиц до тысячи и более рублей. Считая общее число рабочих на приисках от 6500 до 8000 в год, число вкладчиков составляло таким образом от 2½ до 3 процентов общего числа. До 1909 г. число вкладчиков было очень невелико (всего за 6 лет 185), равно как невелика была и общая сумма вкладов (140.000 р.). С этого же года число вкладчиков увеличилось: в 1909 г.—162 на сумму 94.069 р.; в 1910 г.—398 на сумму 175.955 р.; в 1911 г.—1124 на сумму 271.819 р. и в 1912 г. (по 1 июля) -224 на сумму 33.863 р. По размеру общее число вкладов за 10 лет распределялось след. обр.: менее чем по 100 р., имели 530 вкладчиков (25,4%); 100 р.,200 р. - 495 вкладчиков (23,6%); 200 р.,500 р.--622 (30%) и свыше 500 р. 446 (21%). Из приведенных цифр усматривается, что сбережения имели очень немногие рабочие, и если в 1911 г. таких рабочих было свыше тысячи, то это об'ясняется тем обстоятельством, что в этом году Товарищество выплатило рабочим долг за прошлые операции. См. С. Манухин. „Отчет", стр. 123 и Приложение № 12.

Что касается источников всех вообще сбережений, то главная их часть упадала на посторонние доходы. Некоторое в этом отношении значение имела тайная торговля водкою, распространенная в широких размерах. Торговлею занимались преимущественно женщины, прибавляя доход от водки к доходам от „сынков" и к другим незначительным личным заработкам.

[14]) Ст. 661, прил: ст. 9 п. 4.

Под'емное золото рабочий должен был сдать в шахте или во время работы, но во всяком случае до возвращения в казарму, где оно могло быть приисковым управлением отобрано, как утаенное. За опущенное в кружку под'емное золото Ленское товарищество (как и другие предприниматели) платило рабочим по 3 р. 50 к. 3 р. 60 к. за золотник при весе самородка до 3 фунтов, а свыше 3 ф.—по 1 р. за золотник, т. е. меньше, чем уплачивалось за так называемое вольноприносительское золото, скупаемое со стороны: частные скупщики платили по 4 р. 60 к. за золотник, а Ленское Товарищество от 4 р. 25 к. до 4 р. 50 к. Поэтому рабочие старались скрыть найденное золото и тем или иным способом пронести к частным скупщикам. Рабочий мог быть обвинен в краже лишь тогда, когда был пойман в момент сокрытия золота, т. е. до выхода из шахты; но если рабочему удавалось вынести золото из шахты, он уж считался его собственником.

Под'емное золото мог добыть только рабочий. Вольноприносительское же продавали всякие старатели, золотничники и хищники-копачи [15]). Но обычай распространил право продажи вольноприносительского золота и на приисковых рабочих, которым поэтому было выгодно утаивать найденные в шахтах самородки и, не сдавая их, как под'емное золото, продавать в качестве вольноприносительского. Ленское Товарищество устроило при всех своих магазинах отделения для покупки вольноприносительского золота и принимало в этих отделениях золото безразлично от всех, причем о происхождении золота не спрашивалось, хотя ни для кого не составляло тайны, что большая часть вольноприносительского золота похищена из шахт и отвалов Товарищества. На практике рабочие пользовались выгодами и от под'емного, и от вольноприносительского золота [16]).

Следует заметить, что поднять золотой самородок было неодинаково легко в разных приисках и в разных забоях. Все зависело от богатства забоя и от вида, в котором встречалось золото, от размеров и формы самородка. Понятие о праве рабочего извлекать себе выгоду из золота, которое сам выроет из песков, настолько укоренилось, что одним из способов регулирования заработка рабочего являлся перевод его на приск и постановка его в забой, где было легче, чем в другом месте, найти золото.

Администрация приисков всеми силами боролась против перехода золота в посторонние руки, поэтому Товарищество *само превращалось в скупщика золота* и платило рабочему, приносившему золото в магазин Товарищества, лишних 90 к.—1 р. сравнительно с под'емным золотом. Таким образом, Товарищество, с одной стороны боролось против утайки золота, а с другой стороны—как бы поощряло ее. Но оно боролось не только против утайки золота, но вообще против обильного нахождения его рабочими, так как на найденное и опущенное в кружку золото Товарищество получало прибыли лишь 35% [17]), а на золото, добытое промывкою, свыше 70%. Борясь против нахождения под'емного золота Товарищество шло двумя путями: усиливало надзор и уменьшало освещение подземных мест работы, чтобы блестящий металл менее бросался в

[15]) Об этих группах добытчиков золота подробнее см. выше в гл. III настоящей статьи („Архив историй труда", кн. 4-я, стр. 80—83).

[16]) По исчислениям С. Манухина („Отчет", стр. 124—125), в 1908—11 г.г. приобреталось под'емного золота на каждого из 6.800 рабочих в среднем более чем на 7 рублей и вольноприносительского золота приходилось на долю тех же рабочих в среднем около 50 р.,—всего на сумму 55 р.—60 р., как добавочный доход к заработной плате, конечно, с весьма неравномерным распределением между отдельными рабочими, смотря по удачливости каждого.

[17]) „Правда о Ленских событиях", стр. 28—29.

глаза [18]). Надсмотрщики мешали рабочим „шуровать" — рыться в породе.

Установленный порядок производства работ, особенно откатки, поощрял к разысканию рабочими в песках золота. Шнуры бились маленькие, только разрыхлявшие породу, а не отваливавшие ее глыбами. Забой подвигался слой за слоем каймою весьма медленно, что облегчало возможность усмотреть и поднять золотой самородок. Нагрузив тачки и дожидаясь возвращения товарищей, увезших тачки, оставшиеся в забое рабочие всячески рассматривали и „шуровали". Откатчики, дожидаясь очереди у шахты для выгрузки, не могли удержаться, чтобы не рыть песок. При пересыпке из тачки в бадью, из бадьи в вагонетки также очень удобно „шуровать" золото. Не меньшие удобства для обнаруживания золота в песках представляла оттайка породы пожегами.

Таким образом, не считая случаев похищения из отвалов ночью или в дни отдыха, нормальное рабочее время предоставляло для неожиданной добычи золота не мало счастливых случаев. Для достижения, однако, такой счастливой возможности необходим целый ряд условий. Рабочие в шахтах и при других земляных работах нередко не были в состоянии добыть под'емное золото в виду бедности данного прииска или шахты. Отсюда вытекало стремление рабочих попасть на богатый прииск. Для этого рабочему необходимо было приобрести расположение приисковых служащих, что создавало дух заискивания, угодничества и подкупов, к которым в разных формах прибегали рабочие. Для многих из них под'емное и вольноприносительское золото, как сказано, давало возможность уравновесить расходный бюджет, для всех—служило главным источником обогащения при удаче. Приисковое же управление пользовалось оплатою под'емного и вольноприносительского золота, как надежным способом держать судьбу каждого рабочего в своих руках и, более того, тем самым поддерживать дисциплину в среде рабочих. Во время забастовки в марте 1912 года, Товариществом было удовлетворено требование о назначении рабочих по очереди в хорошие и плохие забои.

Надо, впрочем, иметь в виду, что размер заработка от под'емного золота зависел не только от указанных искусственных мер, принимавшихся администрацией для сокращения его под'ема, но существовали, по крайней мере за последние годы, об'ективные причины этого уменьшения, а именно—производство работ сосредоточивалось в пластах с мелким золотом [19]).

Пока случаи фарта, удачи были довольно часты, пока самородок часто попадался, рабочий терпеливо ждал своего счастливого дня. Но условия изменились, эти дни становились все реже и реже, а траты на жизнь возрастали. Чувство недовольства своею судьбою и всей суровой, убивающей здоровье жизненной обстановкою охватывало рабочего и он начинал искать выхода из создавшегося положения.

В последние годы размер среднего заработка рабочего несколько понизился, цены на жизненные продукты поднялись. В общем, материальный достаток шел на понижение и для многих рабочих результат тяже-

[18]) В целях уменьшения освещения Товарищество давало рабочим по две свечки восьмерику плохого качества; этих свечей едва хватало на смену, а освещение было едва достаточно для работы; кроме того надсмотрщики запрещали освещать забои более, чем одною свечею зараз, заставляли ставить свечи подальше от породы и т. п. См. „Правда о Ленских событиях". Прил. №№ 187, 188, 268, 269 и др. стр., 170, 171, 203.

[19]) За последние годы перед забастовкою 1912 г. на самом богатом прииске, Феодосийском, количество добытого под'емного золота не превышало в год ничтожной цифры 4 золотников на одного рабочего, при общем числе их 2270.

лого труда сводился на нет. Это постепенно оказало известное влияние на настроение рабочей массы.

При рассмотрении вопроса о заработной плате важно определить не только, *сколько* получает рабочий, но и то, *как, в какой форме* получает он свой заработок.

Выше было упомянуто [20]), что промысловое управление обязано было производить полный расчет с рабочими лишь после окончания каждой годовой операции. Между тем, жизнь заставила установить порядок ежемесячной выдачи заработной платы. Последняя выдавалась при этом частью деньгами, частью в виде талонов, по которым рабочий мог получить на определенную сумму денег припасы или товары из магазинов Товарищества. Пропорция между денежной формою уплаты и отпуском необходимых товаров и припасов устанавливалась всецело по усмотрению приискового управления (как значилось в договоре), с тем лишь условием, чтобы полная доплата деньгами всей следуемой рабочему по расчету суммы производилась *не ранее,* как по *окончании* срока договора. В каком невыгодном для рабочих соотношении находились суммы, выданные за последние годы наличными и талонами, усматривается из нижеследующих данных.

В операцию 1908/9 года было выдано рабочим деньгами 55%, в 1909/10 г.—54% и в 1910/11 г. даже немного менее 50%, а в 1911/12 г. за первые 5 месяцев—лишь 28,6% (46,8% рабочие получили в виде пищевых и иных продуктов или талонов, а 24,6% остались в кассе Товарищества до конца операционного года).

Рабочие тяготились необходимостью брать талоны, главным образом потому, что лишались возможности приобретать необходимые им предметы в лавках и магазинах посторонних („заширотных") торговцев. При этом рабочий вынужден был набирать товаров на [21]) стоимость всего талона, так как сдачу на недобранную сумму служащие в магазинах выдавали в редких случаях.

По окончании операционного года рабочему выдавался не полный расчет—часть выработанных денег заносилась, как подлежащая выдаче, в расчетные книжки на следующую операцию. Сумма таких перечисляемых долгов за последние годы постоянно повышалась, составляя ежегодно от 300.000 р. до 460.000 р. Кроме того и в течение операционного периода из месяца в месяц недоплачивалась часть заработка (10%—20% заработка, а один раз—даже 53,5%). Правда, Товарищество утверждало, что эти „удержания носили характер залога в сохранности вверенных рабочим инструментов и материалов". Но как бы ни было, оставаясь до конца операционного года в кассе Товарищества, деньги эти составляли часть, иногда значительную, его оборотного капитала и приносили ему 25—56% на сто в год, а рабочих еще более закабаляли.

Рабочие указывали, что „по правилам внутреннего распорядка работа на приисках должна была производиться 10 часов в день, но благодаря требованию администрации им приходилось выходить на раскомандировку за час до свистка и ранее, так что они находились уже в шахте или на работе во время первого свистка, между тем как по закону время

[20]) См. главу V.

[21]) Система расплаты с рабочими товарами практиковалась широко и на других Сибирских промыслах, а также и в Европейской России, не только среди частных предпринимателей, но и на казенных заводах. Так, в Воткинском казенном заводе долгое время весь расчет с рабочими производился выписками на лавку Общества Потребителей и в этом обширном казенном заводе шла—в полном смысле слова—спекуляция талонами.

спуска в шахты считается рабочим временем". Таким образом рабочий день фактически продолжался более 10 часов. При неявке на раскомандировку рабочие не допускались к работе, день писался „самовольным льготным" (прогульным) и заменялся праздничным днем с лишением полуторного вознаграждения. Неявка до первого свистка влекла за собою иногда и другие последствия, в том числе перевод рабочего на тяжелые и плохо оплачиваемые работы.

Согласно договору, рабочим полагался 2-х часовой перерыв на обед, но под'ем рабочих по стремянке уменьшал двухчасовой перерыв, по крайней мере, минут на двадцать; то же происходило и при возвращении рабочих на работу. К тому же некоторые шахты находились от рабочих казарм на расстоянии около 2 верст.

Отметим, что благодаря сравнительно быстрой выработке золотоносных пластов места работ все более удалялись от старых приисковых поселков, вследствие чего отдых рабочих сокращался, а с другой стороны— постепенно удлинявшийся переход от жилья к прииску все более утомлял их [22]).

Остановимся еще на том обстоятельстве, что проведя длинный день в тяжелом труде, рабочие не имели мало-мальски пригодного пристанища для немногих часов отдыха и сна. Казармы, в которых они жили, представляли собою крайне печальное зрелище: стены покривились и поддерживались подпорками; в стенах и крышах щели; вместо вентиляторов дыры, заткнутые тряпьем; стекла разбиты. Встречались казармы, одна половина которых была отведена под конюшню, другая под жилье для рабочих. В этих казармах пол часто бывал ниже почвы, вследствие чего в жилое помещение протекал жидкий навоз. Внутренний вид казарм таков. Вдоль казармы шел корридор, в середине которого находилась железная печка—большая времянка, с тянущимися по всей казарме трубами. Здесь был центр казарменной жизни. На печке варились обеды и ужины, около нее грелись, над ней сушились платье, обувь и онучи. От печки поднима-

[22]) Подвергнув выше обследованию некоторые стороны жизни ленских рабочих, мы имели в виду с возможной полнотой рассмотреть и остальные. Но из описанного уже достаточно очерчивается материальный быт и душевные переживания рабочих. К тому же, в связи с десятилетием Ленской катастрофы 1912 года, появился ряд работ, посвященных Ленским приискам.

Отметим следующее:

1) В. Невский. К десятилетию Ленского расстрела. („Красная Летопись", 1922 г., № 2).

2) Л. Лелевич. Ленский расстрел („Пролетарская Революция". М. 1922 г., № 5).

3) Н. Ростов. Новое о Ленских событиях. По данным архива Иркутск. Губерн. Жанд. Управления. („Былое" № 20, 1922 г., стр. 163—177).

4) Ш. Левин. К истории забастовки на Ленских золотых приисках („Былое" № 20, 1922 г., стр. 178—193).

5) В. Плетнев. Лена (Изд. Всеросс. Пролеткульта, 1923 г.).

6) Е. И. Лики отошедшие (Памяти П. М. Ананьева. Его роль в подготовке Ленских событий). Историко-революц. сборник „Каторга и ссылка". (Изд. Об-ства б. политич. каторжан и ссыльно-поселенцев. М. 1923 г., № 5, стр. 237—240).

7) В. Муркин. Ленское дело („Рабочая библиотека Петр. Правды", № 4 от 15/IV 1923 г.).

8) И. Майский. Лена („Петр. Правда" № 83 от 17/IV 1923 г.).

Из общей литературы более раннего времени, имеющей отношение к изучаемому району, приводим в дополнение к прежде указанным работам еще следующие:

1) П. Алексеев. Вверх по Лене в почтовой лодке („Вестн. Европы" 1898 г., № 6, стр. 742 - 765).

2) Е. Барановский. Золотопромышленность в В. Сибири („Вестн. Европы", 1898 г., № 7, стр. 142—181).

3) А. Лебедев. Желтугинская республика в Китае („Русское Богатство" 1896 г., № 9, стр. 143 171).

лись удушливые испарения. Вдоль наружных стен шли каморки для рабочих, отгороженные одна от другой досками, или горбылями, или просто ситцем. Обычно перегородки не доходили до потолка. Полы были в щелях. С потолка всегда сыпалось. Летом в казармах стояла невероятная духота, зимою—холод.

Для семейных полагались нары: $1^1/_2$—2 аршина в ширину и $2^3/_4$—3 арш. в длину. В такой наре жило иногда 5—7 человек—муж, жена и дети, и обязательно один холостой рабочий.

На одной койке спал холостой, на другой вся семья. Тут же висели люльки для детей. За недостатком нар—многие рабочие спали в корридорах.

VII. Трагедия 1912 года.

29 февраля 1912 года рабочие (в числе около 600 чел.) забастовали и выставили ряд требований. Серьезных оснований для стачки было, как мы знаем, достаточно. Наученные печальным опытом разрозненной борьбы во время нескольких прежних случайных и частичных выступлений, рабочие начали организованную стачку. Для планомерного руководства был выбран, по предложению горного инженера и горного исправника, особый стачечный комитет [23]). Чего хотели рабочие?

Основные требования, выставленные рабочими, сводились в существенных чертах к следующему [24]):

1) Восьмичасовой рабочий день вместо десятичасового.
2) Увеличение платы на 30% .
3) Отмена штрафов.
4) Отмена расчета талонами на товар из лавок компании.
5) Признание избранной рабочими комиссии, следящей за правильностью замера забоев и выработки породы.
6) Увольнение рабочих с согласия рабочей комиссии.
7) Неприкосновенность делегатов рабочих.
8) Вежливое обращение.
9) Улучшение медицинской помощи.
10) Оплата сверхурочных работ по соглашению и оплата времени хождения в отдаленные пункты, как за работу.
11) Выдача расчетных книжек на руки.
12) Регулярная уплата денег за дни болезни и увечья по вине предприятия.
13) Увольнение 27 лиц из администрации.

Не только либеральная печать, но и консервативного направления, находила выставленные требования скромными и приемлемыми, и даже реакционное „Новое Время“ признавало, что „эти требования рабочих сравнительно умеренны..., не выходят за пределы общегражданского и специального рабочего законодательства“.

Но Ленское Товарищество сразу заняло непримиримую позицию, соглашаясь удовлетворить только второстепенные требования. Когда уговоры и угрозы оказались недействительными, оно начало стараться вызвать

---

[23]) В план настоящей статьи не входит история стачки и драматического финала ее. Поэтому ограничиваемся самым кратким сообщением.

[24]) Требования эти повторяются одинаково во многих источниках. Приводим их здесь в той формулировке, которая изложена в запросе с.-демократической фракции в заседании Государственной Думы 9 апреля 1912 г. (Стеногр. отчет III созыва, 5-ая сессия, заседание 99, столбец 1660).

вмешательство губернской администрации для прекращения стачки вооруженной силой. Недостаток войск на месте заставлял администрацию на первых порах уклоняться от воздействия на рабочих. Стачечников стали по суду выселять из казарм с семьями, что было равносильно смерти от холода и голода, так как вне приисков рабочий не мог найти заработка и приюта. Но рабочие стойко держались.

Вскоре местная команда была усилена воинской частью из Киренска, и общее число воинских чинов на приисках (включая местных стражников) составило больше 800 человек. Одновременно из Иркутска были командированы на Ленские промыслы товарищ прокурора Преображенский и жандармский ротмистр Трещенков.

В ночь с 3 на 4 апреля были арестованы выборные от рабочих, руководившие забастовкой с ведома исправника и окружного инженера. Тогда толпа в 2—3 тысячи человек явилась на Надеждинский прииск, где находилась штаб-квартира администрации, и хотела потребовать освобождения арестованных. Но жандармский ротмистр Трещенков вывел солдат. Затем по его команде тучи пуль понеслись навстречу рабочим. На месте осталось несколько сот человек убитых и раненых [25]). Из числа последних несколько десятков умерло от последствий ранений.

Значение этой трагедии, разыгравшейся в далекой тайге, было огромно не только для ленских рабочих.

С датой 4 апреля связан перелом в русском рабочем движении. Ленские события всколыхнули рабочие массы. Стачки протеста против зверской расправы на Лене явились первой волной политических забастовок. Петербург, Москва, Киев, Харьков, Тифлис и длинный ряд других городов были захвачены этой волной. Кровавое событие гулко разнеслось по всей стране.

Ал. Блек.

---

[25]) Установить с полной точностью число пострадавших затруднительно. Первое официальное сообщение, распубликованное 16 апреля, называло цифры: 107 убитых и 83 раненых. Те же цифры указаны в запросе сторонников правительства—фракции октябристов—в заседании Госуд. Думы 9 апр. (Стеногр. отчет засед. 99, ст. 1664), уже с оговоркою, что „из тяжело раненых, по сведениям газет, скончалось 40, кроме того, легко раненых насчитывается до 150 чел.".—„Отчет" С. Манухина первоначально называет (стр. 252) те же цифры с добавлением, „но есть еще раненые, которых унесла толпа", а дальше указывает, что события сопровождались смертью 170 и ранением 202 рабочих (стр. 272).—Министр внутренних дел Макаров, отвечая на запросы в Гос. Думе (в заседании 11 апр., стеногр. отчет 102, ст. 1942), говорил уже о смерти 163 лиц. Рабочие под свежим впечатлением событий телеграфировали членам Госуд. Думы, что было убито 270 и ранено 250 рабочих (А. Тюшевский, стр. 45). Обе эти цифры опубликованы были в „Звезде" (от 8 апр. № 27), облетели затем всю рабочую и демократическую прессу. *Эти цифры могут,* повидимому, *быть признаны* если не вполне точными, то *близкими к истине.* По крайней мере в книге А. Тюшевского (стр. 50—56) приводится поименный список 141 убитых рабочих, а в „Правде о Ленских событиях" (стр. 144) помещена „Летопись священника" местной церкви, в которой сказано, что убитых на месте 119 чел., раненых около 350 чел., из которых в первые три дня скончалось около 100 чел.

Как видно из любопытных материалов, сообщенных Н. Ростовым („Былое" № 20), против Трещенкова, по заключению ревизии Манухина, было возбуждено преследование одновременно за „превышение и бездействие власти" и он был временно отстранен от должности. Впоследствии по высочайшему повелению преследование было приостановлено и ему было разрешено вступить в действующую армию. По сообщению Ш. Левина („Былое", № 20, стр. 191—3), он 15 мая 1915 г. был убит в бою с австрийцами. С другой стороны И. Майский („Петр. Правда" от 17 апр. 1923 г. № 83) сообщает, что когда в начале 1920 года красная волна докатилась до Байкала, Трещенков был арестован, судим и расстрелян в Иркутске.

Прорытие Ново-Ладожского канала (Александра II).

В 50-х годах 19-го века в связи со все более и более замечавшимся засорением и обмелением Ладожского канала участились голоса о необходимости в интересах судоходства углубить канал не менее, как на четыре фута.

В виду этого главным управлением путей сообщений и публичных зданий был выработан ряд проектов. Однако, осуществление этих проектов встретило много затруднений, так как требовался продолжительный период времени для производства работ и кроме того работы эти пришлось бы производить в очень тяжелых условиях, в осеннее и зимнее время, чтобы не останавливать судоходства. Поэтому возникла мысль устроить канал смежный существующему [1]).

26-го января 1861 года последовало повеление о сооружении Ново-Ладожского канала [2]). Работы были вверены особому комитету, подчиненному главноуправляющему путей сообщений и публичных зданий. Выполнение же работ производилось подрядным способом, будучи отдано за оптовую контрактную сумму в 4.600.000 рублей крупному подрядчику купцу 1-й гильдии Григорию Гладину [3]), после смерти которого работы продолжал по доверенности братьев сын его Иван Гладин под надзором матери своей Марианны Гладиной.

К работам приступлено было 28-го мая 1861 г. Предстояло прорыть канал длиной в 103½ версты, шириной 12 саж. по дну и от 17 до 18 саж. на поверхности при обыкновенном уровне озера. Дамбы канала в тех местах, где он омывался озером, должны были быть укреплены каменной отсыпью. Окончить копку канала Гладин обязался в пять лет [4]).

Одновременно решено было углубить и уширить Свирский канал на первых 13 верстах, от села Загубья до Шуряжского канала, так как Свирский канал первоначально выкопан был шириной по дну всего 5 саженей, и при такой ширине канала нагруженные суда не могли расходиться с

---

[1]) *Источники*: Дела комитета устройства Ново-Ладожского канала, впоследствие канала императора Александра II. Архив министерства путей сообщений. Опись 8-ая. (1861—1868 г.).

[2]) Архив Министерства путейсообщений. Дело об открытии комитета по устройству Ново-Ладожского канала. № 1 (1861 г.).

[3]) Он построил, между прочим, Волжско-Донскую жел. дорогу. Ср. Л. Айзенберг, Как жилось рабочим на постройке Волжско-Донской жел. дороги в 1859—60 г.г. („Архив истории труда в России", кн. 8-ая).

[4]) Инж. Житков, Краткий исторический очерк развития водных и сухопутных сообщений и торговых портов в России (Изд. мин. пут. сообщ., 1900 г.).

обратными барками. Работы эти также были сданы подрядчику Гладину за оптовую цену в 546.000 рублей. К работам было приступлено весной 1862 года и они производились под наблюдением того же комитета устройства Ново-Ладожского канала.

Основной контингент рабочих, бывших на устройстве канала, составляли землекопы. Были также чернорабочие и плотники, но в незначительном количестве.

Главные работы были: вырубка леса, корчевание и забивка профильных свай, выемка земли для устройства траншей канала, отвозка земли, укрепление откосов канала при пересечении его с реками, а также поверхности дамб канала, и кроме того постройка бичевых мостов.

Рабочие нанимались артелями и по одиночке, последние редко, преимущественно из крестьян западного края, а также губерний Смоленской, Тверской и Вологодской. О найме землекопов в дореформенное время яркую картину дает Ник. Тургенев в своей книге „La Russie et les Russes“: „Одно из самых возмутительных злоупотреблений замечается в белорусских провинциях (Витебской, Могилевской), где крестьяне так несчастны, что вызывали сострадание даже русских крепостных. В этих провинциях помещики отдавали своих крепостных сотнями и тысячами подрядчикам, которые исполняли землекопные работы во всех концах империи. Эти бедные люди употребляются главным образом на постройку больших дорог и каналов. Помещик берет обязательство поставить такое-то количество людей по условленной плате, а подрядчик обязуется кормить их во время работы. Правительственные инженеры, наблюдающие за работой, не требуют от подрядчика в пользу этих несчастных ничего сверх того, что требуется для поддержания их жизни. Что же касается до денег, которые получает за них помещик, то правительство не вмешивается в это“.

При найме рабочих выдавалась задаточная плата, не превышавшая половины наемной платы. Об условиях работы составлялся контракт и рабочим на руки выдавались расчетные книжки, где помечались выданные заработная плата, одежда и инструменты.

Отношение подрядчика Гладина к рабочим и содержание их было включено в контракт на производство работ [5]). Подрядчик обязывался нанимать на работу рабочих „здорового и крепкого сложения, знающих свое ремесло и землекопов, привыкших к своему делу“. Подрядчик и его поверенные и приказчики, нарядчики и десятники обязаны были „обходиться с рабочими *справедливо и кротко*, и во всякое время терпеливо и внимательно выслушивать жалобы и просьбы рабочих, и кто из приказчиков, нарядчиков или десятников изобличен будет в дурном обращении с рабочими или на кого из них поступят частые жалобы рабочих, то подрядчик обязан немедленно удалить того от работ“. К непосредственным обязанностям подрядчика было отнесено—предоставление помещения рабочим, снабжение их пищей, лечение больных, забота о тех, кто получил увечие на работах, а также вещевые и денежные расчеты с рабочими. На обязанности подрядчика лежало также устройство на свой счет лазарета. Если во время работ рабочий получал увечья и становился калекой, подрядчик обязывался выдать ему в виде вознаграждения за потерю трудоспособности двойную за весь наемный срок плату. При легком увечьи рабочий поме-

[5]) Архив М. П. С. Дело о заключении с подрядчиком Гладиным договора на устройство Ново-Ладожского канала и о составлении расценочных ведомостей на работы. № 2. Часть 1-ая (1861 г.).

щался в лазарет и заработная плата с него не высчитывалась. Когда несчастный случай на работах кончался смертью рабочего, его семье, в виде вознаграждения за потерю кормильца, выдавалась двойная наемная плата. В тех случаях, „когда жизнь больного будет находиться в опасности", подрядчик обязан был „пригласить на свой счет местного священника для исповеди и причащения умирающего". Расходы по отпеванию и погребению также производились за счет подрядчика.

Землекопам на Ладожском канале платили—14 рублей в месяц, на Свирском—9 рублей (разница об'ясняется более твердым грунтом на Ладожском канале). На выемку одной кубической сажени земли употреблялось 2,2 рабочих (в июне 1861 г.). О производительности рабочих мы находим сведение и во всеподданнейшем докладе главноуправляющего путей сообщения, где говорится, что землекопы „вырабатывали более 2-х уроков, назначенных урочным положением". Работы производились в период времени с мая по октябрь.

Общее количество рабочих на канале было в разные годы различно, как это видно из нижеприводимой таблицы [6]):

Г О Д Ы.	По нарядам следовало выставить рабочих.	Было выставлено рабочих.
1861	5150	7200
1862	5600	9500
1863	9000	10580
1864	6800	11865

Кроме наемных рабочих на канале работали и нижние чины гвардейских полков, направляемые на работы после окончания маневров и работавшие по вольному найму; так, в 1861 г. на работах было до 2.000 нижних чинов, в 1865 г.—до 1.500 [7]).

Выставление рабочих свыше наряда, а также привлечение к работам нижних чинов об'ясняется теми трудностями, которые были встречены при копке канала. Грунт, главным образом торфянистый, песчаный и глинистый, в некоторых местах доходил до такой твердости, что канал „не копался, а высекался", как говорится во всеподданнейшем докладе главноуправляющего.

В целом ряде рапортов производителей работ мы находим указания, что от рабочих, находившихся на земляных работах, поступали жалобы на то, что земля для выемки чрезвычайно трудна и требовала постоянного употребления кирок, ломов и клиньев. Жалобы эти заменялись подчас и угрозами: „Рабочие в числе 4000 человек, находившиеся на участках между

[6]) Архив М. П. С. Дело по прошению подрядчика Гладина о вознаграждении его сверх контрактной платы за выемку крепкого грунта по устройству Ново-Ладожского канала. Дело № 38 (1863 г.).

[7]) Архив М. П. С. Дело об удовлетворении подрядчика Гладина за произведенные им работы по устройству Ново-Ладожского канала согласно заключенного с ним 14 апреля 1861 г. на сии работы контракта. Дело № 2. Ч. 2 и 7.

дер. Липки и Бугры, не согласны оставаться на этой работе после 7-го числа июня месяца"—сообщает один производитель работ (июнь 1863 г.). Угроза была приведена в исполнение. „Затем измученные рабочие отказались продолжать разработку твердого грунта,—сообщает Гладин главноуправляющему,—я принужден был разместить их на более мягких грунтах. Половина означенного количества рабочих, т. е. 4500 чел., стоявших те два месяца на твердых грунтах, выработали только 14000 куб. саж. Содержание этих лучших землекопов, т. е. жалование, харчи, приплата за тяжелую работу, помещение стоили по 20 руб. в месяц на человека" [8]).

Той же твердостью грунта об'ясняет Иван Гладин неотработку всей ассигнованной суммы по нарядам 1865 года.

Кроме беспокойств, связанных с копкой твердого грунта, администрации по прорытию канала причиняли тревогу и некоторые волнения, происходившие среди рабочих, а также их побеги.

Так 19 июля 1861 года производитель работ доносил, что „получив от подрядчика Гладина, так наз. Петровскую плату, в счет заработка, некоторые из рабочих сбежали с работ, часть их, а именно 6 человек были пойманы 17 числа и на следующий день наказаны. Вчерашнего числа часть взбунтовавшейся против десятника артели, человек до 50 ушли с работ. На пути люди эти были остановлены с помощью местного станового пристава и для прекращения распространявшегося зла, все наказаны" (в то время на канале работало 5700 человек).

Так как случаи оставления работ уже и раньше были, то комитет поручил одному из своих членов, Казнакову, выяснить: „причину побега рабочих; нет ли виновности в этом деле десятника? учиненное наказанье соответствует ли степени вины рабочих и есть ли сознание самих рабочих? были ли приняты в соображение высочайше утвержденные правила о найме рабочих?".

Вот что дало расследование, судя по рапорту Казнакова [9]): „На 31 версте канала, близь деревни Шильдиха, находится партия одиночных рабочих в числе 119 человек из дворян, мещан и крестьян Новоалександровского уезда Ковенской губернии. Один из этих работников Осип Ясинович 16 июля не доработал своего урока и засорил землею катальную доску. Проходивший мимо десятник Иванов заметил Ясиновичу его нерадение и, получив грубый ответ, толкнул Ясиновича. Ясинович задумал отомстить, и когда Иванов проходил вечером мимо балаганов, Ясинович напал на десятника Иванова с палкой, подговорив и нескольких к тому товарищей, но на поднявшийся крик выбежали другие работники из той же артели, отняли палку и остановили беспорядок, десятник же Иванов отправился жаловаться на рабочих. На другой день вся артель выступила на работу, но табельщик Плечев, не зная, за отсутствием десятника Иванова, какие даны рабочим уроки, уклонился от обычной отметки в табели, в которой утром отмечается, кто из рабочих на работе и какой каждому задан урок, а вечером обозначается недоработка, и уклоняясь от отметки, Плечев стал выговаривать рабочих за побои Иванова. Рабочие между тем стали требовать внести их в табель, и с требованием этим обратились к приказчику Бубке, который также отказался, не зная какие даны уроки. Большая половина рабочих продолжала спокойно работать, но из артели с половины дня отделилось до 50 человек, замеченных в постоянной лености, об'являя, что пойдут жаловаться, на что приказчик Бубка, после слабых увещеваний, решился сказать: „ступайте куда хотите". На этом слове эти 50 человек

) Архив М. П. С. Дело № 38 1863 г.)
) Архив М. П. С. № 7 (1861 г.).

сошли с работы и пошли жаловаться. На пути, уже за деревнею Назию, эта партия рабочих в 50 человек была встречена капитаном Немирою. Из них 14 человек отделились в пролесок и прямо того же дня возвратились к работе, а 36 человек приведены в Назию, где между тем находился производитель работ и становой пристав. Таким образом производитель работ с содействия полиции немедля розыскал виновных в беспорядке, которые тут же и были наказаны в числе 11 человек, из коих 8 человек от 10—20 ударов розог, а 3 человека, в том числе помянутый Ясинович, 50 ударами. Затем вся эта партия рабочих отправлена на место, где ныне продолжает работать".

Причина наказания рабочих, кроме Ясиновича, так и остается непонятной, о чем с достаточной ясностью говорится в рапорте Казнакова: „Означенные 50 человек рабочих *не имели никакого замысла бежать* с работы, что доказывается и тем, что пожитки их были оставлены в балаганах".

Начиная с июля бежало с работ больше 100 рабочих по одиночке, и даже небольшими партиями. О неоднократных случаях бегства говорит существование в комитете устройства Ново-Ладожского канала об'емистого дела „По прошению подрядчика Гладина о взыскании с рабочих, не явившихся на работы или бежавших с оных, не отработанных задатков и денег" в четырех частях [10]).

В связи со значительным скоплением людей в одном месте и волнениями из-за трудности работ уже в 1863 году производитель работ инженер-полковник Стабровский просил „для устранения могущих случиться беспорядков между рабочими людьми об откомандировании особой команды из казаков". Вскоре он подтвердил свою просьбу, указывая и необходимое число казаков—30 человек.

Тревога производителей работ об'ясняется также открытием кабаков в районе работ. „Уже теперь по этому случаю (открытие кабака в Шуряжском Колене) начинаются бесчинства,—и что же будет, когда на работы соберется до 3000 людей" сообщает производитель работ по уширению и углублению Свирского канала. Позже он пишет: „Еще о кабаке на работе. В патенте, выданном торговцу, сказано, что ему дозволяется открыть лавку в деревне Шуряжское Колено. Такой деревни до сих пор не существовало, потому что эти несколько домов суть выселки из деревни Грибухиной. Земская полиция, если захочет, этой деревней может надуть правительство... Неужели министерство финансов предпочтет 15-ти рублевый доход общественной пользе? Кабак этот бросил меня в лихорадку, так что я чувствую себя нездоровым".

Эти тревожные донесения привели к тому, что председатель комитета в личном письме к директору департамента разных податей и сборов просил „о недозволении открывать распивочных лавок на всем протяжении работ как Ново-Ладожского канала так и Свирского... без сей меры не представляется возможности предупредить беспорядки и драки рабочих"...

Однако оказалось, что министерство финансов предпочитало 15-ти рублевый доход общественной пользе. Директор департамента ответил: „Как по высочайше утвержденному 4 июля 1861 года положению о питейном сборе подобного запрещения относительно открытия заведений для продажи

[10]) Первая часть по 9 января 1863 года на 323 листах, вторая—по 19 июня 1865 г. на 672 листах, третья—по 6 апреля 1866 года на 444 листах, четвертая—по 30 марта 1868 года на 381 листах. Дела этого в архиве нет в наличности.

питей не установлено, то я не считаю себя в праве делать в этом случае какие-либо частные распоряжения".

В закрытии кабака было отказано и было предложено только усилить полицейский надзор [11]).

Оказание медицинской помощи рабочим всецело находились на подрядчике Гладине, который обязан был содержать на свои средства лазареты и врачебный персонал. О состоянии медицинской помощи можно судить по заявлению комитета в 1861 г., что „нанимаемое в деревне Липки для лазарета помещение едва достаточно для 30 коек, и при том, при осмотре, найдены в лазарете *не койки, а нары*, и как на основании контракта на каждые сто рабочих следует иметь в лазарете одну койку, следовательно, по показанному подрядчиком наличному числу рабочих 5468, следует иметь больничное помещение на 55 коек..." [12]).

В том же 1861 году места работы посетила эпидемия сибирской язвы. Наблюдались заболевания и среди рабочих, которые зарывали павших лошадей. Комитетом были приняты меры: рабочим, занятым на канале, было запрещено зарывать лошадей; ход судов в знойное время с 11 до 4 часов дня был остановлен и конная тяга была заменена тягой людьми [13]).

Что касается общего состояния здоровья рабочих, находившихся на прорытии канала, то об этом мы находим две нижеприводимые (см. стр. 49 и 50) ведомости.

В 1863 году вновь появилась сибирская язва. Начался опять падеж тяговых лошадей. На место эпидемии был командирован д-р Фейхтнер, чтобы „принять все необходимые меры для прекращения болезней и предохранения от оной особенно рабочих, находящихся при устройстве нового канала". Меры против сибирской язвы были приняты, но одновременно д-р Фейхтнер сообщил: „В нынешнее лето с самого начала открытия работ по устраиваемому Ново-Ладожскому каналу между рабочими цынготная болезнь, неизбежная почти спутница всех больших земляных работ в здешнем климате, *стала показываться в значительно больших против прежнего размерах*. Все три отделения лазарета, устроенного подрядчиком почетным гражданином Гладиным, наполнены цынготными больными и *помещение сих больных, по тесноте своей, далеко не удовлетворяет первым требованиям лазаретного благоустройства*".

Гладину было предложено лазаретные помещения сделать более просторными и ввести в пищу больных противоцынготные вещества, как то: кислую капусту, лук, хрен, редьку и проч. [14]).

Указание на то, что гигиенические условия оставляли желать много лучшего, проскальзывает и во всеподданнейшем докладе исправляющего должность главноуправляющего: „*При самых неблагоприятных гигиенических условиях* число больных из общего числа 3.500 рабочих не прево-

[11]) Архив М. П. С. Дело № 13 (1861 г.). Ср. Д. Каргин, Рабочие на постройке Петерб.-Московской жел. дороги. Спаивание рабочих („Архив истории труда в России", кн. 3 ья). О борьбе с пьянством—см. также „Архив истории труда в России", кн. 8-ая, стр. 33.

[12]) Архив М. П. С. Дело № 2, часть II (1861 г.).

[13]) Архив М. П. С. Дело № 7 (1861 г.).

В рапорте члена комитета Казнакова мы, между прочим, читаем по вопросу о замене конной тяги—тягой людьми: „Судопромышленники нашли видимый денежный расчет, платя сначала по 1 руб. серебр. в сутки человеку, а ныне по 8 и 7 р. за путину, так что, нанимая под судно 5 человек, судохозяин расходует от Ладоги до Шлиссельбурга рублей 40 и 35, вместо 70 и 80 рублей за пару лошадей, с особой притом дополнительной платой в случае падежа лошадей".

[14]) Архив М. П. С. Дело № 2 (1861 г.).

Ведомость больных с 1 мая по 3 ноября 1862 г.

ЧЕМ БОЛЕЛИ.	Поступило.	Выздоровело.	Получило облегчение в больнице.	Умерло.	Осталось к 4 ноября.
Перемежающейся лихорадкой.	82	82	—	—	
Катарром и гастрической лихорадкой	152	151	—	—	1
Изнурительной лихорадкой .	8	5	—	2	1
Нервными горячками	68	59	1	7	1
Всеобщею водянкою	3	—	1	2	—
Кровавым поносом	64	58	—	6	
Золотушным худосочием . . .	12	3	9	—	
Скорбутом	38	21	11	5	1
Ревматизмом	67	48	18	—	1
Воспалением шара	4	2	—	1	1
„ гортани	10	8	—	2	
„ плевры	20	17	—	3	—
„ легких	18	16	—	2	—
„ желудка	15	14	—	1	—
„ кишек	18	15	—	3	—
„ печени . . .	12	11	—	1	
„ брюшины . . .	4	2	—	2	—
Воздушною опухолью легких .	3	—	3	—	
Брюшною водянкою	12	8	4	—	—
Чахоткою	8	—	4	4	—
Воспалением глаз	32	28	4		
Катарактою	1	—	1	—	
Язвами и рожами	54	52	2	—	—
Нарывами	38	36	—	2	—
Переломами в костях . . .	2	1	—	—	1
Венерическими болезнями . .	12	10	2	—	—
Итого	757 [15]	647	60	43	7

[15]) Общее число рабочих в 1862 году было—9.500 человек, согласно показаниям Гладина. По наряду же должно было быть выставлено—5.600 человек.

Ведомость больных с 1-го мая по 5 ноября 1863 года.

Название болезней.	Состояло от зимнего времени.	Прибыло.	Выздоровело.	Отправлено на родину по их жел. хроних. больн.	Умерло.	Состоит к 5 ноября.
Катарральные и гастрические лихорадки . .	1	184	185	—		
Перемежающиеся лихорадки	—	85	85	—	—	—
Нервные горячки . . .	—	94	86	—	8	—
Воспаление глаз . . .	—	28	28	—	—	
„ гортани .	—	25	24	—	1	—
„ около серд. сумки . .	—	4	3	—	1	—
„ легких . .	—	47	45	—	2	—
„ плевры . .	1	74	71	—	3	1
„ печени . .	—	45	42	—	3	—
„ кишек . .	—	26	24	—	2	—
„ мочев. пуз.	—	23	23	—	—	—
Воздушн. опухоли легк.	—	6	—	5	1	—
Чахотка легких	—	7	—	4	3	—
Понос	—	94	91	—	3	—
Кровавая дизентерия .	—	66	61	—	5	—
Водянка	—	5	—	2	3	—
Рожистое воспаление .	—	19	16	—	2	1
Натуральная оспа . . .	1	16	15	—	2	—
Апоплексический удар .	—	2	—	—	2	—
Золотушные худосочия.	—	12	12	—	—	—
Ревматизм	—	185	102	81	—	2
Цынга	—	197	86	89	19	3
Раны и язвы	—	38	38	—	—	—
Нарывы	—	18	17	—	—	1
Ушибы и побои	—	25	23	—	1	1
Перелом костей	—	2	1	—	—	1
Накожные сыпи	—	14	14	—	—	—
Венерические	—	23	23	—	—	—
Итого . . .	3 [16])	1364	1115	181	61	10

[16]) Общее число рабочих в 1863 году было—10.580 человек, согласно показаниям Гладина. По наряду же должно было быть выставлено 9.000 человек.

сходит одного процента" (незначительное число рабочих—об'ясняется началом работ, не все рабочие еще прибыли).

В 1865 году среди рабочих вновь разразилась сильная эпидемия цынги. С-Петербургским военным генерал-губернатором на место работ был командирован член С-Петербургского комитета общественного здравия. Рабочие были размещены в более просторных „шалашах", в которых были устроены печи и вентиляции, и, кроме того, приказано было „покурить можжевельником". Помещение больницы было расширено и это „дало возможность поместить на пользование всех тех, которые до сих пор *пользовались на работах в шалашах, почему лечение их было более или менее затруднительно, а следовательно и не вполне успешно*", как об этом пишет С-Петербургский генерал-губернатор управляющему министерством путей сообщений.

Кроме того, в виде меры против распространения цынги, рабочим с первыми признаками скорбута отпускали на родину с выдачей им на дорогу до 7 рублей. Та же мера применена была и к тем, которые получили облегчение в больнице. Всего отпущено было выздоравливающих и с явными признаками цынги до $^1/_6$ всего числа рабочих. Сокращение числа рабочих произошло также и за счет „уклонения от работы многих совершенно здоровых ленивцев, под предлогом слабости".

Наконец до 300 человек рабочих сбежало с работ, спасаясь от скорбута, косившего ряды их товарищей, предпочитая уйти здоровыми, чем быть отправленными на родину больными [17]).

Результатом эпидемии 1865 года было то, что работы по прорытию канала, которые должны были быть оконченными в 1865 году, были продолжены до 1 августа 1866 года.

Кроме побегов рабочих и эпидемий администрации по прорытию канала пришлось пережить в 1863 году сильное движение среди землекопов, которое захватило 1.300 человек и обошлось благополучно, „без необходимости принять строгие меры к приведению рабочих к повиновению", как писал об этом С - Петербургский военный генерал - губернатор, только потому, что подрядчик Гладин принял требования, выставленные рабочими.

Освещение этого движения 1.300 землекопов мы находим в нижеследующем рапорте ад'ютанта С-Петербургского военного генерал-губернатора полковника Чебыкина, посланного на место для производства расследования.

„Прибыв 1 июля в город Ладогу, я нашел до 1.300 человек рабочих людей подрядчика Гладина, крестьян Тверской и Смоленской губерний, расположившихся на поле около черты города. Люди эти, по неудовольствию к поверенному Гладина и будто бы общей всех без исключения болезни, самовольно бросили работы на Свирском канале, находящемся в 52 верстах от Ладоги.

„По выслушании Гладина, поверенного его Турутина и рабочих людей оказалось, что люди наняты были с тем, чтобы к работам на Свирском канале приступить с 10 апреля и вырыть его до требуемой глубины, а потом перевести их, если надобность того потребует, к работам на Ладожский канал, причем было заявлено словесно, что по всем вероятиям работа на Свирском канале должна окончиться к 15 мая. Рабочие, нанятые к 10 апрелю, прибыли на место работ едва к 15, а некоторые и 18 мая, а по-

17) Ср. Д-р П. Вакс, Медико-санитарные условия на постройке Петерб.-Моск. жел. дороги („Архив истории труда в России", кн. 8-ая).

тому и окончили таковые едва к 20 июня, но так как по отделке этого канала потребовалось еще продолжить работы, то они и согласились продолжить таковые до 24 июня.

„Подрядчик Гладин, нередко осматривая производство работ, никогда не слышал от рабочих какой-либо жалобы или на что-либо претензии, но несмотря на это, 24 июня они самовольно бросили работы и 28 пришли в Ладогу, претендуя на то, зачем тотчас после 15 мая они не были переведены к работам на Ладожский канал, и не обращая внимания на из'явленное ими согласие на словесное предложение Гладина продолжать работы на Свирском канале.

„Поводом настойчивого их желания был тот расчет, что на Ладожском канале по твердости грунта цены на работы выше, чем на Свирском, и чтобы прикрыть требования свои каким-либо предлогом, они отозвались болезнью, *об'ясняя, что очень изнурены.*

„Заявили они об этом тотчас по приходе в Ладогу, когда же на другой день им об'явлено было, что подрядчик разрешает им переход к работам на Ладожский канал, то они вовсе не пожелали идти куда-либо работать, а потребовали расчета.

„По прибытии в Ладогу и узнав от исправника еще некоторые обстоятельства дела, я тотчас разделил их по губерниям и уездам, из чего оказалось, что Тверской губ.—900 человек, Смоленской—400; затем пригласил всех находившихся в городе докторов, а именно врача городской больницы, государственных имуществ и уездного, по освидетельствовании которыми рабочих оказалось: подлежащих к помещению в больницу 8 человек, и долженствующих быть отправленными на родину 62 человека, итого больных только 70 человек.

„На сделанный рабочим вопрос, отчего они нейдут на работы, которые на основании условий, изложенных в книжках, выданных им за печатями местных волостных правлений, они обязались производить по 1 ноября, люди эти отозвались с упорством, что они очень измучились и чувствуют себя слабыми здоровьем, тогда как большая часть их, видимо, в совершенно здоровом состоянии и с полнейшими силами, и не взирая на принятые меры кротости, а затем и строгости, народ очевидно не хотел разуметь своего долга. Таковое положение дела весьма сокрушало подрядчика Гладина, тем более, что он, производя около 30 лет постоянно значительные работы, а в настоящее время по Ладожскому и Свирскому каналам имея до 11.000 рабочих разных губерний и даже Западных, никогда не допускал, чтобы при расчетах его с рабочими требовались правительственные меры.

„А потому Гладин сам предложил мне окончить расчет с ними и отпустить их со своих работ вовсе, имея полное право по смыслу кондиций, сделанных в волостных правлениях, удержать их до 1 ноября. Кроме того, несмотря на видимую для себя потерю в денежном отношении и ответственность перед управлением путей сообщений, в ведении коего производятся эти работы, принял на себя все. Гладин тотчас же открыл все счеты рабочих людей, желая только покончить все недоразумения и чтобы засим уже не возникало к нему со стороны их каких либо претензий, сделал с ними следующий расчет: на Свирском канале один человек вырабатывал ежемесячно 9 рублей, а на Ладожском—до 14 рублей, он же с 15 мая всех Свирских расчитал по 14 рублей и кроме того дал на сапоги по одному рублю рабочим 1-й руки и по 50 коп.—2-й руки; все последние 9 дней, в продолжении коих они гуляли, производил харчи на свой счет, так что почти все рабочие по расчетам остались у подрядчика Гладина в долгу, который они по пред'явлению им расчетных книжек признали (сумма долга таким образом составилась в 9.600 р.). Таким расчетом люди не

могли быть недовольны и, получив паспорта, каждый на руки, благодаря Гладина, отправились из Ладоги.

„По собранным из-под руки сведениям дознано, что сказанные люди, соблазняясь различными полевыми работами по деревням, за которые они, расчитывая получить плату, несравненно для них выгодную, посягнули разрушить условия, удостоверенные волостными правлениями, и, без всякого стеснения, отправились прямо на новые работы; это удостоверяется еще и тем. что некоторые из них имели неосторожность тут же в Ладоге купить полевые инструменты.

„...Только при средствах подрядчика Гладина и нежелании его тревожить правительство притязаниями на какие-либо серьезные меры ко взысканию с рабочих людей, и при содействии и заботливости местного уездного исправника возможно было водворить спокойствие в людях, чуждых исполнению своих обязанностей... Подрядчик Гладин почтительнейше просит вашу светлость, не признает ли справедливым и возможным сообщить Тверскому и Смоленскому губернаторам о принятии ими должных мер ко взысканию денег с людей, оставшихся ему должными, именные списки коих, с обозначением сколько каждый из них остался должен, отправлены уездным исправником к означенным губернаторам“ [18]).

Сам Гладин в своем прошении от 6 апреля 1861 года следующим образом об'ясняет свое „миролюбивое“ поведение: желанием избегнуть затруднений, „которые могли бы возникнуть для начальства при приведении столь значительной толпы к повиновению, и чтобы при тогдашних обстоятельствах прекратить всякий повод к толкам“.

Желание избежать крутых действий и уладить дело по возможности мирно было благожелательно принято властями и сам генерал-губернатор выступил ходатаем перед Главным управлением путей сообщения за Гладина, в связи с некоторыми неустойками Гладина, указывая, „что уступки, сделанные Гладиным рабочим, вызваны были единственно желанием не поставить местные власти в затруднения, которые неизбежны при усмирении целой толпы“ [19]).

Несмотря на задержки в производстве работ по прорытию канала, таковые с некоторым опозданием в главных своих частях были закончены к осени 1866 года и 1 сентября (в присутствии Александра II) состоялось открытие Второго Ладожского канала. Этот канал был переименован в Канал императора Александра II, а старый—в Канал императора Петра Великого.

После открытия канала остались еще некоторые недоделки в его надводных частях, которые производились во время судоходства в 1867 году.

В том же году сыновьям покойного купца Гладина в вознаграждение за потери, понесенные при постройке канала, отпущено было 300.000 р. серебром.

А. Ф. Добрынин.

---

[18]) Архив М. П. С. Дело № 13 (1861 г.), Ч. II.
[19]) Там же.

Рабочие артели.

Под именем рабочих артелей понимаются такие добровольческие об'единения рабочих одной профессии, которые ставят себе задачей содействие материальному и духовному благосостоянию своих членов.

Среди этих об'единений можно различить две формы: *производительные* артели, организующие то или иное коллективное предприятие, в котором находят себе занятие члены, и *трудовые* артели, об'единяющие своих членов в интересах наиболее рациональной продажи их рабочей силы. Последние артели всегда работают на какого-нибудь хозяина или заказчика, имея в виду добиться наиболее льготных условий труда, первые же сами являются хозяином, самостоятельно выступают со своими изделиями на рынке и стремятся получить не только хорошую заработную плату, но и предпринимательскую прибыль, а также известную независимость и свободу. Производительные ассоциации являются продуктом более позднего происхождения, трудовые же артели представляют собою древнейшую форму.

Следы существования каких-то об'единений среди работающих по найму теряются в глубокой древности.

Одно из известий 12-го века указывает, что строительные рабочие организовались иногда в „братии", а в следующем столетии встречается указание, что „братство" присуще и другим ремесленникам—напр., кузнецам, ливцам, древоделам и т. д. В 1420 г. псковичи „наняша мастера Феодора и дружину его побивати церковь". В других источниках неоднократно упоминается о старейшинах древодельских" [1]). К сожалению, нам ничего не известно о характере внутренних отношений между этими старейшинами и членами братства, между мастерами и их дружинниками: были ли первые выборными старостами самостоятельных артелей или же подрядчиками, собирающими рабочих по найму на свой страх и риск.

Более подробные данныя появляются лишь с конца 16-го века и они показывают, что наемные рабочие нередко об'единялись в различного рода артели. На существование плотничьих артелей указывают две записи о постройке и починке мостов, заключенные разными крестьянами с казначеем Вежицкого монастыря в 1598 г., а также запись, в которой Верхотурские ямские охотники обязывались казенным целовальникам сделать в казну два дощаника. Кроме условий о наемной плате в документах содержится оговорка со стороны плотников, что в случае неисполнения взятых на себя обязанностей, они подвергаются пени, что государь укажет, а работу должен все таки окончить тот, кто из них будет в наличности.

[1]) Бл. Юл. Гессен, К истории ремесленного труда в древней Руси, „Архив истории труда в России", книга четвертая.—Н. Аристов, Промышленность древней Руси (1866 г.)

Об артелях ярыжных, весьма схожих с позднешими бурлаками, говорят две записи, относящиеся одна к 1642 и другая—к 1653 г. Обе они представляют собою поручные, взятые Василием Обросимовым из Лыскова (Нижегор. губ.), который называет себя в первой записи приказчиком, а во второй—торговым человеком по ярыжных, обязавшихся ему *итти в тягу* на Астраханском судне от г. Самары вверх Волгою до Лыскова, а по второму акту—нагрузить его струг запасами и товарами в Лыскове и отсюда ехать на струге вниз по Волге в Астрахань. Ярыжных по первому акту значилось 6 человек и все они приняты за поруками; по второму же—8 человек, принятых также с поруками, но из поручившихся двое—сами ярыжные, нанявшиеся к хозяину в том же струге. Наемной платы дано первым по 3 рубля и по 4 руб. без 10 алтын на человека; сверх того, они должны были получать „готовый хлеб и харчи"; о наемной плате вторых—сведений в акте не уцелело, но „на хлеб и вологу" они уговорились получать по одному рублю на человека. Часть наемной платы взята была теми и другими вперед, в задаток, а остальную сумму они должны были получить по выполнении договора. В случае неисполнения кем-либо из ярыжных своих обязанностей, воровства или бегства, за него отвечают поручители возмещением понесенных хозяином убытков и, сверх того, за выданный задаток—вдвое. С другой стороны, хозяин не в праве делать вычеты за лыки, канаты и пр. или заставлять ярыжных выгружать из хозяйского судна соль и рыбу, а если судно не дойдет до Лыскова по случаю заморозков, то ярыжные получают условленную плату сполна. А в случае болезни хозяин обязан привезти ярыжного в город, но больной должен нанять за себя человека в тягу [1a]).

В некоторых случаях среди судорабочих образовывались более обширные и прочные об'единения, проводившие энергичные меры, вплоть до об'явления стачки, для защиты своих интересов. Так, сохранилась запись от 15 марта 1653 г., в которой 20 нижнесухонских носников (лоцманов) заключили между собой договор, чтобы „промеж собою в судовом деле друг за друга стоять и не подавать ни в чем"; а если местные власти „не по делу станут в тюрьму садить на Тотьме и на Устюге, и нам, носникам, друг за друга стоять и стоять за один человек, и в обиду не давать, и государю бить челом; и нам, носникам, докамест не выпустят из тюрьмы, на судах не ходить, ни плавать" и, выбрав из своей среды ходока, бить челом государю в воеводских обидах. „А буде который из нас, носников, не станет друг за друга стоять и в тоя поры начнет на судах ходить и плавать, в кою пору носники в тюрьме сидят, и на нем взять в братью пятьдесят рублев денег. А в те поры государевых казенных судов нам, носникам, не держать ни вниз, ни вверх, и своие братьи носников отпущати на те казенные суда на Меженские на осенние, опричь вешних сплавок, ладей и дощаников, которые ладьи и дощаники с хлебом и с иным товаром поплывут в весну".

Это соглашение не осталось только на бумаге. В начале летней навигации 1655 г. иноземец Вахрамей Петров отправился из Москвы в Архангельск со своим товаром на собственном дощанике. В Вологде он нанял тотемского носника Якунку Жукова плыть Сухоною до Великого Устюга. Но когда судно дошло до Тотьмы, оно было задержано вышеупомянутой артелью носников, которые сняли Жукова с работы и даже подали жалобу на него воеводе. С своей стороны, Вахрамей Петров также пред'явил обвинение, что носники оставили его в Тотьме без лоцмана и тем причинили большие убытки как ему, так и казне. Обнаружив из жалобы сторон существование формального соглашения или записи,—у носников.

1a) Н. Калачев, Артели в древней и нынешней России (1864 г.), стр. 3.

воевода распорядился положить ее „перед себя в с'езжей избе, какая у них та заодиначная запись, и нет ли у них каково заводу". Однако, носник Васька заявил, что „такая-де заодинашная запись за руками у него есть, только-де не положит (ее), потому что на него, Ваську, у товарищей его крепость есть, только-де товарищи ему велят положить — и он положит". Чем кончилось дело, остается неизвестным.

По мнению комментатора [2]) „очевидно, носники считали своим правом как сплачиваться в артель, так и защищать общие интересы артели организованной стачкой. Это право могло вырости из бытовой практики самоуправляющихся мирских союзов Поморья, в социальной жизни которого можно отыскать достаточно примеров к привычке действовать солидарно и сообща".

Существование артелей, как бытового явления, не подлежит оспариванию; но другое дело — проведение организованной стачки. Из того факта, что воевода обратился за инструкциями в Москву, можно скорее сделать противоположное заключение, что дело это было новое и на практике еще не встречалось...

Из других свидетельств отметим еще рядную запись Ив. Коробова, заключенную в 1695 г. с артелью в 30 человек, которые нанялись итти на его струге с товаром из Нижнего Новгорода вверх по Оке до г. Калуги. Подобных записей в бумагах торгового дома Коробовых было несколько, что говорит о широкой распространенности этого явления. Артели, очевидно, вполне справлялись со своей задачей, так как при разборе дел не обнаружено никаких претензий со стороны отправителя товаров [3]).

Существовали также артели среди каменщиков, как об этом можно судить по одному договору, относящемуся к 1686 г. В нем 14 человек монастырских и помещичьих крестьян разных селений Ярославского и Костромского уездов обязывались сделать у колокольного мастера Моторина в Москве два погреба с жилыми наверху палатками, сенями и крыльцами.

В течение долгого времени существование артелей определялось обычным правом или договорами, и только в конце 18-го века появляются первые попытки законодательного их регулирования.

Согласно Уставу о цехах, утвержденному 12 ноября 1799 г., последние по свойству их занятий разделяются на три рода: 1) по мастерствам и рукоделиям — на ремесленные, 2) на служилые и 3) на рабочие цехи [4]).

К первой группе относятся преимущественно ремесленники, работающие в особых мастерских (хотя могущие иногда наниматься на фабрики и заводы), а ко второй — лица, служащие по личному найму (лакеи, камеристки, кучера, повара и т. п.). К рабочим же цехам принадлежат те, кто производит за условленную плату такие работы, для отправления коих особые мастерские учреждать нет надобности, или кто промысел свой на открытом воздухе отправляет. Сюда относятся штукатуры, плотники, печники, носильщики, черные работники, каменщики, дрягили, крючники, купора, мостильщики и землекопы, огородники, ночные чистильщики и тому подобные, а для лучшего порядка каждый из них по различию их работ „в особенном виде учреждаться долженствует". Сверх того в законе упоминается еще о цехе присяжном, браковом и цехе приказчиков или лавочных сидельцев.

---

[2]) Андр. Введенский, Заметки по истории труда на Руси 16—17 в. „Архив истории труда в России", книга третья.

[3]) Калужские Губернские Ведомости, № 30 за 1872 г.—Рядная запись рабочей артели 17 столетия.

[4]) Первое полное собрание законов, № 19187.

Для ближайшего заведывания делами этих цехов учреждаются три цеховые управы: одна — для ремесленников, другая — для служителей и третья—для рабочих; каждый цех в свою очередь должен иметь алтермана или старшину. Если кто-либо имеет надобность в слуге, служанке или работных людях, то об'являет о том состоящему при цехе маклеру, который обязан стараться о скорейшем каждому из жителей доставлении людей, потребных для услуг и работ его. Всякий, ищущий услужения или работы, также должен с своей стороны являться к маклеру, который, в случае если таковой не записан в цех, представляет в управу о записи его; а если записан, то старается о немедленном доставлении ему службы или работы. Алтерманы по жалобам на худую работу, порчу вещей, недоставление в срок и тому подобном, судят цеховых, не затягивая решения более двух суток, если подсудимый состоит на лицо. Работы, несоразмерные силам одного человека, производятся некоторым числом людей по добровольному их между собою соглашению и такие общества называются артелями. Вступающий в какую-либо артель должен в зависимости от промысла состоять в цехе. В каждой артели все друг за друга должны быть порукою и за утраченное или поврежденное отвечать. Каждая артель имеет своих старост и казначеев, избираемых на год—не меньше, как третьей частью артели. Артели, образующиеся для временных работ, должны состоять не менее, чем из 6 человек. Старосты или казначеи, хотя и не работают, получают пай, равный с лучшим в артели работником.

Таким образом, законом 1799 г. имелось в виду создать для чернорабочих и целого ряда отраслей квалифицированного труда особый цех во главе с управой, которая должна вести регистрацию спроса и предложения на рабочие руки, оказывать защиту рабочим, наблюдать за выполнением ими своих обязанностей и т. д.

Однако, на практике из этого ничего не вышло, ибо уже указом 12 февраля 1802 г. было постановлено „сбор с рабочих и нанимающихся в услужение людей, тягостный для народа, сколько по существу своему, столько и по образу взимания его и по состоянию сих людей, в обеих столицах отменить", а равно отменить и самую запись их в рабочий и служебный цехи [5]).

В более счастливом положении оказались отрасли труда, связанные с водным транспортом. Здесь, как уже упоминалось выше, издавна существовали артели ярыжных или бурлаков, занимавшиеся перевозкой грузов и людей на речных судах. С развитием у нас морского судоходства этот обычай стал проникать и сюда, ограничиваясь, впрочем, только наиболее подходящими для об'единения отраслями. Так, напр., для нагрузки и выгрузки кораблей в Петербургском и Кронштадтском портах издавна существовали особые общества мастеровых, известных под именем штуров. Занимаясь снабжением шкиперов приходящих из-за границы судов рабочими людьми и домкратами, эти общества настолько окрепли, что стали даже стремиться к монополии, чем вызвали многочисленные жалобы заинтересованных лиц, которые побудили правительство к вмешательству. Положением 24 марта 1830 и 29 сентября 1831 г. —§ 3—обществам штуров вменено было в обязанность всегда предоставлять, за плату в три рубля за поденного рабочего, для нагрузки и выгрузки коммерческих судов потребное число рабочих людей безостановочно, но вместе с тем—§ 6—дозволялось шкиперам (в большинстве это были иностранцы) нанимать рабочих и домкраты также у других людей по вольной цене или производить погрузку своими людьми.

Тогда кронштадтские мастеровые подали всеподданнейшее прошение: имея обязанностью поставлять на летнее время полное число рабочих,

[5]) Первое полное собрание законов, № 20143

они терпят подрыв от вольных, у которых шкипера помимо них нанимают рабочих людей и домкраты. Так, в течение навигации 1830 г. у них ежедневно оставалось от 100 до 200 человек без работы—всего они дали от себя 64.523 человека, а шкиперами нанято было 31.893 человека (считая по дням). В виду этого они просили отменить § 6-ой.

Кронштадтский генерал-губернатор поддержал эту просьбу, но интересы иностранной коммерции одержали верх, и указом 13 декабря 1832 г. отменен был не § 6-ой, как просили мастеровые, а 3-ий, на чем вовсе не настаивали иностранные консулы [6]).

В Архангельске так же издавна существовали артели лоцманов и дрягилей, деятельность которых выражалась в обслуживании приходящих морских судов [7]). При издании в 1830 г. правил о торговом судостроении и мореходстве местному начальству было предоставлено учреждать в азовских, черноморских и дунайских портах цехи „вольных матросов". Мысль эта была выдвинута начальником Новороссийского края кн. Воронцовым, который стремился, путем образования из прибрежных жителей особого сословия матросов, создать отечественный каботаж и освободиться от иностранных судов. Однако, желающих вступить в эти цехи оказалось очень немного, и тогда правилами 26 января 1834 г. были установлены уже более значительные льготы. Мещане и государственные крестьяне, записавшиеся добровольно в морские цехи в городах Алешках и Никополе, освобождались от платежа податей, земской повинности, военного постоя и рекрутчины—с тем, чтобы из них половина молодых людей, имеющих от роду от 15 до 20 лет, а из женатых и тех, которые имеют от 20 до 35 лет, десятый человек поступал в черноморский военный флот сроком на пять лет; в дальнейшем же ежегодно поступают во флот по одному человеку от 20 душ. Поступившие таким образом из цехов во флот люди должны были размещаться на транспортных судах, служба на которых ближе подходит к службе на купеческих судах. По окончании этого стажа каждый матрос получал патент на звание „опытного матроса", служащий ему и паспортом, с которым он мог отправиться в плаванье и заграницу.

В 1835 г. в означенные цехи записалось 1.143 души, из которых 120 человек поступило на пятилетнюю службу в Черноморский флот. Получив отзыв морского начальства, что они оказали хорошие успехи в изучении морского дела, Воронцов возбудил ходатайство о дозволении учредить цехи вольных моряков и в других местностях, прилегающих к Днепру и Азовскому морю, на что последовало в 1837 г. разрешение, распространенное затем на черноморские и дунайские порты. В 1853 г. ревизских душ вольных матросов насчитывалось уже 12,925, а число поступивших на пятилетнюю службу повысилось до 353 [8]).

Около этого же времени новый главноуправляющий путями сообщения Толь, совершив поездку по Волге, обратил внимание на частые случаи побегов бурлаков в пути, а также на то, что они не обнаруживают охоты защищать судно, когда двое-трое вооруженных людей нападают, чтобы ограбить судовладельца. Об'ясняя это тяжелым материальным положением бурлаков, Толь выработал проект урегулирования вопроса.

По его мысли, на каждом судне рабочие должны составлять артель, которая, с одной стороны, является материально ответственной перед судохозяином за поступки всех ее членов, а с другой—заботится о них в случае нужды. На ряду с возложением на артель ответственности за поведе-

---

[6]) Второе полное собрание законов, №№ 3554, 4837 и 5824.

[7]) Сборник материалов об артели в России. Вып. I (1873 г.).

[8]) А. Путилов, Цехи вольных матросов в Новороссийском крае. „Архив истории труда в России", книга вторая.

ние всех входящих в нее членов ей предоставлялось право налагать штрафы на своих членов и даже подвергать их телесному наказанию; вместе с тем, в ее распоряжение поступают известные средства—в виде штрафов, налагаемых на судохозяев за неисполнение законов: это рассматривалось как компенсация артели на случай, если ей придется понести убыток вследствие побега рабочих, за которых она должна была расчитываться с хозяином, или вследствие болезни товарищей, лечение коих также падало на ее счет. Министр внутренних дел отнесся отрицательно к проекту Толя, указывая, что судовые команды составляются из людей различных местностей, не знающих друг друга и ничем взаимно не связанных; нельзя поэтому обязывать рабочих ручаться друг за друга и заставлять невинного отвечать своим имуществом за виновного. Оздоровить же ту атмосферу, в которой происходить наем бурлаков и протекает их работа, может только одобрение или поручительство со стороны общества или помещика, которым принадлежат нанимающиеся рабочие.

Соединенные департаменты законов и экономии государственного совета также стали на ту точку зрения, что учреждение артелей с круговой порукой не желательно, так как, если право найма рабочих и распределения их по баркам принадлежит судохозяину, то невозможно заставить рабочих материально отвечать друг за друга перед хозяином,—ведь обычно артели образуются в целях удешевления и удобства продовольствия без всякой ответственности одного за другого перед хозяином за неустойку или побег рабочего; рабочим надо лишь дозволить учреждать артели, но никак не обязывать их к этому, или же в видах поощрения установить некоторые преимущества для хозяина и рабочих, добровольно организующихся на артельных началах.

В этом смысле Толю предоставлено было исправить проект и вновь внести в государственный совет. Но в это время Николай I при своей поездке по Волге лично заинтересовался вопросом о положении бурлаков и заявил, что каков бы ни был законопроект, необходимо „учредить на судах надзор за судорабочими, возложив сие на них самих и обязав их круговою друг за друга ответственностью“. Эта резолюция дала перевес точке зрения Толя и помогла ему преодолеть оппозицию министерства внутренних дел и государственного совета. Последний, после внесения некоторых поправок в законопроект, согласился принять идею принудительного составления артелей, и 1 марта 1837 г. был опубликован закон о взаимных отношениях между судохозяевами и судорабочими [9]).

Следы этой идеи принудительного об'единения рабочих мы находим также в положении 1838 г. о частной золотопромышленности в Сибири. Так как на золотых промыслах очень часто были случаи неявки взявших задаток лиц на место работы или побега с приисков, то для борьбы с этим были приняты следующие правила. Если из одного селения, волости или города нанималось несколько человек, то им вменялось в обязанность отправляться на работу артелями, избрав в каждой из них на весь путь для сохранения порядка старосту с двумя или более помощниками и вручив ему свои паспорта с круговою порукою в том, что рабочие не будут отлучаться от артели и будут повиноваться старосте. Артельный староста имел право, по совещании с помощниками, наказывать за всякое буйство рабочего, принадлежащего к его артели, применяясь к постановлениям об артельной расправе на приисках. По прибытии на место работы каждый нанявшийся должен был отдать свой паспорт промышленнику и взамен его получить расчетный лист. Если с нанимателем не заключено явочного

[9]) Юлий Гессен, Бурлаки в первой половине 19 века. „Архив истории труда в России“, книга вторая.—Второе полное собрание законов, № 9818.

договора, то по крайней мере в этом листе должны быть кратко означены условия с промышленником. Для сохранения порядка между рабочими и большего удобства в производстве хозяину дозволялось разделять рабочих на новые артели, при чем в каждую из них он назначал от себя старосту, а рабочие с своей стороны—двух выборных. Этой артельной расправе с ведома промышленника или его приказчика предоставлялось право „умеренного домашнего исправления" рабочих, составляющих артель; она имела право по словесному постановлению наказывать ленивых, нетрезвых, виновных в запрещенной карточной или иной игре, буйных или пытавшихся бежать—набавлением на них работ, удержанием в пользу артели части заработной платы и даже, смотря по вине и последствиям поступка, розгами в количестве не более ста ударов. По окончании расчета рабочим предписывалось: безостановочно следовать в места их жительства такими же артелями, как они обязаны отправляться на работы [10]).

Как видно отсюда, закон 30 апреля 1838 г. идет уже далее закона 1 марта 1837 г.: судорабочие должны были обязательно составлять артели только уже на месте исполнения работ, при отправлении же с места жительства им только рекомендовалось делать это; по отношению же к золотопромышленным рабочим начало принуждения проведено от начала до конца, т. е. с момента выхода нанявшихся людей до их возвращения домой.

Но целью этих артелей было не содействие общими силами материальному и духовному благосостоянию своих членов, а лучшее обеспечение заключенного ими контракта. Это было, таким образом, об'единение в интересах не самих собственно рабочих, а их нанимателей, и потому комиссия, образованная в конце шестидесятых годов для пересмотра существующего положения о частной золотопромышленности, совершенно правильно нашла, что им должно быть присвоено название не артели, а *паѣтий*, ибо слово артель „неприменимо к обществам, составляемым принудительно". Практическое значение этих об'единений остается к тому же невыясненным, ибо случаев материальной ответственности одних рабочих за побеги или неисправности других не удалось установить.

В 1846 г. несколько вольных русских шкиперов, штурманов и матросов Петербургского и Кронштадтского портов обратились в министерство финансов с просьбой об учреждении в Петербурге, по примеру других наших портов, цеха вольных русских штурманов и матросов на следующих основаниях: а) в цех надлежит принимать одних русских экзаменованных шкиперов и штурманов и только русских матросов; б) хозяевам купеческих судов Петербургского и Кронштадтского портов вменить в обязанность составлять экипажи из мореходов цеха, дозволяя лишь при неимении их принимать иностранцев, и в) для поощрения к поступлению в вольные матросы предоставить некоторые облегчения; этим устранится для русских мореходцев затруднение в приискании себе мест на судах наших, на которых по большей части начальствуют иностранные шкиперы, составляющие экипажи преимущественно из своих единоземцев.

Министерство финансов выработало соответственный проект устава. Согласно проекту, все шкиперы, штурманы и матросы обязаны записываться в цех; ежегодный взнос определялся для шкиперов в 6 руб. сер., штурманов—3 и матросов—1 руб. Число русских матросов в цехе устанавливалось каждые пять лет петербургской городской думой вместе с биржевым комитетом соответственно потребности и с утверждения гражданским губернатором. Иностранцы допускались до 1851 г.—согласно изданным уже ранее законам—в количестве $^1/_3$, а после этого—не более $^1/_4$.

[10]) Второе полное собрание законов, № 11188.

Этот проект подвергнут был рассмотрению городской думы, которая высказалась за то, что, если такой цех будет учрежден, то лишь „на правах совершенной свободы, т. е., не обязывая никого к записи в цех, предоставить сие собственному желанию каждого; купечеству же дозволить нанимать как цеховых, так и других вольных мореходцев, без всякого ограничения правилами цеха". В результа было постановлено оставить проект без исполнения, так как „не представляя пользы для торгового мореплавания, он мог бы послужить к стеснению оного" [10а]).

При обсуждении нового устройства городского самоуправления в Петербурге правительство вновь вернулось к мысли об учреждении служебных и рабочих цехов, которые были уже намечены указом 12 ноября 1779 г., но затем приостановлены в 1802 г. По новому положению (13 февраля 1846 г.), служебные и рабочие цехи должны составляться из всех людей, промышляющих в городе всякими видами наемных работ и услуг, а именно: 1) домашней прислуги всякого наименования, 2) служителей в промышленных заведениях и 3) чернорабочих, кроме прибывающих на время. Вступление в цех совершается самым простым образом без предварительного разрешения цеха, по распоряжению его непосредственного начальства. Вследствие этого приписавшийся отвечает лично за исправность платежа податей и исполнения других повинностей, без всякой в том ответственности со стороны цеха. Число цехов устанавливается сообразно с числом принадлежащих к цеху людей; учреждаются они по роду промысла и, кроме того, по частям города, в случае многочисленности приписавшихся. Цехи могут быть подразделяемы на артели, которые составляются в количестве не менее 10 человек, с ведома и разрешения цехового начальства, из людей, имеющих однородное занятие и принимающих круговое друг за друга ручательство, по примеру издавна существующих биржевых артелей. Управа, заведывающая цехами наемных служителей и рабочих, составляется из председателя и определенного числа членов. Председатель избирается распорядительной думой из числа чиновников, а члены—частью той же думой из чиновников, частью собранием вечно-цеховых из числа коренных членов городского общества [11]).

В положении об общественном управлении г. Петербурга изложены были лишь главные начала для устройства рабочих и служебных цехов; подробные же правила о порядке вступления в цехи и увольнения из них, об отправлении разных повинностей, об отношениях рабочих и слуг к хозяевам и пр. разрабатывались в министерстве внутренних дел вместе с министерством юстиции.

По утверждении этих дополнительных правил предполагалось приступить к немедленному открытию означенных цехов в столице, распространяя затем постепенно это „новое учреждение" и на прочие города.

Но практически и на этот раз дело не подвинулось вперед. Если цехи ремесленников успели все же получить большее или меньшее распространение, то служилые и рабочие цехи остались лишь на бумаге [12]).

10а) Архив м-ва внутренних дел, хозяйств. д-т, 1 ст. 2 гор. отд. № 105 за 1846 г. — Подобная же судьба постигла проект учреждения в Астрахани общества или цеха вольных матросов, представленный в конце 1854 г. местным генерал-губернатором в министерство внутренних дел. После длинной ведомственной переписки советом министерства государств. имуществ было высказано мнение, что надо приостановить разрешение этого дела впредь до окончания общего рассмотрения вопроса об основаниях для учреждения цехов вольных матросов на будущее время, ибо в настоящем своем виде они „не принесли всей ожидаемой от них пользы". Архив хозяйств. д-та. 1 ст. 2 гор. отд., дело № 235 за 1854 г.

11) Второе полное собр. законов, № 19721.

12) Архив м-ва внутренних дел, хозяйств. д-т, 1 ст. 2 гор. отд., № 77 за 1846 г. Цехи в Москве по данным 1856 г.—см. „Архив истории труда в России", кн. 3-ья, стр. 155.

Только в провинции кое-где возникали цехи трубочистов, которых настойчиво требовало министерство внутренних дел в целях борьбы с пожарной опасностью. Соответственный циркуляр был разослан министерством еще в 1837 г., но действие его было очень слабое. В Вятской губ. отмечено к началу 50-х годов существование цехов трубочистов без всяких уставов в г. Вятке, Слободском, Сарапуле и Орлове; в Тверской губ.—в г. Твери, Торжке и Ржеве, в прочих же городах „по малому числу мастеровых учреждение цехов оказывается затруднительным".

Под влиянием напоминания из министерства местное начальство распорядилось подтвердить городским думам и магистратам непременно в месячный срок учредить цехи, где их нет, по всем мастерствам, присоединяя ремесленников, в случае недостаточного количества их, к родственному цеху, с установлением для каждого из них особых обрядов [13]). Но едва ли это имело какое-нибудь отношение и значение для служащих и рабочих людей, занятых вне ремесленных мастерских.

В конце 1859 г. отставным канцеляристом Петровским был представлен министру внутренних дел проект устава общества рабочих людей при С.-Петербургском порте под названием С.П.Б. Биржевая артель. В пояснительной записке автор сообщал, что при существовании в порте 25 биржевых артелей, управляемых домашними постановлениями, составленными частными лицами и правительством не утвержденными, постоянно возникают между членами несогласия, раздоры и даже обиды, а это—от того, что в постановлениях включены такие условия, которые противны не только народному духу, но и существующим законам. Например: в 14 пункте постановления Московской биржевой артели (29 дек. 1858 г) сказано, что „на решения общего собрания артели члены ее обязываются жалоб не приносить и судебным местам таковых не принимать". Где же после этого обиженному искать защиты, как не у закона в судебных местах? Между тем, артельные постановления обязывают даже и судебные места жалоб не принимать, хотя на основании закона артельщики могут разбираться Коммерческим судом. В Петербургском порте насчитывалось 25 артелей и в них около 2.000 членов (от 50 до 140 чел. в каждой). Все эти артели проект имел в виду об'единить в одну организацию, подчинив изданным от правительства правилам, которые определяли бы как взаимное отношение членов, так и вообще всю деятельность общества. Однако в министерстве он не встретил сочувствия, так как согласно закону „под артелями разумеются совершенно свободные общества, устройство которых вполне предоставляется взаимному соглашению членов" [14]).

В Москве насчитывалось к этому времени (по сведениям Калачова) девять биржевых артелей с числом членов от 25 до 110 в каждой, при чем, если временно встречалась надобность в людях, то по усмотрению старосты нанимались рабочие из посторонних, за которых артель ручалась, как за своих.

Падение крепостного права принесло значительное оживление для артельного движения. Освобождение труда и уничтожение обязательных отношений подняли дух личной инициативы в трудящихся и увеличило стремление к изысканию новых средств для улучшения своего положения. Вместе с тем, среди передовых элементов нашего общества зародился определенный интерес к идее кооперации и появилась литература, пропа-

[13]) Хозяйств. д-т, 1 ст. 2 гор. отд., дело № 214 и № 215 за 1851 г.
[14]) Хозяйств. д-т, дело № 64 за 1860 г. Других типов организаций, кроме артелей, почти совсем не встречается.

гандировавшая необходимость ее применения во имя избежания ужасов пролетаризации населения, испытываемых на Западе. Поэтому хотя капитализация народной промышленности не переставала итти своим, все усиливавшимся темпом, сфера приложения артельного начала стала все же более широкой и разнообразной.

Вместо обязательных об'единений, требуемых законом 1838 г., на Сибирских золотых промыслах, по словам В. Семевского [15]), стала распространяться в первой половине 60-х годов разработка приисков старателями-золотничниками, частью в виде самостоятельных артелей, частью в виде артелей, содержимых подрядчиками. В 70-х и 80-х годах эта система развилась еще более. С обеднением и измельчанием золотых приисков явилось стремление к возможно большей экономии, и подобные артели, сокращающие расходы по содержанию многочисленной администрации и создающие особую заинтересованность рабочего в результатах его труда, служили хорошим средством для этого. По закону артели должны были составляться не менее, чем из 10 человек, но состав их обыкновенно колебался от 4 до 8, встречалось иногда и по два человека. За все свои работы, как подготовительные (отвод воды, вскрытие торфа и пр.), так и непосредственно по добыче и промывке золота, артели старателей получали вознаграждение с золотника. Несмотря на свойственный им риск, золотничные артели представляли для многих большую привлекательность. По словам одного автора (Пантелеева), „кто стал ходить на золотники, тот уже редко возвращается на общие работы, каковы бы ни были превратности золотничной работы". Работая самостоятельно, рабочий чувствует себя свободнее, изменяется даже его способ держать себя и говорить с начальством. Так как золотничные работы требуют от своих членов сметливости, осмотрительности, то замечено, что рабочие сильные и беспечные предпочитали оставаться в разряде общеконтрактных, где работа тяжелее, но не было нужды ломать себе голову.

Для заведывания делами артели старателями выбирался артельный староста, на обязанности которого лежит забота о нуждах артели, распределение работ между ее членами, сдача золота, наблюдение за правильной записью забираемых в приисковой лавке припасов, передача артели распоряжений приискового управления и т. д. Вознаграждение в артелях производилось пропорционально труду каждого; староста оплачивался особо. Если кто-либо из членов оставлял работу ранее конца операции по добровольному соглашению, то из его доли жалованья производился известный вычет. Старатели-золотничники работали не на хозяйской, а на своей пище, забирая припасы и нужные им вещи в счет заработка из приисковых лавок. Жилища же им отводились обыкновенно от приискового управления, нередко однако с обязанностью производить в них необходимые исправления; отопление же и освещение они принимали на свой счет.

В некоторых округах, напр., в Канском и Нижнеудинском, более половины приисков разрабатывалось в 1879 и 1880 г.г. старателями, а количество золотничников значительно превосходило число общеконтрактных, доходя до 68% общего количества. Точно также в Амурской области старательские работы преобладали на приисках в 90-х годах.

Интересно отметить, что в 1873 г. кабинетские золотые промыслы на Алтае перестали разрабатываться самостоятельно и переданы были целиком старателям-золотничникам за известную плату с золотника. Старатели, которыми могли быть все лица свободных состояний кроме ссыльно-поселенцев, должны были составлять артели не менее десяти человек; каждая выбирала из своей среды старшего, который сдавал золото за всю

[15]) Рабочие на Сибирских золотых промыслах. Т. 2. (1898 г.). Гл. IX.

артель и получал расчет от смотрителя, а также припасы и инструменты. По расчетному листку старший расчитывался со своей артелью; на ответственности его лежала правильная сдача золота, и он отвечал в случае его утайки. Все артели вместе избирали двух выборных, а смотритель—старосту, которые и составляли втроем артельную расправу.

Подобные артели существовали и на Урале. Здесь их деятельность в некоторых случаях носит более широкий и самостоятельный характер: нередко они на свой страх и риск производят не только разработку россыпей, но и разведки новых месторождений золота.

Вследствие непостоянства самого характера работ, артели устраивались обыкновенно на тот период времени, в который можно надеяться кончить разработку взятого участка; но случается, что одна и та же артель в полном своем составе переходит после разработки одного участка к другому. Так как для производства золотопромывальных работ, вследствие немногосложности их в техническом отношении, не требуется большого количества рук, то число членов артели обыкновенно ограничивается 5 — 10 человеками, хотя нередко достигает и более высокой цифры. Вследствие незначительности обязательств, соединенных со вступлением в артель, а также вследствие того, что долговременная практика достаточно ясно обозначила эти обязательства, между членами письменных договоров не заключалось, а все делалось на слове, при чем достаточной гарантией служил самый интерес рабочих в успехе деятельности артели. Распределение вырученных денег производилось или в определенные сроки, обычно понедельно, или по мере накопления заработка. Дележ заработка артельщики любят производить круглыми цифрами и часто обрезки, остающиеся при этом, употребляют на какое-либо общее дело, напр., делают вклад в церковь, устраивают попойку и т. п. Когда наличных сил артели оказывается недостаточно для разработки данного участка, она прибегает к найму поденщиков за обыкновенную плату от лица всей артели и оплачивает из общих средств [16]).

Артельная форма находила себе применение также среди грузчиков, возчиков, каменщиков и плотников, которые издавна привыкли вступать в об'единения, отправляясь на промысел.

Артели бендюжников или дрогалей сосредоточиваются в южно-русских портах—Одессе, Николаеве, Херсоне, Севастополе, Керчи, Бердичеве, Ейске, Мариуполе, Таганроге и Ростове на Дону со специальной целью перевозить хлеб из магазинов в магазины и на суда или обратно; но они занимаются также доставкой из судов в город каменного угля, железа, фруктов и пр., или перевозкой различных тяжестей и мебели по городу. Среди них существует две формы.

В первой—артельное начало выражается лишь по отношению к взаимной гарантии и отстаиванию друг друга при работе, когда в одном и том же месте работает значительное количество рабочего люда,—далее этого артели не идут, каждый член ведет самостоятельно свою жизнь, траты и расчеты; никаких соподчиненных отношений между ними не бывает, и только при уговорах с хозяевами артель выставляет из среды своей того или другого члена как бы в роли старосты.

Более чистую и совершенную форму представляют артели, в которых каждый член участвует непосредственно в снимаемых артелью работах и имеет одну или несколько лошадей и повозку. Живут эти артели вместе на одной квартире, харчуясь из общего котла; но даже в таких случаях почти всегда каждый член содержит свою лошадь на свой счет независимо. Ра-

[16]) Сборник материалов об артелях. Вып. 1 (1873 г.). Р. Попов, Горнозаводские артели „старателей".

боты производятся гуртом, сообща всей артелью, и в тех случаях, когда одному или нескольким членам приходится работать отдельно,—общий поденный заработок считается артельной выручкой, так что дележ заработков производится большей частью пропорционально количеству рабочих рук или повозок. Сообразно с этим и самые артели составляются так, чтобы было по возможности равное участие труда и капитала со стороны каждого члена. Для управления общим ходом дел артель выбирает старосту, который и ведет артельные расчеты с хозяевами, не получая впрочем никакого вознаграждения за это. Остальные члены—равноправные участники артели.

„Артели плотников и каменщиков — артели чисто великорусского типа, состоящие из совершенно самостоятельных и равноправных рабочих, равномерно распределяющих между собою как труд, так и заработок. Но в этом чистом виде они составляют только незначительное меньшинство. Рядом с ними существуют и другого рода формы, уклонившееся от своего чисто артельного характера и представляющие, так сказать, одну внешнюю оболочку без всякого внутреннего содержания. В таком виде эти формы служат только средством для наживы различного рода кулаков и рядчиков. ... Дело в том, что большинство описываемых артелей ютятся главным образом в городах, как, напр., в Одессе, Николаеве, Севастополе, Херсоне, Таганроге, Ростове на Дону, Екатеринославе, Керчи и пр., а городские работы отдаются большей частью с подряда". В Кубанской области встречаются подобные артели, существующие в течение только выполнения той или другой значительной работы, как постройки ветряной мельницы, церковной ограды, домов и пр., и состоящие из самых разнокалиберных элементов—казаков, солдат, великоруссов и малоруссов. Но они очень редки [17]).

С распространением каменно-угольной промышленности на юге-России артельные навыки стали находить себе применение и здесь.

По данным обследования, произведенного екатеринославским земством в 1886 г., артели на рудниках получили уже большое распространение. Так, в Бахмутском уезде на рудниках Шейермана, Нестеровой и Горнопромышленного общества работы производились ими преимущественно или даже исключительно. Артели составлялись отдельно для подземных и наружных работ в числе от 3 до 15 человек каждая. Работы артелями считаются более выгодными, так как они идут ровнее, да и наблюдение за ними легче, чем за одиночными „упряжными" рабочими. Но к важнейшим условиям, вследствие которых рудничные управления предпочитали иметь дело с артелями, относится несомненно тот пункт договора, на основании которого артель обязуется постоянно содержать такое число рабочих, какое нужно руднику; если у нее не хватает членов, то она должна нанять в недельный срок со стороны, в противном случае управление может нанять рабочих за счет артели. Все без исключения артельные рабочие на поверхности и под землею меняют по очереди свои занятия и заработок делят поровну, за исключением мальчиков—погонщиков лошадей, которые нанимаются артелью особо.

Точно также шахтовладельцы Славяносербского уезда, избегая местных рабочих, нанимали для постоянных работ артели из выходцев великорусских губерний. Артели эти нанимались с залогом в исправности работ и на условиях, весьма сходных с существовавшими на рудниках Нестеровой и Горнопромышленного общества, куда эти порядки были перенесены распорядителем последнего.

В некоторых районах трудовые артели приобретали уже характер производительных ассоциаций. Таковы шахты, разрабатываемые крестьянами на принадлежащих им землях. На земле, напр., села Железного, Бахмут-

[17]) Ф. Щербина, Очерки южно-русских артелей (1881 г.), 326—372 стр.

ского у., все крестьянские шахты—артельные, при чем в состав артели (10 человек) входят и богатые и бедные крестьяне, но инициатором дела всегда являются первые. Они вкладывают за бедных причитающуюся (равную) часть денег в общий капитал предприятия на покупку сруба для шахты, барабана, бадей, подпорок и т. п. и получают обратно эти деньги постепенно, по мере выручки за добытый и проданный каменный уголь. В виде процента бедные уплачивают за каждые 10 р. долга по одной четверти угля.

Разработка каменоломен в селе Луганском также производилась артельным способом; здесь их насчитывалось 47 с 207 членами. В течение года одни выбывали, другие вступали, но начатая яма обыкновенно заканчивалась артелью в ее первоначальном количественном составе. Всякий член артели обязан был иметь все необходимые инструменты кроме бабы и кайла, приобретаемых за счет артели; починка инструментов также производилась за общий счет. Заработок делился поровну между всеми рабочими. Сбыт продуктов производился самой артелью, хотя некоторые из них находились в зависимости от барышников [18]).

В Славяносербском уезде крестьяне также в виде общего правила организовывались для добывания угля в небольшие артели из 5—6, редко 7—8 человек, из молодежи,—старики почти не встречались. Всего крестьянских шахт насчитывалось 107 и артелей было также 107 с 541 членом. Наемных рабочих обычно не имелось; только у государственных крестьян на 65 артелей с 294 членами приходилось 27 наемных рабочих. „Когда намереваются производить добычу угля, то предварительно сговариваются об основаниях своей внутренней организации... и просят разрешения у общества на розыски при условии закладки новой шахты... Открыв уголь, артель закладывает шахту, которая считается ее полной собственностью, в особенности в тех случаях, если это происходит на собственной надельной земле государственных крестьян. При этом нужно заметить, что все участники в первоначальной закладке шахты считаются с равными правами на часть добываемого продукта. По числу их определяется число равных паев в шахте. Каждому пайщику однако предоставляется право разбивать свой пай на части и продать или передать другому одну из них на известных условиях".

Но и в предприятиях, организованных на капиталистических началах, артельная форма труда применялась в Славяносербском уезде очень часто. Так, непосредственно конторами было нанято по одиночке всего лишь 271 человек, через подрядчиков—262 отдельных рабочих и 15 артелей с 237 челов.; наконец, самостоятельных артелей было нанято 31 с 798 рабочими.

Как мы видим, в рассматриваемое время трудовые артели были даже господствующей формой найма рабочих рук. Организация их происходила таким образом.

Некоторые из углекопов, толкаясь долго по рудникам, облюбовывают какой-либо из них, где и поселяются на более или менее продолжительное время, в иных случаях с семьями. Зная хорошо этих рабочих, знакомых с положением рудников и работами в недрах, контора, когда предполагается работа или открытие новой шахты, обращается к ним, чтобы они составили артель. Рабочий начинает списываться с родными и односельцами, которые набирают нужных рабочих в соседних селах. Если же таким путем ему не удается сделать набор, то остальные набираются из посторонних, приходящих на заработки из разных мест, или же из местных крестьян. Послед-

[18]) Сборник статистических сведений по Екатеринославской губ. Том II (1886 г.), стр. 308, 367.

ним во многих случаях конторы сами указывают, к кому они должны записаться в артель. Другие же артели являются перед конторой в готовом виде, уже сорганизованными. Они еще у себя на селе собираются партиями итти на заработки. Инициаторами в таких случаях являются горнорабочие, прежде работавшие на рудниках. Они выбираются распорядителями и представителями в артели, чтобы являться в конторы с предложением рабочих рук и для заключения условий" [19]).

Новое явление представляют собою трудовые артели на горных заводах Урала. На Кушвинском, напр., заводе они существовали в кричном, листокатальном и ударно-трубочном цехах. Артели эти ежегодно заключали условия, которыми определялись существенные отношения как членов артели между собой, так и самой артели к заводоуправлению. За исполненные работы они получают задельную плату через особого доверенного, приобретая все необходимые припасы от заводоуправления по условленным ценам. Заработок между членами делился сообразно с количеством труда и его свойством. На Кушвинском заводе артели производили доменные и литейные работы [20]).

Существование подобных же артелей было отмечено и на других горных заводах Урала.

К началу же 70-х годов относится возникновение трудовых об'единений в целом ряде других профессий: появляются артели посыльных, носильщиков при железных дорогах, грузчиков, парильщиков, точильщиков, маляров, мостовых рабочих и т. д.

---

[19]) Сборник статист. сведений по Екатерин. губ. (1886 г.). Вып. III, стр. 278.
[20]) Сборник пермского земства, 1874 г. № 1—4.

Вот образец договора, заключавшегося сторонами ежегодно.

1) „Артель обязуется содержать полный состав людей, необходимых для управления доменными печами; 2) содержать сторожей для охраны зданий и машин; 3) припасы получать из заводских запасов по условленной цене; 4) содержание всех машин и поправку их, равно и других заводских сооружений (железных дорог, воротов и др.) принимает на свой счет, кроме капитальных исправлений; 5) инструменты, существующие в наличности, артель получает от завода, в случае же недостатка покупает на свой счет; 6) артель получает по истечении каждого месяца плату: за чугун свиночный и употребляемый на отливку по 25,8 коп. сер. и за бороздник 21,6 к. сер.; 7) артель обязуется вести счета и расчеты по шнуровым книгам, которые должны быть всегда открыты для заводоуправления. Из заработка артели поверенный ее на основании рабочего журнала удовлетворяет рабочих платой в установленном размере, а остальные хранятся, как запасный капитал, который делится по окончании всех расчетов пропорционально назначенным платам за вычетом 2% в кассу горнозаводского товарищества; 8) артель обязуется выплавлять чугун под руководством управления завода и вообще исполнять все его требования; 9) мастер обязывается наблюдать, чтобы все работы производились своевременно и надлежащим образом; каждый рабочий исправным выполнением своих обязанностей должен в этом помогать мастеру; 10) каждый рабочий, член артели, обязывается служить делу честно и добропорядочно, быть почтительным, вести себя добропорядочно, совестливо исполнять и в свое время оканчивать работу и вообще всеми средствами содействовать пользам завода; в случае каких-нибудь несправедливых и незаконных требований со стороны служащих по заводу обязывается сообщать, через доверенного мастера или лично, для должного разбирательства управителю завода; 11) за каждый день неявки на работу рабочий подвергается взысканию 2 суточного жалования; в случае повторной же неявки до 3 раз в месяц виновный может быть исключен из артели; кто явится на работу в нетрезвом виде, тот подвергается тем же взысканиям; вообще за всякое небрежное исполнение своих обязанностей, смотря по важности проступка, виновный подвергается взысканию от 1 до 7 суточного содержания; 12) за неправильное расходование руды, флюсов, угля полагается исключение виновного из артели и штраф артели от 3 до 10 руб., за неправильную сдачу чугуна—исключение виновного из артели и штраф артели от 5 до 20 р., за отливку вещей для себя и для продажи—исключение виновного из артели и штраф артели от 5 до 25 р.; 13) взыскание штрафов производится по усмотрению управителя или он, по своему усмотрению, передает дело на решение приказа горнозаводского т-ва; 14) исключение из артели может быть производимо по приговору 2/3 членов или по предложению управителя, с утверждения горного начальника; 15) все затруднения, не определенные настоящим условием, вырешаются горным начальником, решения которого считаются окончательными".

Более сложный и трудный тип представляют собою производительные артели, берущие на себя функции организации производства и связи его с рынком, т. е. закупку сырья и сбыт продуктов. При крепостном режиме этот тип был по вполне понятным причинам совсем неизвестен.

Совершенно исключительный случай представляет поссессионная Красносельская бумажная фабрика близ Петербурга, которая в течение долгого времени находилась в управлении самих рабочих. Именно, рабочие этой фабрики заключили в 1803 г. с владельцем ее Хлебниковым следующий договор, утвержденный в уездном суде. Они получают в свою пользу $^1/_6$ часть цены всей продаваемой бумаги, которая должна определяться каждый год представителями хозяина и мастеровых. Сверх того, им предоставляются от хозяина даром дрова. Необходимый ремонт фабричных зданий и машин обязывались производить за свой счет мастеровые, кроме „знатных в машинах перемен". На владельца возлагалась обязанность поставлять тряпье, в случае неисполнения которой рабочие получали от него определенную плату за каждый прогульный день; рабочие же обязывались выделывать из доставляемого тряпья не менее определенного количества бумаги хорошего качества, в противном случае она могла не приниматься конторой. Мастеровые обязаны были подчиняться уполномоченному фабриканта, но всем ходом работ на фабрике заведывал мастер, выбранный самими рабочими, которых насчитывалось 181 душа муж. пола. Распределение суммы, причитающейся рабочим, производилось их выборными, продолжительность же рабочего дня определялась всем обществом.

Это было в сущности, не что иное, как осуществление на практике той идеи копартнершина, т. е. участия рабочих в управлении и прибылях, которая много лет спустя привлекла к себе внимание на Западе в кругах, интересующихся социальным вопросом.

От Хлебникова фабрика перешла затем к помещице Полторацкой, при которой начинаются непрерывные жалобы содержательницы фабрики на рабочих, и обратно. Полторацкая жаловалась, „что мастеровые отпали от всякого повиновения, составили между собою общество, которое ими управляет, отклоняя всякое от себя начальство и никому не отдавая отчета как в прогулах, так и в хорошей отделке бумаги; в сутки более они не работают 4-х часов, имеют, кроме табельных, множество праздников и предаются пьянству. А рабочие жаловались на то, что Полторацкая не допускает к исправлению своих обязанностей выбранных рабочими мастеров и пр.

Министерство внутр. дел командировало для осмотра фабрики чиновника. Он обнаружил ряд „неправильностей", из которых наиболее значительные сводились к тому, что рабочий день по показаниям самих рабочих ен превышал 10 часов, женщины на фабрике совсем не работали, из мальчиков иные и до 15 лет также не ходили на работу.

В 1813 г. сенатом было утверждено новое положение, которое в общем сохраняло прежний договор в силе, но вносило в него некоторые изменения: мастер и подмастерье должны выбираться уже не рабочими, а назначаться содержательницей; работа продолжается не менее 12 часов в сутки; дети должны работать на фабрике с 12 лет.

Тогда рабочие подали в 1814 и 1816 г.г. жалобу государю, указывая на несправедливые вычеты из их заработной платы и прося о принятии фабрики в казну и выдаче им в ссуду 100.000 руб. с тем, чтобы они сами авзедывали фабрикой на условиях платежа казне по 15 коп. с каждой выработанной стопы бумаги [21]).

Жалоба на несправедливые вычеты была признана основательной, просьба же о передаче фабрики в пользование рабочим на артельных нача-

[21]) Туган-Барановский, Русская фабрика (1898 г.), стр. 137.

лах осталась неудовлетворенной. В этом нет ничего, конечно, удивительного, но самый факт возбуждения рабочими подобного ходатайства очень знаменателен: ибо в нем содержится та самая идея о социальных мастерских или рабочих производительных товариществах с помощью государственного кредита, которая прославила имя Луи-Блана, когда он двадцать пять лет спустя развил ее в своей брошюре об организации труда...

Только с падением крепостного права проявления самодеятельности рабочих в этом направлении стали принимать более широкий характер.

Первым опытом устройства заводских артелей на Урале является, повидимому, Нижнетуринская механическая артель. Мастеровые, занимавшиеся сдельно изготовлением ударных трубок для артиллерийского ведомства, пришли в 1867 г. к мысли взять всю эту операцию на себя артелью. Начальник Гороблагодатских заводов Грамматчиков согласился в виде опыта предоставить им заказ на изготовление 33.000 трубок под условием приглашения особого руководителя. Первый подряд был выполнен вполне успешно, при чем трубки, стоившие раньше казне от 50 до 70 коп., обошлись в 44 3/8 к. Под влиянием успеха число членов артели увеличилось с 60 до 150 человек, и на 1868 г. они получили новый заказ на 180.000 трубок с понижением цены на 4 коп. Членами артели были сделаны многие усовершенствования и ручные работы стали заменяться машинными. Заказ 1869 г. составили 147,000, 1870 г.—216,000, 1871 г,—180,000 и 1872 г.—270.000 трубок по цене 38—37 коп. Кроме 153 членов работало в артели еще около 10 наемных рабочих. Заработной платы приходилось на члена в среднем 259 р., не считая дивиденда. Средствами артели было устроено 20 самоточных и токарных станков, перенесена вся фабрика из Николаевского в Нижнетуринский завод и от времени до времени исполнялись, хотя и в незначительном количестве, частные заказы. Но работы на всех не хватало в течение года, а большие частные заказы брать не разрешалось, и многим членам пришлось обратиться к земляным работам на приисках. Казенные заказы были переданы затем в Петербург и это обстоятельство, вместе с отказом в утверждении устава, привели к закрытию артели [22]).

В 1870 г. главный начальник Уральских заводов Грамматчиков предложил рабочим Екатеринбургского механического завода взять на себя окончание работ по производству лафет. Рабочие образовали артель под названием „Братство“ из 87 человек. Артель должна была брать дрова и уголь из запасов монетного двора по заготовительной цене, материал же для производства и припасы иметь свои; кроме казенных заказов артель могла работать и по частным заказам, с платой в казну за пользование машинами 6% с суммы заказа.

В 1870 г. тверское губернское земство учредило ссудную кассу „для содействия развитию народного хозяйства и промышленности на артельном начале“, при содействии которой организованы были сыроваренные, кузнечные (гвоздарные), сапожные, льняные и смолокуренные артели. Подобные же попытки были произведены ветлужским и олонецким земством. В тверской губернии к 1875 г. одних смолокуренных рабочих артелей насчитывалось уже до двадцати, которые об'единяли 200 человек. Но затем движение пошло под гору; земство в виду задолженности артелей прекратило выдачу ссуд и артели постепенно стали распадаться.

Новый период оживления начинается с 90-х годов. Центром его является Пермская губерния, где земством был основан особый банк для

[22]) Сборник материалов об артелях в России. Вып. I. (1873 г.).

выдачи ссуд кооперативным начинаниям. Но это отразилось почти исключительно на росте артелей кустарного типа. В области же рабочих артелей оживление стало обнаруживаться лишь после 1905 г. Началось оно с Петербурга.

Большинство обследованных артелей возникло здесь в период 1906—1908 г.г. В их организации принимали участие безработные фабричные рабочие, приобщенные уже к стачечному и профессиональному движению. Основывая артели, эта безработная масса имела в виду с одной стороны получить надежный и прочный заработок, и с другой—направить прибыль предпринимателя в руки самих трудяшихся [23]).

Ряд попыток был сделан также на Урале. Наиболее значительной из них является организация Нижне-Исетской артели.

Эта артель возникла на месте такового же казенного железоделательного завода, который в виду его убыточности решено было в 1905 г. закрыть. Интересно отметить, что на этом заводе еще в 1891 г. был сделан опыт артельного ведения дела, который не дал положительных результатов. Поэтому министерство торговли высказалось первоначально против отдачи завода в руки рабочих, но в конце концов вопрос разрешился благополучно.

По уставу назначение артели заключалось в производстве личным трудом и сбыте сортового железа, чугунного литья, земледельческих машин и орудий, разных кузнечных поковок и экипажно-мебельно-столярных изделий. Стоимость всего заводского имущества, зданий и оборудования, переданных артели, определялась в сумме свыше 210.000 руб. Артель открыла свои действия в начал 1907 г. в составе около 200 членов [24]). Прежде всего было открыто пудлингово-сварочное отделение по выделке сортового железа, затем механический, кузнечный, кирпичный, литейный и столярный цехи.

Почти одновременно организовалась рабочая артель на месте закрывшегося казенного Дедюхинского солеваренного завода. По заключенному (1908 г.) договору с казною Дедюхинская артель получила в арендное содержание на 25 лет участок земли в количестве 25 десятин с возведенными на ней зданиями, оцененными в 15.000 р. Первоначально в состав артели вошло 100 человек, но к 1 января 1910 г. это число увеличилось до 155 ч. На участке имелось четыре варницы, несколько рассоло-извлекательных труб, амбары и паровой двигатель. Но, как и в случае Нижне-Исетской артели, завод был сдан в жалком, полуразрушенном виде, так что оказался необходимым крупный ремонт. После энергичных строительных работ летом 1909 г. была пущена в ход первая варница, затем вторая и третья, и в течение первого же года своей деятельности артельный завод выпустил около полумиллиона пудов соли высокого качества.

Выше мы уже упоминали о так назыв. старательных артелях, которые начали возникать на Урале в 60-х—70-х годах. Впоследствии здесь стали появляться артели и более сложного типа. Так, напр., в 1910 г. по инициативе б. управляющего южно-заозерной дачи в местности близь Денежкина Камня на Северном Урале была организована из старателей артель в составе 50 человек с уставом вместо договора. Выгоды организации и известной дисциплины сказались в повышении заработка, и скоро количество членов в артели достигло уже сотни [25]).

---

[23]) Б. Адрианов, Что представляют собою наши производительные артели. „Вестник Кооперации", 1909 г., № 3.

[24]) Ср. К закрытию Нижнеисетского завода („Архив истории труда в России", книга 5-ая, ч. II, стр. 11—14).

[25]) А. Мерчеулов, Пермские производительные артели. „Вестник Кооперации", 1911 г., № 3.

В 1915 г. на Архангело-Патийском заводе образовалась артель углекопов. В состав ее к началу января входило более 80 членов, но фактически разработка шахты началась с середины лета. Согласно договору, все члены артели отвечают друг за друга круговою порукой и обязаны принимать личное участие в работах на условиях, какие будут установлены артелью, ежедневно по восьми-часовой трехсменной очереди, исключая праздники—по усмотрению артели. Доходы распределяются между членами по количеству отработанных поденщин и выдача производится два раза в месяц. Если кто либо из членов пожелает добровольно выйти из артели, то обязан предупредить ее об этом за две недели. В случае допущения членами поступков, противных интересам артели, такой член может быть исключен из ее состава постановлением большинства. Однако, выбывший из артели член остается ответственным по ее делам в течение трех месяцев со дня выхода. Управление делами находится в руках комиссии, состоящей из членов-учредителей (13 человек); член распорядитель и заместитель изрбаны были всей артелью из числа учредителей. Средний заработок за 8 часовую смену достиг 2 р. 20 к. для забойщиков, которые составляли главную массу работающих; этот заработок нужно считать очень хорошим, ибо заводоуправление своим рабочим платило по 80 к. в сутки; два плотника получали по 2 р., два кузнеца по 1 р. 50 к. в сутки и два сторожа—по 20 руб. в месяц. В летнюю пору на этом же заводе работала за последние годы артель старателей-рудокопов в составе 13 членов, добывавших при содействии наемных рабочих до 300,000—500,000 пудов хромистого железняка за лето [26]).

Трудовые артели сохранились также на горных промыслах юга России. Так, о них упоминается при описании рудника Новороссийского общества [27]), относящемся к началу текущего столетия. Артель дробится на три партии: одна приготовляет шнуры, другая разбивает породу, грузит ее в вагонетки и подает к наклонной плоскости и, наконец, третья работает наверху на откатке. Такое разделение труда не остается постоянным; наоборот, время от времени одна часть заменяет другую. Иногда откатчики образуют самостоятельную артель. Артель составляется, особенно в начале, из людей, знающих друг друга. Она старается сама замещать выбывающих, но не без санкции ближайших заведывающих работами (штейгеров, десятников). Расчет заработка производится по числу поданных вагонеток—будет ли то руда или кварцит. Для уравнения заработка производится перестановка артели, при чем иногда дело не обходится без мздоимства со стороны старших десятников. Грузчики составляют особую артель и получают плату по числу груженых ими вагонов.

В 1915 г. министерством торговли и промышленности был издан „Справочник об артелях трудовых", содержащий в себе, между прочим, перечень существующих организаций с извлечениями из уставов. Всего в этом перечне значится 507 артелей; но из них некоторые попали случайно или по недоразумению, как, напр., артели подрядчиков, управляющих домами, жилищные, коммерческие или биржевые и т. п. Всего таких сомнительных организаций можно насчитать 21; остается, следовательно, 486. Присматриваясь к этим последним ближе, можно выделить среди них три группы артелей: кустарные (51), трудовые (212) и производительные (223).

Среди трудовых артелей первое место по численности занимают артели грузчиков и крючников—53; затем идут: посыльные и носильщики—

---

[26]) С. Груздев, Рабочая трудовая артель углекопов Урала. „Вестник Кооперации", 1916 г., № 4.

[27]) В. Мехмандаров. Заболеваемость рабочих на юге России. „Вестник фабричного законодательства". 1905 г., № 2.

31, строительные рабочие—25, маляры и живописцы—24, ночные сторожа и караульные—15, чертежники, техники, землемеры и т. п.—13, монтеры и водопроводчики—8, газетчики и продавцы произведений печати—7, театральные капельдинеры—6, бухгалтера и конторщики—6, парикмахеры—4, комиссионные и по поставке служащих—3, дворники и проч. домовая прислуга—3, по убою скота—3, полотеры—3, печники—2 и, наконец, по одной артели среди баньщиков. водолазов, якорщиков, музыкантов, стенографов и интеллигентных тружеников.

Из производительных товариществ наиболее многочисленными являются артели лиц, занятых в транспортной промышленности—29, по обработке металлов и изготовлению различного рода орудий и машин—29, официантов, поваров и кондитеров—29, по изготовлению предметов одежды—28, обработке дерева—27, ювелирные—19, сапожные—15, переплетные и типографские—8, кожевенные и скорняжные—8, кирпичные—4, мраморные—4, ткацкие—3, прочие—20.

Что касается кустарных артелей, то среди них наиболее часто встречаются сапожные артели—19, а также кузнечно-слесарные и по изготовлению различного рода орудий—9; затем идут столярные—6, ткацкие и кружевные—3, рогожные—3, портняжьи—2 и прочие—3.

По времени утверждения устава означенные артели распределяются следующим образом:

1880 г.	2	1892 г.	2	1904 г.	7
1881 „	—	1893 „	2	1905 „	11
1882 „	1	1894 „	—	1906 „	17
1883 „	—	1895 „	2	1907 „	22
1884 „	—	1896 „	1	1908 „	50
1885 „	1	1897 „	1	1909 „	70
1886 „	1	1898 „	5	1910 „	79
1887 „	1	1899 „	4	1911 „	45
1888 „	—	1900 „	9	1912 „	44
1889 „	1	1901 „	3	1913 „	36
1890 „	3	1902 „	5	1914 „	18
1891 „	3	1903 „	7	Время утверждения неизвестно	33
				Итого	486

Наиболее старыми по этому списку являются трудовые артели посыльных и продавцов произведений печати, с одной стороны, и кустарные—по изготовлению земледельческих орудий—с другой.

Первоначально война отразилась неблагоприятно на положении артельного движения. Под влиянием призыва на военную службу, сокращения спроса и т. п. в 1914 г. прервали свою деятельность 64 и в 1915 г.—35 артелей. Но в дальнейшем место распавшихся артелей было занято новыми, возникшими в связи с заказами военного ведомства. К этому же времени относится начало союзного строительства—в 1914 г. возникает Московский Артельсоюз, об'единяющий 13 артелей, а в 1915 г.—Боровичско-Валдайский союз, в который вошло 28 артелей.

Революция дала сильный толчек развитию промысловой кооперации, и к 1 января 1919 г. насчитывалось уже 17 союзов с 780 артелями.

Последующее развитие промысловой кооперации представляется в следующем виде:

Название промыслов.	Число артелей. 1 янв. 1920 г.	1 янв. 1921 г.	1 янв. 1922 г.	1 янв. 1923 г.
Обработка дерева . . .	595	1,466	3,864	5,012
„ животн. вещ.	292	771	2,343	3,501
„ волокнист. „	407	933	2,079	2,825
„ минералов . .	66	289	730	1,075
„ металлов . .	151	401	1,187	1.740
Смешанного произв. . .	44	84	1.752	175
Прочие	167	343		3,784
Итого	1,722	4,257	11,955	18,112

Значительное количество этих артелей об'единено было в союзы, которых к 1 янв. 1922 г. насчитывалось 254 с 5.153 примыкающими к ним артелями и 622.612 членами. К 1 января 1923 г. число союзов увеличилось до 349, из коих 121 смешанных, т. е. имевших своими членами также сельскохозяйственные товарищества, 161 чисто промысловых и 40 лесных [28]).

Как видно из вышеприведенной таблицы, производительно-трудовая кооперация сделала за время революции огромные завоевания и насчитывает в настоящее время (1923 г.) уже около двадцати тысяч артелей в разных отраслях приложения народного труда. Эти успехи однако достигнуты в виду особо благоприятных условий данного периода—поддержки со стороны государства путем предоставления заказов и кредита, с одной стороны, и стеснения конкуренции частно-капиталистических предприятий—с другой,—стеснения, которое доходило порою до полного запрещения самого существования последних. Поэтому в настоящий момент трудно еще сказать, насколько эти завоевания прочны. Но тот факт, что провозглашение весною 1921 г. нового курса экономической политики, легализировавшего проявление частно-предпринимательской инициативы, не приостановило роста артельного движения и последнее продолжает энергично расширяться, составляет во всяком случае благоприятный симптом.

К сожалению, в таблице не выделены те типы организации, которые нас здесь прежде всего интересуют, т. е. производительные и трудовые артели. Трудовые артели значатся в рубрике „прочих", которых к 1 января 1923 г. насчитывалось 3.784. Производительные же помещены с кустарными артелями. Последние несомненно составляют преобладающее большинство, но все же и рабочие производительные товарищества значительно выросли в количественном отношении.

Увеличился также размах деятельности у многих из них: если раньше рабочие артели ограничивались областью мелкого производства, то теперь

[28]) „Вестник кустарной промышленности", N. 1—2 за 1922 г. и „Вестник промысловой кооперации", № 1 за 1923 г.

уже нередко среди них попадаются такие, которые имеют размер среднего или даже крупного предприятия. Так, напр., в настоящее время Московским союзом производительных артелей арендован у Совета народного хозяйства целый ряд фабрик и заводов, переданных в руки рабочих артелей: механический проволочно-гвоздильный завод с 55 рабочими, фабрика металлических изделий с 115, гребенная фабрика с 120, текстильно-галантерейная с 150, парфюмерная (бывш. Остроумова) с 160 рабочими и т. д.

Знаменитая Павловская артель, основанная в 1890 г. в составе 13 членов, теперь из скромной кустарной организации превратилась уже в настоящее фабричное предприятие с рядом корпусов, двигателями и разного рода машинами и станками, где занято 324 человека.

К. Пажитнов.

Из жизни рабочих и служащих на петроградских водопроводах.

История городских водопроводов. — Заработная плата. — Рабочий день. Помещения для рабочих, обмундирование, пенсии и пособия. — Рабочее движение.

Материалом для настоящего очерка послужили печатные и архивные источники. Прежде всего—„Известия Спб. Городской Думы" и ежегодные отчеты городских водопроводов (с 1891 по 1916 г.г. включительно). Сверх того мы пользовались архивом городских водопроводов [1]), который сохранился в образцовом порядке. Архив же в башне главной водопроводной стан-

---

[1]) Автор выражает глубокую благодарность за содействие: заведывающему гор. водопроводами *И. Е. Курочкину*, его заместителю *И. Д. Балишину* и зав. архивом *В. В. Миролюбову*.

В архиве хранятся следующие дела (308 дел) по вопросам труда:

№ 1 „По разной переписке" за 1891—1923 г.г. (33 дела); № 7 „По донесениям. и представлениям служащих и распоряжениям Управления„ за 1899—1923 г.г. (25 дел): № 31 „О переписке и циркулярах гор. управы, комгорхоза, откомхоза" за 1913—1923 г.г. (11 дел); № 49 „О циркулярах городской управы" за 1901—5, 1906—8 и 1910—11 г.г. (3 дела); № 34 „Руководящие правила гор. водопроводов" за 1916 г. (1 дело); № 14 „По распоряжениям г-на председателя комиссии" за 1901—7 г.г. (1 дело); № 5 „О переписке с юрисконсультом о разных претензиях к управлению городских водопроводов" за 1892—1902 и 1902—10 г.г. (2 дела);

№ 44 „По вопросу об улучшении быта рабочих и служащих" за 1912—17, 1917—18 и 1917—21 (3 дела); № 9 „О низших служащих" за 1899—1923 г.г., в некоторые годы по несколько частей: о кандидатах на службу, об отпусках, о пособиях, о судебных взысканиях, о ссудах, об отпуске дров и т. д. (102 дела); № 36 „О новых штатах" за 1911 и 1911—22 гг. (2 дела); № 34 „По заявлению г.г. Цваль на служащих" за 1913—14 г.г. (1 дело); № 13 „О служащих"—о приеме на службу, о перемещениях и увольнениях, о ссудах и пособиях за 1891—93, 1891—98, 1903—5, 1906—7, 1905—10, 1908—10, 1908—16, 1911—17, 1911—18 и 1911—19 г.г. (10 дел); № 41 „О лицах, получивших отсрочки", „О лицах, призванных на военную службу", „О заместителях призванных на войну" за 1917 и 1918—21 г.г. с приложениями (4 дела); № 38 „Соединенная комиссия администрации и рабочих" за 1906—7 г.г. (1 дело); № 38 „О штатах служащих" за 1905 г. (1 дело); № 30 „О рабочем вопросе и штатах низших служащих и рабочих" за 1903, 1905—7, 1906—7 и 1918 г.г. (4 дела); № 14 „О штатах" за 1923 г. (1 дело); № 36 „О командировании служащих для выдачи казенного пайка" за 1915 г. (1 дело); № 40 „О юбилеях служащих" за 1902 г. (1 дело); №№ 18 и 19 „Переписка местного комитета" служащих Управления за 1920 и 1921 г.г. (3 дела); № 36 „Журналы совещаний местных и центрального комитетов" за 1919 г. (1 дело); № 40 „По вопросу о расширении прав низших служащих" (1 дело); № 32 „О кандидатах по приему на службу" за 1903—1921 г.г., за 1909 г. в двух частях (20 дел); № 15 „О принятии на службу, увольнениях и перемещениях" за 1921—23 г.г. (3 дела); № 17 „О командировках" за 1921—23 г.г. (3 дела); № 30 „О переписке расценочно-конфликтной комиссии" за 1923 г. (1 дело); № 35 „О приобретении займа Свободы для служащих и рабочих" за 1917 г. (1 дело);

№№ 35 и 46 „О страховании рабочих" за 1901, 1905—13 и 1914—18 г.г. (3 дела); №№ 13 и 15 „Об увечии рабочих" за 1896—1919 г.г. по несколько годов в одном деле, а также именные дела об увечии рабочих (16 дел); № 52 „Об организации при Главной станции чтений для машинной и котельной прислуги и слесарей" за 1901 г. (1 дело); № 37 „О наградах и пособиях низшим служащим" за 1901—12 и 1912—18 г.г. (2 дела); № 41 „О вы-

ции недостаточно сохранился и остатки его лежат в беспорядочном состоянии. Материал о водопроводном предприятии, технического и счетного характера, можно найти в центральном архиве Петр. губ. отдела коммунального хозяйства и в архиве б. министерства внутренних дел.

История городских водопроводов [2]).

10 (23) октября 1858 г. был утвержден устав акционерного „Общества С.-Петербургских водопроводов". Общество было учреждено, „для доставления жителям Петербурга средства пользоваться во всякое время года свежею и чистою водою посредством особого гидротехнического устройства". Первое общество водопроводов организовалось для водоснабжения девяти незаречных частей города. Сбор за воду был определен от 8 до 12 коп. за каждые 100 ведер воды; кроме того Общество обязалось построить для бесплатного пользования водою 10 водоемов для разбора воды в ручную и в бочки.

Но уже задолго до открытия водопровода обнаружилось, что разработанный Обществом проект не получит полного осуществления, напр., пришлось отказаться от устройства фильтров, так как в первую же зиму построенные на берегу Невы открытые фильтры промерзли. Капитал, собранный правлением Общества, оказался недостаточным; в 1859 г. были выпущены новые акции и в 1863 г. Общество заключило договор с одним крупным капиталистом, поместившим в новое предприятие большие средства.

В 1863 году была закончена водопроводная башня, поставлены 4 машины и проложена сеть труб в 62 версты. Действие водопровода открылось 30 ноября (12 декабря) 1863 г.

работке правил на выдачу пособий служащим и постоянным рабочим, и служителям" за 1908 г. (1 дело); № 39 „О новой пенсионной кассе для служащих и рабочих" за 1909—21 г.г. (1 дело); № 27 „Об учреждении кассы взаимопомощи рабочих" за 1901 г. (1 дело); № 6 „О пенсиях служащим" за 1892– 1908 г.г. (1 дело); № 28 „О назначении пенсии низшим служащим" за 1904 г. (1 дело); № 10 (за 1900 г.—№ 24) „О найме и содержании в чистоте квартир, нанимаемых для Управления и рабочих" за 1900—23 г.г. (23 дела); № 27 „О постройке нового дома для рабочих" за 1903 г. (1 дело); № 39 „О заказе одежды и обуви для служащих и рабочих" за 1910 –17 и 1917 –19 г.г. (2 дела); и № 13 „за 1920 г. (1 дело); № 46 „О вознаграждении за 25-летнюю службу служащих и рабочих" за 1904 –8 г.г. (1 дело); № 38 „О правилах для приема на службу" за 1908 г. (1 дело); № 33 „О штрафном капитале для рабочих" за 1903 г. (1 дело); № 36 „О пенциях" за 1905 г. (1 дело); № 41 „О занятиях во внеурочное время" за 1911—16 г.г. (1 дело); № 44 „Об установлении табеля праздничных дней для рабочих" за 1911 г. (1 дело); № 30 „Амбулатория Главной и заречных станций" за 1918 г. (1 дело); № 38 „О врачебной помощи рабочим и служащим" за 1923 г. (1 дело); № 16 „Об отпусках" за 1921 г. и № 26—за 1923 г. (2 дела); № 25 „О персональных ставках" за 1921 г. (1 дело); № 33 „О коллективном снабжении" за 1921 г. (1 дело); № 18 „О продовольствии" за 1923 г. (1 дело); № 37 „О кочегарах" за 1923 г. (1 дело).

Кроме того в архиве хранятся личные дела служащих управления.

[2]) „Краткий исторический очерк. Городские водопроводы в С.-Петербурге", 1901 г.; Краткий очерк к „50-летию водопроводов" (в отчете городских водопроводов за 1913 г., стр. 61 65); ежегодные отчеты гор. водопроводов и „Известия Спб. гор. думы". „Устав общества спб. водопроводов", 1886 г.; „Договор заключенный 7 дек. 1877 г. обществом спб. водопроводов с спб. гор. управой", 1885 г.; „О положении дела водоснабжения в столице", 1917 г.; „Второй отчет Совету труда и обороны", 1922 г., стр. 269—270; „Статистический справочник по Петрограду", 1919 г., стр. 40—42; „статья *В. Яковлева* „Водоснабжение Петрограда, его недостатки и меры к их исправлению" в журнале „Коммунальное хозяйство и строительство" за 1921 г., № 1; „Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии", 1922 г., стр. 218—221; „Петр. губ. отдел коммун. хозяйства в 1922 г." (отчетные данные). 1923 г., стр. 196 –217 и 391—397.

В 1870 году было устроено второе машинное здание с подачей до 2 милл. ведер в сутки. В 1876—77 г.г. водопровод был расширен до производительности 4,2 милл. ведер воды в сутки.

В 1873 г. городская управа заключила контракт с „Обществом новых водопроводов" на устройство водопроводов в заречных частях города (Васильевский остров, Петроградская и Выборгская стороны); длина сети в этих частях определена в 36 верст.

По произведенным исследованиям невской воды оказалось, что она посередине реки лучше, чем у берега, в виду чего возник вопрос о продлении водоприемных труб до середины реки. Вопрос этот разрешился в 1886 г. судебным процессом с первым Обществом, которое обязалось произвести эти работы, а также построить фильтры. Эти работы были закончены в 1888—89 г.г.

С 1 января 1891 г. водопроводы первого Общества перешли к городу, а в 1893 г. к городу перешло также предприятие „Общества новых водопроводов".

В 1896 г. была построена новая группа фильтров. В 1903 г. приступили к установке водомеров. В 1911 г. начала работать фильтро-озонная станция на Петроградской стороне. С 1915 г. вода, подаваемая в сеть с Главной станции, подвергается хлорированию.

Петроград снабжается водою из Невы [3]), забираемой посредством двух водопроводных станций: Главной (снабжает водою незаречные части города с их пригородами, Васильевский остров и часть Выборгской стороны) и Петроградской (снабжает водою Петроградскую сторону, часть Выборгской стороны, Новую Деревню и часть Крестовского острова). Кроме того, имеются две подсобных перекачивательных станций—Южная (получает воду с Главной станции и служит для усиления напора в местности за Обводным каналом) и Выборгская (получает воду с Петроградской станции и служит для усиления напора воды в районах Лесного корпуса и Удельной. В Старой Деревне имеется водоочистная станция, находящаяся в ведении Петроградской станции. Существовавшие раньше две самостоятельных станции—Василеоостровская и Выборгская в настоящее время закрыты [4]).

Мощность всех водопроводных станций—свыше 11.000 индикаторных сил. Длина водопроводной сети—около 700 верст. На сети имеется 10.900 водоснабжений, из них до 75% водомерных; в прочих расход воды определяется по среднему расчету. На сети установлено кранов: створных—3698 и пожарных—4479. Кроме того в разных частях города находится 20 водоемов.

Работа городских водопроводов иллюстрируется нижеследующими цифрами: в 1913 г. было подано воды—8,8 миллиардов ведер, 1921 г.—6,8 миллиардов ведер, из них учтено водомерами: в 1913 г.—82,1% всей поданной воды, в 1921г.—66,4% (т. к. большое число водомеров было испорчено или находилось в подвалах, залитых водою; кроме того много неучтенной воды утекло из-за порчи магистрали). Средний суточный расход воды на 1 жителя был в 1913 г.—11,5 ведер, в 1921 г.—28,3 ведер (так как вследствие

---

[3]) Петроград пользуется водою из открытого водоема, забирая воду почти в средине города. уже после того, как в реку поступило весьма значительное количество всякого рода загрязнений, весьма опасных в санитарном отношении. Отсюда—высокая смертность от брюшного тифа, частые холерные эпидемии и т. д. В силу этих обстоятельств, уже задолго до войны, был разработан проект снабжения Петрограда водою из Ладожского озера. Но осуществлению этого проекта помешали военные и революционные события.

[4]) В 1905 г. положены были два 24-дюймовых железных перехода через Неву у здания бывш. Сената для подачи воды из Главной станции на Васильевский Остров и в 1915 г. положен 30-дюймовый переход от Главной станции на Выборгскую сторону для снабжения водою Полюстровской части.

неисправности водопроводов утечка воды значительно увеличилась; кроме того, непроизводительный расход воды увеличился благодаря тому, что вода отпускалась бесплатно). Высота напора (в метрах) была в 1913 г.—38, в 1921 г.—27 (вода не подавалась в верхние этажи).

За 1922 г. состояние городских водопроводов несколько улучшилось: подано воды 7,8 миллиардов ведер, учтено водомерами—5,1 миллиардов ведер; средний суточный расход воды на 1 жителя (исходя из 1 милл. жителей)—21,4 ведра. Высота напора воды: на Главной станции—27,5, на Петроградской станции—32,1.

Рабочих и служащих было на 1 января 1913 г.—737, на 1 января 1921 г.—1.245, на 1 января 1923 г.—1.010 и на 1 июня 1923 г.—988 (из них: женщин 193; подростков—35).

Городские водопроводы находятся ныне в ведении Петроградского губернского отдела коммунального хозяйства и все рабочие и служащие являются членами союза коммунальных работников.

Трудовая дисциплина на городских водопроводах изображается следующими цифрами: в 1921 г.—0/0 неявившихся (по болезни и неизвестным причинам) к общему числу рабочих и служащих выразился в 19,8%, в 1922 г.—6,1% и за январь—июнь 1923 г.—в 3,0%.

Заработная плата.

Оплата труда на петроградских городских водопроводах иллюстрируется нижеследующей таблицей:

Категории рабочих и служащих.	Месячные оклады (в рублях: от—до).						Тарифные разряды в 1922—1923 гг.
	До 1900 г.	С 1900 г.	В 1907—1908 гг.	В 1912 г.	В 1916 г.	В 1918 г. май—сент.	
Машинисты [5]. .	24—56	30—60	50—75	55—75	95—110	470	8
Слесаря	20—56	22—60	35—75	45—65	65—110	500	8—9
Котельщики. . .	30—50	35—60	50—58	55—60	110	и ниже нет св.	7
Смазчики	17—24	20—28	30—38	35	60—65	400	7
Кочегары	17—30	20—30	35—45	40—45	65—75	420—440	7—8
Печники	22—35	24—35	30—40	30—45	65—75	440—470	7—9
Десятники . . .	40—50	45—60	57—70	60—75	90—120	450—470	8—11
Плотники. . . .	25—30	30—35	28—45	36—45	65—75	400—430	7
Чернорабочие. .	17—25	17—28	22½—30	30—35	33—40	360—380	4—5
Сторожа	15—20	15—25	20—30	20—30	30—40	нет св.	3
Ученики	10—15	12—18	15	—	20	нет св.	1—4
Хлорщики. . . .	—	—	—	—	65 [6]	420	7
Писцы	25—45	25—45	30—60	30—60	нет св.	нет св.	5—7 [7]

[5]) В таблице приведены оклады машинистов всех разрядов кроме старшего машиниста.

[6]) Хлорирование воды на Главной станции начали производить в 1915 г.

[7]) Конторщики.

В этой таблице приведены цифры заработной платы главнейших категорий рабочих на станциях и сети. Средний заработок рабочего в 1912 г. по статистическим данным, представленным управлением городских водопроводов в С.-Петербургское Окружное страховое товарищество, выражался в 38—39 руб. в месяц. При этом заработок постоянного (а не поденного) рабочего на станции определялся в 41 руб., в ремонтной мастерской—43½ руб. и на сети—49 руб. Средний месячный заработок служащего, включая административно-технический персонал, определялся в 126 руб. Некоторые рабочие и служащие, гл. образом рабочие на сети и сторожа, имели готовые квартиры или получали квартирные деньги, напр., один участковый десятник получал (в 1916 г.) квартирных—16 руб. в месяц и сторожа водоема—6 руб. в месяц. Кроме того рабочие и низшие служащие получали обмундирование.

На совещании по вопросу об улучшении материального положения рабочих и служащих в городских предприятиях (в декабре 1913 г.) указывалось, что по размеру заработной платы водопроводы занимали в 1913 г. первое место среди городских предприятий. Квалифицированные рабочие зарабатывали в среднем 45 р. в месяц, чернорабочие—35 р. На втором месте по размеру заработной платы стоял гор. газовый завод (чернорабочие—от 28 до 30 р,, квалифицированные рабочие—40 р.). Затем шли рабочие по отделу освещения столицы и гор. скотобойни (чернорабочие от 23 до 24 р., квалифицированные—35 р.). На гор. железных дорогах чернорабочие зарабатывали от 20 до 25 р. в месяц, обученные рабочие — 30 руб. [8]).

В 1907 г. комиссия по водоснабжению признала, что „рабочие водопроводов в отношении как платы, так и рабочего времени стоят в лучших условиях сравнительно с рабочими в других городских предприятиях. Принимая, однако, во внимание условия самой работы, а также связанную с их работой ответственность, надо признать, что рабочие водопроводов, по всей справедливости, необходимо должны быть поставлены в условиях, сколько возможно для города, лучше других городских рабочих".

В то же время оплата труда на городских водопроводах была значительно ниже, чем на частных заводах. Так, напр., на частных заводах в Петербурге (в 1905—6 г.г.) машинисты зарабатывали в месяц от 50 до 75 руб. (на водопроводах—от 30 до 60 р.). смазчики—от 25 до 40 руб. (на водопроводах—от 20 до 28 р.), кочегары—от 30 до 45 р. (на водопроводах—от 20 до 30 р.), слесаря—от 40 до 100 р. (на водопроводах—от 22 до 60 р.), чернорабочие—от 25 до 30 р. (на водопроводах—от 17 до 28 р.) и т. д.

Низкая оплата труда служила, с одной стороны, „поводом к уходу уже навыкших к делу рабочих на другие места", а с другой стороны, причиною недовольства и выступлений рабочих с коллективными требованиями и прошениями. Так, напр., в 1907 г. рабочие Главной и заречных станций подали докладную записку следующего содержаиия:

„Существующая дороговизна хорошо знакома обывателям даже среднего достатка, а в быту рабочего является таким вопросом, который постольку в'едается в мозг, что и вся жизнь его сосредоточивается только в заботе об уплате за квартиру, да в покупке селедки, которая является чуть ли не роскошью. Что же касается трудности и вредности работы, то работа в машинных и котельных отделениях, мастерских и при фильтрах, воздух которых насыщен маслом, кислотою, сыростью, а в машинных и котельных отделениях непосильная жара, и также ночной труд сильно отражаются на здоровьи рабочих. В виду дороговизны квартир, мы вынуждены жить в сырых

[8]) Не считая кондукторов и вагоновожатых.

и темных подвалах и чердаках. Мы, наши дети и престарелые родители лишены ласкающих лучей солнца и скорее похожи на скелетов, чем на людей. И, придя с работы домой, вместо того, чтобы встретить там отдых и свободно вздохнуть после того воздуха, в котором мы находимся на работе, мы встречаем сырые стены и удушливый насыщенный сыростью воздух, и попадаем, как говорится, „из огня да в полымя". Дороговизна обуви и одежды заставляет нас ходить чуть ли не в лохмотьях и наши дети вынуждены сидеть дома в сырых квартирах и очень часто случается, что не в чем идти в школу.

„Все это взятое вместе сильно отражается на здоровьи рабочего, что видно из записей приемного покоя, где число больных в некоторые месяцы колеблется от 900 до 1200 чел.

„Мы надеемся, что вы войдете в наше положение. Сделайте так, чтобы не проклинали вас. Сделайте так, чтобы сотни людей не сказали бы:

Нам все равно... Нет больше силы
Так жить, сносить ярмо невзгод,
Нам право легче мрак могилы,
Чем эта жизнь, чем этот гнет!"

Рабочие просили о прибавке жалованья и уравнения жалованья лицам, исполняющим одну и ту же работу (так как разница в жалованьи была от 15 до 25 р. в месяц).

Рабочие незаречной сети также просили (в декабре 1906 г.) о прибавке, потому что „при существующих окладах не возможно существовать, а наши рабочие почти все семейные, а содержать семью в 4 и 6 человек и употреблять здоровую пищу и одеваться нет никакой возможности". В своем ходатайстве рабочие указывали, что они „вынуждены платить за квартиру почти половину всего заработка", „ютиться в вонючих подвалах и чердаках, и дети почти все больные". Живущие в городских квартирах (т. е. квартирах, нанимаемых управлением городских водопроводов для рабочих) „размещены очень тесно и квартиры не отвечают своему назначению"... Наша работа не в определенном месте и мы не можем обедать вместе с семьей, и вынуждены пользоваться услугами трактирных кухон и с'естных лавок, что и худо и дорого. Труд наш упорный и всегда грязный, и приходится носить инструменты и возить на себе материалы почти на десятки верст, мы мокнем на дожде и зябнем на морозе долгими часами и иногда вымокшие до костей". Рабочие сети просили уравнить их оклады с окладами рабочих Главной станции.

С аналогичным ходатайством обратились в декабре 1906 г. и рабочие заречной сети. Петиции подавались также в 1916 и 1917 г.г.

В мае 1916 г. рабочие Главной станции писали городскому голове, что на жалованье 40 руб. в месяц жить невозможно. Многие „имеют по несколько человек детей, которые ютятся в грязных углах, босые и голые, и питаются чем попало". Свое обращение непосредственно к городскому голове рабочие мотивировали тем, что „на нашу обращенную просьбу через управляющего Главной станции было отказано, мотивируя тем, что мы сыты, а при личных переговорах с управляющим нам было об'явлено, что кто этим недоволен—убирайся вон и получай расчет".

В июне 1916 г. рабочие Главной станции писали: „Несмотря на прибавку к нашему жалованью в 50%, все же мы живем во много раз хуже, чем жили до войны... Имеем честь просить немедленно квартиры всем рабочим на равных условиях, так как уже часть рабочих пользуется таковыми, ибо нам в настоящее время с квартирами безвыходное положение".

Рабочие заречных станций просили о предоставлении им городских квартир, „так как для семейного рабочего найти комнату невозможно, в виду того, что не пускают. Квартиру же занять при настоящей цене и средствах рабочего не представляется возможным. В виду чего многим рабочим приходиться ютиться на большом расстоянии от места службы или в сырых помещениях (подвалах), что отражается на здоровьи рабочих и их семей".

В начале 1917 г. счетчики водомеров писали: „Находясь в ряду интеллигентных служащих, мы хотя бы для поддержания перед домовой администрацией известного авторитета должны одеваться прилично, между тем постоянные, изо дня в день, лазания по подвалам и ходьба очень изнашивает платье и обувь, не говоря уже о порче их: часто достаточно одного неосторожного движения, чтобы порвать одежду или запачкать ее так, что нельзя отчистить". Между тем „мы получаем 15 руб. ежемесячной прибавки к жалованью на дороговизну", основное же жалованье—60 р. (сверх того 10 руб. раз'ездных). В то время, как прибавка составляла $^1/_4$ к основному жалованью, „дороговизна возросла вдвое и втрое против нее".

Увеличения жалованья просили также канцелярские служащие, указывавшие, что жалованья „не хватает даже на обыкновенный здоровый стол".

Рабочие были постоянные и поденные. Поденная плата взрослых чернорабочих [1]) была до января 1914 г.—1 р. 10 к., с января 1914 г.—$1^1/_2$ р. и в январе 1918 г.—от 1 р. 75 к. до 2 р. 25 к. Многие из писцов были на так называемом, нештатном жалованьи. Преимущество штатного жалованья перед нештатным заключалось в том, что из штатного жалованья производились вычеты в пенсионный капитал; таким образом, нештатные писцы не выслуживались на пенсию. Некоторые писцы, получающие штатное жалованье, имели добавочное нештатное жалованье, которое отпускалось не со сметы на содержание личного состава, а из других статей.

„При отсутствии каких-либо норм оплаты труда по одной и той же специальности, рабочие получали весьма разнообразные оклады, определяемые отдельно для каждого рабочего сообразно его личным качествам и способностям, а также в зависимости от лет службы".

В случае болезни содержание за рабочими сохранялось, причем лица, сказавшиеся неспособными к дальнейшей работе по занимаемой должности, переводились на более легкие и менее ответственные работы или же определялись в богадельни на городской счет.

При увольнении рабочий получал за две недели вперед. За сверхурочную работу (в будни и в праздничные дни) платили в полуторном размере. Раз'ездные служащие (напр. счетчики водомеров) получали раз'ездные деньги (в 1908 г.—5 р. и в 1915 г.—10 р. в месяц). Канцелярские служащие и помощники главного механика получали за дежурство, первые—до мая 1917 г.—3 руб. за дежурство, с мая 1917 г.—10 руб., вторые—5 руб. за каждое дежурство.

Во время войны оклады повышались и кроме того платили так наз. военную прибавку на дороговизну. Так, напр., квалифицированным рабочим была в 1916 г. сделана прибавка в 50% и кроме того платили „на дороговизну" 15 или $22^1/_2$ р., в зависимости от размера заработной платы, т.е. номинальная заработная плата повысилась в 1916 г. на 70—80%, что видно из следующих цифр [2]):

[1]) Минимальный оклад чернорабочего в городских предприятиях был установлен (в марте 1918 г.) в 25 руб. в месяц, с квартирой номинального типа.

[2]) Цифры эти взяты по одного дела, остальные соответствующие цифры, приведенные таблицах в начале этой главы.

	Основной оклад.	50% прибавки.	Месячн. оклад в 1916 г.	Сверх того прибавка на дороговизну.	Всего.
Машинисты. . .	75 р.	35 р.	110 р.	22½ р.	132½ р.
Смазч. и пом. маш.	45–50 „	20—25 „	65—75 „	15 „	80—90 „
Кочегары	50–55 „	25–30 „	75–85 „	15—22½ „	90–107½ „
Слесаря.	50–75 „	25—35 „	75—110 р.	15–22½ „	90—132½ „

Установление 50% прибавки рабочим на станциях вызвало недовольство среди рабочих ремонтной мастерской. Просьбу неквалифицированных рабочих и рабочих ремонтной мастерской (в 1916 г.) о прибавке отклонили на том основании, что они зарабатывают не меньше, чем рабочие трамвая.

С сентября 1916 г. все городские рабочие и служащие получили прибавку на дороговизну, в зависимости от довоенного месячного оклада. При окладе до 30 руб. (44 чел.) прибавляли 100%, при окладе от 31 до 75 р. (451 чел.) прибавляли 30 р. в месяц, при окладе от 76 до 150 р. (167 чел.) прибавляли 35—45 р. в месяц и т. д.

В марте 1917 г. была произведена 50% прибавка к жалованью всем рабочим и служащим городских водопроводов.

За проступки и прогулы рабочие подвергались штрафам [1]). Из штрафных сумм составлялся штрафной капитал. По правилам о хранении штрафного капитала 4 января 1891 г., такой капитал вносился в одну из сберегательных касс. Но Городская управа решила, что правила 1891 года распространяются лишь на штрафной капитал водоподъемной башни и фильтров. Штрафным же деньгам, взыскиваемым на остальном пространстве сети, был заведен особый счет, расходы из которого производились на нужды рабочих по усмотрению комиссии по водоснабжению.

От платежа адресного и больничного сборов были освобождены служащие в тех городских предприятиях и учреждениях, и в тех должностях, на которых распространялось действие городского пенсионного устава. Рабочие и низшие служители подлежали платежу этих сборов. Освобождение же от платы за лечение в городских больницах производилось городской управой в каждом отдельном случае, когда управа признавала данное лицо неимущим. Адресный и больничный сборы ложились тяжестью на рабочий бюджет, что показывает обилие полицейских протоколов, хранящихся в архиве управления городских водопроводов и показывающих, что рабочие всячески уклонялись от платежа этих сборов и они взыскивались с них в принудительном порядке.

В декабре 1906 г. рабочие городской водокачки подали жалобу градоначальнику на взимание с них незаконных штрафов и сборов. Рабочие просили „освободить от разных штрафов и сборов ради детей, которые к празднику Рождества должны остаться в старом худом одеянии", а „сборщики решили к новому году собрать все деньги, потому что мы получим жалованье и наградные".

---

[1]) По проекту правил внутреннего распорядка, составленным в 1900 г. должны были быть установлены следующие штрафы и вычеты: за неисправную работу—соответственно свойству неисправности; за прогул—вычет за прогульное время и сверх того штраф; за несоблюдение на станциях чистоты и опрятности, за нарушение тишины, за непослушание, за устройство недозволенных игр и т. д.—штраф до 1 руб. и т. д.

Главный механик в ответ на запрос управляющего городскими водопроводами, сообщил, что „никакие сборы не разрешались и в помещении конторы Главной станции не производились".

С 1 сентября 1918 г. на городских водопроводах была введена 17-ти разрядная тарифная сетка. До сентября 1922 г. работники городских водопроводов были на государственном снабжении. Средний заработок работника водопроводов был в декабре 1922 г.—255,60 р. в дензнаках 1923 г. и 15,53 в бюджетных рублях (по 10-рублевому набору центрального бюро статистики труда) [1]).

Рабочий день.

В июле 1900 г. была введена тройная смена; тем самым для сменных рабочих городских водопроводов был установлен 8-часовой рабочий день. Рабочее время сменных рабочих распределялось таким образом: первая смена работала с 7 час. утра до 3 час. дня, вторая смена—от 3 час. дня до 11 час. веч. и третья смена—с 11 час. веч. до 7 час. утра. Таким образом, каждая смена отдыхала 16 часов. Обеденного перерыва не полагалось. Ломка смен происходила два раза в неделю, на одной неделе—по воскресеньям и средам, на другой—по воскресеньям и четвергам. В эти дни смены по очереди меняли свои часы; та смена, которая меняла часы отдыхала 32 часа, в то время как та смена, которая заступала ее прежние часы отдыхала 8 часов. 32-часовой отдых каждый рабочий имел 3 раза в месяц (один раз в воскресенье, два раза—в будни). С 1906 г. была введена дополнительная смена, которая работала в двух отделениях и заступала основные смены с таким расчетом, чтобы каждый рабочий имел 4—5 свободных дней в месяц [1]).

Чередование смен происходило следующим образом:

I. С 1900 по 1906 г.г.

Дни. / Часы.	Понедельн.	Вторник.	Среда	Четверг.	Пятница.	Суббота.	Воскресенье.	Понедельн.	Вторник.	Среда.	Четверг.	Пятница.	Суббота.	Воскресенье.	Понедельн.	Вторник.
[2])																
С 7 ч. у. до 3 ч. дня.	1	1	1	2	2	2	2	3	3	3	3	1	1	1	2	2
„ 3 ч. дня до 11 ч. веч.	2	2	3	3	3	3	1	1	1	1	2	2	2	3	3	3
„ 11 ч. веч. до 7 ч. утра.	3	3	1	1	1	1	2	2	2	2	3	3	3	1	1	1

[1]) О заработной плате с 1918 по 1921 г.г.—см. книгу Ф. Рубинина „Эволюция форм заработной платы в Советской России", 1923 г. О тарифных ставках в 1922-23 гг. и государственном снабжении—см. мою статью „Из жизни рабочих и служащих на гор. жел. дорогах Петрограда", очерк II (в „Архиве истории труда в России", кн. 9 и в отдельном издании) и „Петрогуботдихомхоз в 1922 г." (отчетные данные), 1923 г., стр. 62—68.

[2]) Цифры—(1, 2, 3) номера смен.

II. С 1906 по 1923 г.г.

					[1]							
I отделение.	С 7 ч. у. до 3 ч. дня. .	1	1	1	д	2	2	3	3	1	1	1
	„ 3 ч. дня до 11 ч. веч.	2	2	2	3	3	1	1	д	2	2	2
	„ 11 ч. веч. до 7 ч. утра	3	3	3	1	1	д	2	2	3	3	3
II отделение.	С 7 ч. у. до 3 ч. дня. .	3	1	1	1	д	2	2	3	3	3	1
	„ 3 ч. дня до 11 ч. веч.	д	2	2	2	3	3	1	1	д	д	2
	„ 11 ч. веч. до 7 ч. утра.	2	3	3	3	1	1	д	2	2	2	3

По отзывам администрации введение 3-часового рабочего дня и тройной смены сократило число прогулов, опаздываний, увольнительных записок порч машин от недосмотра и т. п.

Несменные рабочие (в ремонтной мастерской и т. д.) работали с 7 час. утра (с 1907 г. — с 7½ час. утра) до 6 час. вечера, с перерывом на обед с 12 до 1 часа дня (с 1907 г.—до 1½ час. дня); по субботам и предпраздничным дням работа производилась до 2 час. дня. Таким образом, несменные рабочие работали в 1900 г.—10 часов, в 1907 г.—9 часов в сутки.

Сверхурочная плата высчитывалась по месячному жалованью, разделенному на 30, причем 5-часовая сверхурочная работа приравнивалась работе за целый день. Сверхурочная работа по праздничным дням считалась за дневную при непрерывной работе от 7½ час. утра до 12 час. дня или от 1½ час. дня до 6 час. вечера.

В канцелярии управления городских водопроводов занятия происходили с 10 час. утра до 4 час. дня. Служащие в управлении должны были по очереди дежурить целые сутки для приема пакетов и заявлений; на станциях суточные дежурства были установлены для помощников главного механика. До 1901 г. канцелярские служащие, не пользующиеся отпуском имели в летнее время (с мая по август) свободные дни по очереди, и занятия в канцелярии начинались на час позже, т. е. в 11 час. утра. С 1901 г. очередные льготные дни были отменены и в летнее время занятия не производились по субботам [2]) (за исключением дежурных артельщиков и служащих). Рабочие получали месячный отпуск, с сохранением содержания, через каждые три года.

В настоящее время (август 1923 г.) работа на станциях производится в четыре смены. Первая смена работает с 12 час. ночи до 8 час. утра, вторая—с 8 час. утра до 4 час. дня, третья—с 4 час. дня до 12 час. ночи; четвертая смена работает с 12 час. ночи до 8 час. утра, т.-е. работает в те часы, в которые накануне работала первая смена, последняя же работает с 8 час. утра до 4 час. дня, а вторая смена работает с 4 час. дня до 12 час. ночи и т. д. Следовательно, каждая смена по очереди работает с 12 час. ночи, с 8 час. утра и с 4 час. дня. В то

[1]) д — обозначает: дополнительная смена.

[2]) По настоянию ревизионной комиссии городской думы иногда практиковался (напр. в 1907 г.) старый порядок, существовавший до 1901 г.

время, как несменные рабочие отдыхают (после 8-часового рабочего дня) 16 часов в сутки, сменные рабочие отдыхают после своей работы — 24 часа. Несменные рабочие работают с 8 час. утра до 4 час. дня, без обеденного перерыва, а по субботам и предпраздничным дням — до 2 час. дня.

Таким же образом распределяется рабочее время на сети; в экстренных случаях работы производятся за плату в нерабочее время.

В канцелярии управления занятия производятся с 10 час. утра до 4 час. дня.

Помещения для рабочих, обмундирование, пенсии и пособия.

В 1916 г. почти все рабочие сети (десятники, слесаря и т. д.) имели городские квартиры; это являлось необходимым по характеру самой службы, т. к. рабочие могли потребоваться каждый момент.

Из рабочих станций, городские квартиры имели только 35 чел. (из коих 15 сторожей). При этом квартиры были предоставлены тем, кто был наиболее необходим на станциях.

Рабочие по сети, пользовавшиеся городскими квартирами, должны были выдавать росписки об отказе от платы за сверхурочные работы. Многие, вследствие этого, отказывались от городских квартир [1]).

Таким образом, квартирами пользовалось незначительное число рабочих. Квартиры для рабочих снимались управлением городских водопроводов в частных домах [2]). Так, напр., в 1899 г. управление снимало три квартиры, с услугами дворников, для 42 рабочих.

В 1899 г. были изданы „правила порядка и поведения для постоянных рабочих, проживающих на квартирах от управления". Согласно этим правилам, все рабочие, проживающие на одной квартире, составляли одну артель. Каждая артель находилась под надзором старосты, назначаемого управлением гор. водопроводов. Староста артели наблюдал за порядком и „за добрым поведением рабочих, не допуская ни пьянства, ни брани, ни драк, ни сборищ", „и все то, что нарушает порядок и благочиние, подобающие людям доброй нравственности и христианской веры".

Рабочие за нарушение правил и ослушание старост штрафовались, смотря по вине, от 50 коп. до 2 руб., или увольнялись со службы. За непринятие мер староста отвечал перед начальством и штрафовался в сумме от 25 коп. до 1 руб., а также смещался с должности. Староста получал за свои труды 2 руб. в месяц.

Кухарок для артельных помещений рабочих не было; рабочие приготовляли пищу своими средствами.

Жены рабочих, живших в артельных квартирах, должны были жить отдельно от мужей. В квартирах, нанимавшихся для рабочих и плотников сети, семейным полагалась отдельная комната, но в большой комнате помещали две семьи. Холостым полагалась комната для двух-трех человек, смотря по размеру комнаты.

Уже в 1903 г. осмотры свидетельствовали дурное и антисанитарное состояние рабочих квартир. Управление городских водопроводов разработало проект дома для рабочих, но проект не получил осуществления.

В настоящее время рабочими водопроводных станций заняты три дома, в которых проживает большинство рабочих.

Рабочим на городских водопроводах выдавалось следующее обмундирование: рабочие на станциях получали каждый год по два костюма (блуза

[1]) По некоторым данным предоставление городских квартир рабочим сети только предполагалось, причем от рабочих сети не требовались такие росписки.

[2]) Сторожа жили на станциях и в водемных.

и брюки), два раза в год—по паре кожаных рукавиц и один раз в год—по паре теплых варежек; кочегары получали кроме того валенки (на 1 год), а кожаные рукавицы выдавались им каждый месяц. Десятники получали раз в два года виксатиновые накидки, шапку и фуражку, и ежегодно—валенки и костюм (форменная тужурка и брюки). На каждый сторожевой пост у ворот выдавали на три года тулуп. Каждому привратному сторожу давали на три года—полушубок, на два года—виксатиновую накидку, шапку и фуражку, ежегодно—валенки и теплые варежки, и два раза в год—кожаные рукавицы.

Рабочим сети выдавали ежегодно костюм (блуза и брюки), кожаные сапоги, головки к сапогам и фуражку, и каждые два года—шапку; десятники получали кроме того каждые два года виксатиновую накидку.

В 1913 г. некоторым рабочим сети управление городских водопроводов выдавало рабочим на обмундирование деньги,

В городских водопроводах действовали правила о пенсиях и пособиях для городских предприятий и учреждений [1]).

В 1883 г. в обществе водопроводов был основан особый фонд для выдачи единовременных пособий служащим при оставлении службы. Но к 1891 г. фонд этот был, по постановлению акционеров, распределен между служащими. После перехода водопроводов к городу право на пенсии имели только служащие городской исполнительной комиссии по водоснабжению; служащим бывшего правления и рабочим служба в акционерном обществе не была зачтена и все они должны были для получения пенсии и пособий выслужить сроки, определенные городским пенсионным уставом. В отдельных случаях делались исключения, напр., в 1894 г. была назначена пожизненная пенсия инвалиду-рабочему, прослужившему в водопроводах с 1863 г. Служащие бывшего общества указывали на несправедливость установившегося порядка, т. к. водопровод—предприятие общего пользования и, несмотря на то, что он раньше принадлежал частным лицам, они фактически служили городскому общественному делу и раньше; долголетняя служба в правлении водопровода специализировала их в одной отрасли и менять специальность лицам, обремененным большими семействами, очень трудно, так как общество, упразднив „особый фонд", их ничем не обеспечило. В 1897 г. городская дума удовлетворила ходатайство исполнительной комиссии по водоснабжению о зачете в отношении права на пенсию времени службы в частных обществах до перехода водопроводов к городу. Право на пенсию было определено с 1 января 1885 г. (т. к. с этого времени начали делать вычеты в пенсионный капитал со служащих городских предприятий и учреждений). Вычеты в пенсионный капитал с содержания, полученного до 1 января 1896 г., производились в течение 5 лет, т. е. с 1 января 1891 г. в 10% размере с жалованья, что сильно обременяло скудный бюджет служащего.

Администрация сознавала, что рабочие не обеспечены на случай болезни, смерти, потери трудоспособности и т. д. В 1900 г. был выработан проект „кассы самопомощи рабочим водопроводов" и собирались пожертвования в фонд кассы, но проект не получил, повидимому, осуществления, так же, как и проект страхования рабочих на случай смерти или увечья в частных страховых компаниях.—На рабочих городских водопроводов распространился закон 23 июня 1912 г. о страховании рабочих.

[1]) См. мою статью „Из жизни рабочих и служащих на городских железных дорогах Петрограда", очерк I, в „Архиве истории труда в России", кн. 8 и в отдельном издании.

В 1908 и 1911 г.г. были утверждены правила о выдаче пособий рабочим и служащим городских водопроводов. Пособия выдавались постоянным рабочим, служителям и служащим, прослужившим не менее трех лет, за исключением выдачи пособий на похороны, каковые выдачи не ограничивались сроком службы. Размер пособий, выдаваемых служащим, определялся по основному жалованью (без прибавок и разъездных): лицам получающим до 70 руб.—не более 100%, от 70 до 100 руб.—не более 90% и т. д. Пособия выдавались на похороны (рабочего, служащего или членов его семьи), на обучение детей, при рождении детей, в случае болезни (служащего, рабочего или членов его семьи) и при несчастных случаях. Пособия выдавались лицам, оклад которых не превышал 100 руб. в месяц, и в размере, не превышающем месячного содержания. Пособия выдавались не более одного раза в год. Кредит на выдачу пособий был установлен в размере 1% к общей сумме ассигнования на личный состав.

Пособия рабочим на похороны, на обучение детей (не более 8 руб. на ребенка) и на семейные нужды выдавались в размере полумесячного оклада лицам, прослужившим не менее 3 лет, и месячного—прослужившим более 10 лет. За 25-летнюю службу выдавались награды в размере 5, 10 или 15 рублей за каждый год службы, в зависимости от должности рабочего.

Вопрос о выдаче пособия семье рабочего в случае его смерти разрешался по отношению к рабочим гор. водопроводов всякий раз особыми постановлениями городской думы, причем гор. дума устанавливала и размер такового пособия. Такой порядок был сопряжен со значительным промедлением в выдаче пособия, благодаря чему семья покойного обыкновенно оказывалась в весьма критическом положении [1]).

По случаю болезни, удостоверенной врачем городских водопроводов, постоянным рабочим сохранялось содержание в течение двух месяцев; узаконенных норм относительно уплаты рабочим в случае, если болезнь продолжалась более двух месяцев, не было [2]).

По положению, утвержденному в июне 1923 г., рабочим выдается следующее обмундирование (проз-одежда):

Слесарям по ремонту фильтров выдается на 1 год—брезентовый костюм, на 1 год—сапоги с голенищами и на 6 месяцев - кожаные рукавицы; кочегарам выдается на 1 год—легкий костюм, на 1 год ботинки и на 2 месяца—кожаные рукавицы; печникам выдается на 1 год легкий костюм, на 1 год—сапоги и на 6 месяцев—кожаные рукавицы; рабочим сети (слесарям, десятникам, плотникам и чернорабочим) выдается на 1 год или 1/2 года—сапоги, на 1 или 2 года—брезентовый костюм и на 3 или на 6 месяцев—брезентовые рукавицы, и т. д

Рабочее движение.

Несмотря на неоднократные требования об улучшении своего положения и на волнения среди рабочих, работа городских водопроводов за 60 лет своего существования не прерывалась ни на один день, даже в революционные дни 1905 и 1917 г.г.

---

[1]) По некоторым данным, показанное пособие выдавалось без задержки комиссией о пособиях.

[2]) По ежегодным отчетам гор. водопроводов, наибольшее число больных рабочих (так и членов их семьи) приходится на следующие болезни: воспаление дыхательных путей, болезни полостей рта и зевы, желудочно-кишечный катарр, грипп и бугорчатка легких.

В декабре 1898 г. градоначальнику было подано анонимное заявление, в котором указывалось, что на Главной станции одному чиновнику разорвали пальто и кроме того его избили. После этого „был бунт". „Еще будет второй бунт, который будет на-днях. Рабочий народ волнуется за неплатеж жалованья во-время", т. к. жалованье, которое должны были платить 6 декабря, обещали уплатить не раньше 8 декабря. Анонимные жалобщики указывали, что „таких беспорядков нигде нет, как на водопроводе". По справкам, наведенным управлением городских водопроводов, небольшая задержка в уплате жалованья действительно имела место, но что это в 1898 г. случилось впервые. В июне 1905 г. состоялось общее собрание служащих управления городских водопроводов, на котором была выработана петиция. В петиции содержались следующие требования: 1) составить инструкцию и правила о правах и обязанностях всех служащих, 2) месячный отпуск в год, 3) остатки от кредита на личный состав распределять между служащими, а не возвращать в городскую управу, 4) выдача наград всем служащим два раза в год, 5) установление одного рабочего дня для служащих в управлении и на станциях, 6) за сверхурочную работу платить в полуторном размере, 7) освобождающиеся вакансии замещать, по возможности, старыми служащими, а не взятыми со стороны, 8) разрешить служащим собрания для обсуждения своих нужд, 9) признание выборных от служащих и 10) установление минимального оклада в 50 руб. в месяц. Петиция городской думой не рассматривалась, несмотря на напоминания со стороны служащих. Но многие служащие подали коллективное заявление о неприсоединении к петиции, „находя предлагаемую просьбу мерою паллиативною и даже граничащей с попрошайничеством".

26 апреля 1906 г. главный механик послал управляющему городскими водопроводами рапорт следующего содержания:

„24 апреля рабочие ремонтной мастерской и дворовые, прекратив на короткое время работу, собрались на дворе Главной станции и после совещания отправили ко мне депутатов, которые передали нижеследующие требования: 1) прибавить всем жалованья и 2) сократить рабочее время до 8 часов. На пред'явленные требования я возразил: 1) общая прибавка жалованья не может быть произведена. Многие из рабочих получают максимальный оклад, положенный по штату. Временные рабочие ни на какую прибавку расчитывать не могут и должны быть довольны, что их оставили работать зимою. Единственно что возможно—это небольшая прибавка некоторым постоянным рабочим, получающим сравнительно мало, и эту прибавку означенные рабочие получают с 15 апреля; 2) что же касается до сокращения рабочего времени, то этот вопрос окончательно решен исполнительной комиссией, которая в декабре прошлого года установила продолжительность рабочего дня для сменных рабочих в 9 часов. Рабочие удалились, предупредив, что они уйдут с работы на час раньше, т. е. в 5 час. вечера. В 5 час. вечера все несменные рабочие прекратили работы.

„25 апреля было вывешено, согласно вашему распоряжению, об'явление о производстве вычетов за недоработанное время. В 3 часа дня рабочие собрались во дворе на этот раз совместно со сменными и, появившись толпою у конторы, послали ко мне депутатов с просьбою выйдти к ним и выслушать их пожелания, что мною было исполнено. Удерживая полностью требования, пред'явленные 24 апреля, рабочие еще добавили: 3) уравнение продолжительности рабочего времени сменных рабочих с несменными, 4) отказа слесарей работать за сменных без выработки, а за льготный день и 5) требование снять вывешенное об'явление и не производить с них вычетов. Я повторил им об'явленное мною накануне депутатам, присовокупив, что сменные уже пользуются, как было им обещано, двумя

свободными сменами в месяц и большего сокращения работ не может быть произведено. Об'явление у ворот не будет снято и вычеты будут произведены.

„После моего ухода рабочие продолжали совещание и минут через 15 прислали депутатов, об'явивших, что рабочие настаивают на исполнении их требований и просят довести об этом до сведения исполнительной комиссии и о последующем постановлении вывесить об'явление не позже 29 апреля в 12 час. дня. В случае неудовлетворительного ответа предупреждают, что в субботу 29 апреля в 2 часа дня сменные рабочие прекратят работы и станут вновь в 7 час. утра в понедельник 1 мая. Вечером того же дня я вызвал к себе одного из депутатов кочегара Корнюхина и допросил его—не одумались ли рабочие? На это он мне ответил, что после возвращения депутатов рабочие еще некоторое время совещались и решили не настаивать на общую прибавку жалованья, а решили просить прибавки тем, кому возможно по усмотрению администрации. Что же касается сокращения рабочего времени, они на этом настаивают, угрожая прекращением работ".

26 апреля рабочим было об'явлено постановление исполнительной комиссии по водоснабжению, в котором для всестороннего рассмотрения и обсуждения ходатайства о сокращении рабочего дня был определен двухнедельный срок, при условии продолжения в это время нормальной работы.

Несмотря на постановление комиссии, 27 апреля рабочие ремонтной мастерской и дворовые на Главной станции снова прекратили работы в 5 час. вечера. Многие из опрошенных главным механиком машинистов заявили, что бастовать они не желают, но принуждены будут прекратить работы из опасения репрессий со стороны несменных рабочих. 28 апреля состоялась неразрешенная сходка, а на 29 апреля была назначена общая сходка рабочих всех водопроводных станций.

Комиссия признала, что „все подобные собрания, сопровождаемые приостановкой работ, крайне вредно отражаются на состоянии станции, т. к. по словам главного механика, рабочие не успевают чистить фильтры, вследствие чего является недостаток воды". На этом основании комиссия закрыла ремонтную мастерскую. Несменные рабочие, самовольно сократившие рабочий день, и сменные рабочие, неявившиеся на работу, были уволены. Кроме того комиссия постановила „просить городского голову о вышеизложенном довести до сведения градоначальника".

3 мая в заседание городской комиссии о безработных явились представители рабочих городского водопровода и представили следующее заявление:

„От 76 рабочих городских водопроводов города С.-Петербурга. 29 апреля мы забастовали. Поводом к этому послужило следующее: администрация не допустила к работам часть наших товарищей, мотивируя этот свой странный поступок тем, что якобы мы, рабочие, хотели поломать машины; одно это ложное утверждение администрации, другое—недопущение к работам товарищей, заставило нас, во имя солидарности с товарищами, прекратить работы. Мы заявляем, что можем вступить на работу только при следующих условиях:

„Разграничение кредитов, т. е. чтобы не платили писцам вознаграждения рабочих: если таковые писцы нужны администрации, они должны иметь особые кредиты; 4 свободные дня в месяц для сменных; сменные не должны заменяться ремонтными слесарями; полная заработная плата за время стачки; чтобы никто не был уволен за забастовку; чтобы немедленно были открыты все работы. Предлагаем немедленно об'явить об условиях официально в об'явлениях от имени думы или управы, дабы администрация не могла в будущем вызывать нежелательных для нас инцидентов. Предлагаем вышеуказанное постановление сделать немедленно; в противном

случае мы слагаем с себя всякую ответственность за целость машин и качество воды".

Городская комиссия о безработных постановила немедленно передать вопрос на обсуждение городской думы „в интересах всего населения города, которое может внезапно остаться без воды", т. к. инцидент может повлечь за собою забастовку, а также увеличить число безработных. 3 мая вопрос рассматривался в городской думе. „Председатель комиссии по водоснабжению об'яснил, что за предпринятыми комиссией мерами и последовавшими переговорами и соглашением комиссии с рабочими, забастовка в настоящее время прекращена и нормальный ход работ восстановлен; комиссия с своей стороны стремится к возможному улучшению положения рабочих и к предоставлению им 4-х свободных дней в месяц вместо 2-х, которыми они доселе пользовались".

15 мая комиссия по водоснабжению послала на имя городского головы заявление следующего содержания: „Среди штата рабочих имеются лица, преследующие не экономические цели улучшения быта, а поставившие себе задачей вносить смуту и возбуждать неудовольствие. Лица эти преимущественно из состава ремонтной мастерской, которая непосредственного отношения к водопроводному делу не имеет... Лица, подписавшие прошение в комиссию о безработных, не только были сами главной причиной беспорядка, сопровождавшегося избиением мастера и нескольких рабочих, но многие из них путем угроз и насилий" снимали с работы других: на них были составлены полицейские протоколы для привлечения к уголовной ответственности. „Комиссия не имеет нравственного права держать подобных лиц, а потому принять их на службу по водоснабжению не может, не рискуя новыми беспорядками". Всего было уволено 26 человек. В то же время от черносотенного „Союза русского народа" поступило предложение услуг членов союза взамен забастовавших рабочих на городских водопроводах.

15 мая в комиссию о безработных поступило новое заявление от 26 рабочих, не принятых обратно на службу. „Причины, по которым на нас не распространено распоряжение об обратном приеме, нам неизвестны и прямо, несмотря на наши попытки выяснить эти причины, наше начальство нам ничего не об'яснило. По некоторым данным и сделанным нам намекам об'яснение такого отношения к нам заключается в том, что нас подозревают в „неблагонадежности" и во вредном влиянии на других рабочих, считают нас главными виновниками бывшей забастовки, словом теми паршивыми овцами, которые все стадо портят. Не говоря о том, что одно подозрение не дает право карать, мы утверждаем, что подозрение не имеет основания и что „не рабочие начали забастовку.

„29 апреля все рабочие явились на работу в назначенный для того час, но не были, к своему крайнему изумлению, пущены солдатами и прочли, что они все расчитаны, между тем 29 апреля рабочие предполагали через своих депутатов получить ответ на свои пожелания.

„Откуда начальству представилось, что рабочие, если бы им дали отрицательный ответ, непременно забастуют—рабочие не знают. Таким образом не рабочие забастовали, а их заставили забастовать. Сама вынужденность показывает, что виновников ее среди рабочих нет и подозревать кого-нибудь невозможно".

5 июня состоялось заседание городской думы. Комиссия о безработных представила на рассмотрение думы заявление уволенных рабочих, указав „на неудобство положения, создаваемого увольнением рабочих городских предприятий: с одной стороны, городское общественное управление старается сократить безработицу, с другой, город сам же увеличивает число безработных". Городской голова сообщил, что большинство уволен-

ных, за исключением 6—7 человек, вновь приняты на службу. Городская дума выразила пожелание об обратном принятии на службу, если окажется возможным, всех уволенных рабочих. Председатель комиссии по водоснабжению в свою очередь заявил, что „рабочие городских водопроводов по условиям труда (8 часовой рабочий день, праздничный отдых, выдача беспроцентных ссуд, школьные пособия, похоронные и проч.), а также и по получаемому вознаграждению настолько и теперь хорошо поставлены, что могут более терпеливо дожидаться проектируемых улучшений", тем более, что содержание рабочих было в 1905 г. увеличено в среднем на 20%.

В феврале 1907 г. рабочие городских водопроводов Сулабе и Попов заявили градоначальнику, что ими еще в ноябре 1906 г. был подан в управление городских водопроводов проект об урегулировании заработной платы и что для рассмотрения этого проекта была образована смешанная комиссия из администрации и рабочих, но комиссия не была созвана. Градоначальник послал по этому поводу запрос в управление городских водопроводов.

Управляющий гор. водопроводами сообщил градоначальнику, что в августе 1906 г. им была организована смешанная комиссия из рабочих и администрации „с целью спокойного и закономерного обсуждения действительных нужд" рабочих „взамен бывших до того постоянных сходок и волнений на водопроводах. Комиссия занялась прежде всего вопросом об урегулировании жалованья отдельным лицам в пределах сметных предположений" и наметила дополнительные выдачи с 1 июня 1906 г. Затем комиссия рассматривала вопрос о „необходимости увеличения сметных кредитов на содержание водопроводных рабочих вообще". Составление доклада об увеличении заработной платы затянулось „в виду несколько преувеличенных желаний рабочих, с одной стороны, с другой же необходимости сообразоваться с положением рабочих в других городских предприятиях, а равно и с заработком на частных заводах. Действия смешанной комиссии продолжаются, заседания происходят почти каждую неделю и в настоящее время обсуждается вопрос о квартирах".

Из истории этой комиссии, работавшей под руководством администрации, нам известно следующее:

В августе 1906 г. производилось среди рабочих голосование о желательности организации смешанной комиссии. 328 чел. высказались за организацию комиссии, 146—против, 140—воздержалось от голосования и 20 избир. записок было признано недействительным.

После этого состоялись выборы кандидатов в уполномоченные. В голосовании приняли участие 465 рабочих, воздержались от голосования — 162 чел. В первых числах сентября состоялись выборы уполномоченных. В голосовании участвовали 469 чел., воздержались—121 чел. Выборы производились отдельно от рабочих по ремонту машин, котлов и электрического освещения, от машинистов Главной станции, от смазчиков, от кочегаров Главной станции, от постоянных и временных рабочих Главной станции, от ремонтной мастерской, от рабочих заречных станций, от рабочих заречной сети и не заречной сети и т. д. Каждая группа выбирала по одному уполномоченному.

Уполномоченными были выбраны Г. Егоров, М. Краснопольский, О. Микстас, В. Макаров, С. Лебедев, А. Алексеенко, А. Обухов и И. Волков. Заместителями уполномоченных были выбраны Г. Попов, А. Смирнов, И. Румянцев, А. Сулабе, А. Переверзев, П. Степанов, И. Лисовский и М. Шилов.

Первое заседание соединенной комиссии состоялось 26 сентября 1906 г. На этом заседании обсуждался вопрос о прибавках и жалованью из остатков неиспользованных кредитов на 1906 г. Большинство комиссии

высказалось за принятие в основание для прибавок продолжительность службы, добросовестное отношение к делу, знание дела и способность к нему. Меньшинство (выборный от машинистов Г. Попов и др.) указывало, что „убедиться в знании машиниста или кочегара не легко", а потому следует руководствоваться только продолжительностью службы и добросовестным отношением к делу.

Второе заседание соединенной комиссии состоялось 6 октября. Было признано желательным введение дополнительной смены сторожей и надсмотрщиков при фильтрах, в виду тяжелых условий работы в зимнее время. На этом же заседании был поднят вопрос „о правильном переводе рабочих со двора на смену", т. е. перевода дворовых рабочих в штат сменных рабочих. Председатель комиссии пояснил, что в смазчики переводятся молодые рабочие, из которых могут впоследствии выработаться машинисты, в кочегары—физически здоровые, а в сторожа—наиболее надежные и служащие несколько лет. В заключении комиссия признала желательным, чтобы исполняющие должности машинистов, кочегаров и т. д. получали жалованье по этим должностям, если жалованье это превышает то, которое они получали по прежним должностям.

На заседании комиссии от 1 февраля 1907 г. рассматривались прошения отдельных рабочих о пособиях и заслушан проект постройки дома для рабочих.

В мае 1907 г. происходили новые выборы в соединенную комиссию. Выбранными оказались: Г. Попов, В. Федорович, Р. Корнюхин, М. Сеер, Г. Евсеев, Н. Лукин, В. Чистов, Л. Мигдальский и А. Чучейко, кандидаты –В. Гомзилин, М. Краснопольский, О. Микстас, Н. Калиничев, С. Лебедев, А. Сулабе, И. Хансон, П. Щедреник и О. Клевцов.

Дальнейших документальных сведений о деятельности этой комиссии не имеется.

27 февраля 1907 г. главный механик сообщил управляющему гор. водопроводами, что в тот день на Главной станции состоялся неразрешенный митинг рабочих при участии членов государственной думы Алексинского и Кузнецова. Главный механик через дежурного помощника предложил рабочим разойтись и вызвал к себе выборных от рабочих Попова и Егорова. Последние заявили, что члены государственной думы беседуют с рабочими о политических вопросах и государственной думе. Тогда главный механик обратился к рабочим непосредственно, но рабочие подняли крик и отказались немедленно разойтись. „Так как на сходке, кроме рабочих Главной станции, присутствовали также рабочие заречных станций и сети, то, очевидно, что сходка состоялась не случайно, вследствие прихода депутатов, а была заранее назначена".

Полицией была взята с главного механика подписка с обязательством немедленно известить в случае повторения каких-либо собраний и потребован список всех рабочих, с указанием их звания и адресов.

На одном разрешенном полицией собрании (в марте 1907 г.) рабочих всех станций и сети обсуждался вопрос о создании профессионального союза рабочих городских водопроводов. Был разработан проект устава [1]), который не был утвержден на том основании, что в предприятии общего пользования „перенесение на профессиональное общество права выяснять размеры заработной и других условий в данной профессии" „грозит возможностью нарушения нормального строя предприятия", тем более, что „профессиональное общество не может в своей деятельности преследовать

---

[1]) Проект устава и мотивированное заключение городской думы—см. в „Известиях С.-Петербургской Городской Думы" за 1907 г., № 40.

цели, несовместные со служебными отношениями и с существующим порядком" в городских предприятиях.

В октябре 1907 г. среди рабочих Главной станции происходило брожение, угрожавшее перейти в забастовку. С 7 октября водопровод усиленно охранялся. С 10 октября для охраны водопроводной станции была послана полицейская рота с ружьями. Наряды полиции стояли, как вне, так и внутри служб Главной станции. 10 октября полиция явилась в одну из мастерских, где происходило собрание рабочих, и произвела аресты. Кроме того был, у себя на квартире, арестован рабочий Главной станции Краснопольский за агитацию среди рабочих. В двадцатых числах октября брожение еще не улеглось и полицейские не уведены. Попытка рабочих подать прошение градоначальнику об освобождении Краснопольского не увенчалась успехом [1]).

По донесению агентов охранного отделения от 31 мая 1912 г., предстояла забастовка рабочих Главной станции совместно с рабочими и служащими других городских предприятий. По тем же сообщениям от 8 июня 1912 г. „брожение среди городских служащих улеглось и ожидать забастовок в ближайшее время едвали возможно" [2]).

По сведениям охранного отделения рабочие городского водопровода предполагали в октябре 1913 г. подать городскому самоуправлению следующие требования: 1) выдача квартирных денег ежемесячно, начиная с 1 января 1913 г.; 2) ежегодный отпуск на 1 месяц с сохранением содержания всем рабочим; 3) установление определенного оклада жалованья для рабочих всех категорий; 4) прогрессивные прибавки жалованья для рабочих всех категорий в размере 10% годового содержания; 5) ежегодная правильная, без задержки, выдача двух холстинковых костюмов и одного суконного, зимнего, и двух шапок—зимней и летней; 6) выдача расчетных книжек с правилами внутреннего распорядка; 7) сохранение полного содержания во время отпусков по болезни в течение шести месяцев; 8) выдача пособий на обучение детей рабочих; 9) организация ссудо-сберегательной кассы рабочих городского водопровода и т. д. [3]).

В 1914 г. управляющий городскими водопроводами поставил на вид помощнику главного механика, что „5 мая на Петербургской станции состоялось собрание рабочих. Собрание произошло по поводу, совершенно недопустимому, указывающему на полное отсутствие у рабочих заречных станций понятий о дисциплине и служебном долге".

Макс Гордон.

---

[1]) См. „Новое Время" от 11 октября, „Сегодня" от 12 октября и „Русь" от 23 октября 1907 г.

[2]) Дело № 61 по 4-му делопроизводству департамента полиции „Рабочее движение. По С.-Петербургской губернии" за 1912 г.

[3]) Дело № 61 по 4-му делопроизводству департамента полиции „Рабочее движение. О волнениях среди служащих трамвая, городского водопровода, пожарных и рабочих центральной электрической станции" за 1913 г.

Из истории крестьянского труда в древней Руси.

I.

Исходную точку в аграрной истории древней Руси составляет предположение, что первоначально землевладелец и земледелец совпадал, являлся одним и тем же лицом, что население обрабатывало землю, которая ему же и принадлежала. Прямых подтверждений этой гипотезы у нас не имеется, косвенным же являются статьи о верви, содержащиеся в „Русской Правде" и изображающие союзы общинного характера, в которые об'единялось сельское население древней Руси.

Слово „вервь" Карамзин производил от германского hwarf, означающего округу или волость, с которой шла вира (по более новым об'яснениям hwarf значит народное собрание, вече); Мрочек-Дроздовский выводил это название от веревки, вервия, указывая на то, что в грамотах участки пашни измеряются веревками и вервями („отняли у нас, государь, деревенку..., и пашни, государь, в ней пять веревок"), и что нашему языку свойственно называть население по тому земельному пространству, на котором это население живет, почему вервь есть вместе с тем та земская община, которая живет и сидит на этой земле [2]). По И. М. Собестианскому [3]) вервь обозначает в древности и веревку и род, подобно тому, как латинское linea и французское la ligne употребляются в смысле не только измерения, но и связи родства [4]).

Как бы то ни было, вервь по „Русской Правде" являлась территориальной единицей, на которой лежала круговая ответственность как за убийство, так и за некоторые виды кражи. „Аже кто убиеть княжа моужа в разбои, а головника не ищоуть, то вервьноую платити в чей же верви голова лежить, то 80 гривен; аще ли людин, то 40 гривен" (ст. 3). Но обязанность платить виру только тогда возлагается на вервь, когда последняя не желает выдать (или по другим толкованиям—не старается отыскать) убийцу, причем платит та вервь, в которой найден убитый. Однако и в том случае, когда убийца известен, не он один платит виру, а вервь помогает ему в этом, уплачивает „дикую виру", т.-е. платит ее сообща и

---

[1]) Карамзин, История Государства Российского. т. II, прим. 72.

[2]) Мрочек-Дроздовский, Исслед. о „Русской Правде" (1855) стр. 134 сл. (сл. „вервь").

[3]) Собестианский, Круговая порука у славян по древним памятникам их законодательства (Изд. 2-е 1888), стр. 115 сл.

[4]) Павлов-Сильванский (Сочинения, т. III) прибавляет, что и в Англии в некоторых местах судебный округ называется rape, что значит веревка, и по его мнению, вервь хотя и происходит от веревки, но не как средства измерения, ибо границы в те времена не межевались, а от веревки, которой ограждалось место схода—отсюда оно (подобно слову погост) перешло на общину и ее землю.

за чужую вину. Сумма эта получается путем добровольной раскладки между членами верви („тако ему платити по вервинне, еже ся прикладывають вирою"). Однако это участие верви предполагает, что виновный раньше вносил свою часть в общую складчину, если же кто-либо не вносил своей доли в дикую виру („аже кто не вложится в дикую вину и виру"), тому людие не помогають, но сам платить" [5]). Из последнего видно, что вервь представляет собой постоянный союз, производящий раскладку своих платежей между своими членами.

Ответственность верви имеет место и в некоторых других видах преступлений, именно в случае кражи бобра (вернее недозволенной ловли бобров в чужом лесу) или в случае уничтожения межи, бортей и т. д.; в этих случаях „по верви искати к себе татя, а любо продажа платити". Если община откажется искать вора, „то тем платити и татьба и продажа" (ст. 88).

П. А. Соколовский обращает внимание на то, что не только самое название верви, означающее меру длины, указывает на ее поземельное значение, но и упомянутые статьи „Русской Правды". „Сравнивши эти положения с другими статьями, относящимися к нарушению прав собственности, мы найдем, что в тех случаях, когда приходилось преследовать нарушение прав, связанных с поземельным владением, напр., если были попорчены или уничтожены борти, древо на межи, знамение на земли, „им же ловлено", бобры, сети в местах ловли и т. п., вообще когда нарушены были права на предметы, выходящие за пределы непосредственного личного владения и охранения, то вора искали „по верви", т. е. при участии всей общины, и, в случае его исчезновения, вервь платила 12 гривен продажи. Напротив, если дело шло о краже оружия, коней, скота и челяди, т. е. предметов личной собственности, то община не помогала при отыскании вора [6]), а истец должен был действовать самостоятельно [7]).

Однако, на ряду с крестьянскими землями мы находим уже в отдаленные времена и земли частновладельческие—княжеские, боярские, церковные и монастырские владения.

Церкви и монастыри весьма рано уже обладают землями. Не касаясь спорного вопроса о существовании церковных земель при Владимире Святом и Ярославе [8]), мы можем во всяком случае установить, что по словам летописи, в 1031 году Антоний Печерский просит Изяслава о пожаловании ему горы под монастырь (Киево-Печерский), „Изяслав же посла муж свой и вда им гору ту" [9]). Имущество последнего стало быстро расти. Под 1096 г. летопись уже сообщает, что монастырь получил и вклад в виде церкви св. Дмитрия с

---

[5]) Соловьев производит „дикий" от „общий", Дубенский от „чужой", Карамзин спис. Русск. Правды, ст. 3—6. См. Goetz. Das Russische Recht. III, 27 сл. Филиппов Учебник истории русского права, I (1907), стр. 218 сл.

[6]) Соколовский. Экон. быт земледельческого населения России (1878 г.), стр. 124.

[7]) О верви см. Лешков, Народ и государство, стр. 104, 110 сл. 114 сл.—Погодин, Исследования, замечания и лекции о Русской истории, III, 384.—Ясинский, Село и вервь Русской Правды (1906).—Леонтович, О значении верви по Русской Правде (Журн. Мин. Нар. Просвещ. 1867, IV). Сергеевич, Лекции и исследования по древней истории русск. права (1903), стр. 246.—Паппо-Данилевский, Очерк истории образования главн. разряд. крест. населения в России (1905), стр. 8.—Ведров, О денежных пенях по Рус. Правде (Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1876, II, 92). См. также указ. выше соч. Собестианского, Филиппова, Мрочек-Дроздовского, Павлова-Сильванского.

[8]) См. Милютин, О недвиж. имуществах духовенства в России, 24 сл. — Горчаков, О земельн. владениях всероссийских митрополитов (1871), стр. 45 сл. — Блюменфельд, К вопросу о землевладении в древней России (1884), стр. 105 сл.

[9]) Полное Собрание Русск. Летописей, I, под 1031 г.

селами („двор монастырьский Печерьского монастыря и церкви, яже тамо есть святаго Дмитрея, юже дал Ефрем и с селы"). Летопись упоминает под 1172 г. и о том, что киевской десятинной церкви принадлежал город Полонный („приехажа к Полоному к святей богородице к граду Десятинному") [9]. Андрей Боголюбский в 1158 г. заложил церковь св. Богородицы во Владимире „и да ей много именья... и села лепшая" [11]. К XII ст. относится и ряд грамот, снабжающих церкви и монастыри землею: такова грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода Юрьеву монастырю о пожаловании земли (1130 г.) [12], грамота Смоленского князя Ростислава Мстиславича (1150 г.), данная епископии смоленской, передающая св. Богородице села, земли, сенокосы, озера, с бортниками и с изгородиями [13]), вкладная грамота Варлаама Хутынского монастырю (1192 г.): „се вдале Варлааме святомоу Спасоу землю и огород и ловища рыбныя и гоголиная и пожни... и с челядью и с скотиною" [14]), духовное завещание преп. Антония Римлянина (перв. пол. XII века), где сообщается о приобретениях, сделанных для монастыря: „дал есмь на землю и на тони 70 гривен, на селе есмь дал гривен сто на Волховском" [15]). Только последняя из этих грамот, облеченных в письменную форму, ибо церковь старалась придать им возможно большую крепость [16]), упоминает о покупке монастырем имущества, во всех же остальных приведенных случаях имущество присбретено безвозмездно. Церковь предпочитала у нас, как и на Западе, этот способ расширения своих владений путем пожалований, вкладов и духовных завещаний.

В источниках XII столетия упоминаются и земли боярские, населенные челядью. „И розграбиша Кияне с Из'яславом—читаем в летописи под 1146 г.—домы дружины Игореви и Всеволоже и села, и скоты, изяша именья много в домех и в монастырех" [17]). „Изяслав же рече дружине своей: вы есте ко мне из Русскые земли вышли, своих сел и своих жизней лишився" [18]) (1150 г.). Владимирцы, одержав победу над ростовцами, „села болярьская взяша, и кони, и скот" [19]) (1177 г.). Князь рязанский Глеб напал с половцами на Владимирскую землю „и села пожже боярьская, а жены и дети и товар да поганым на щит" [20]) (1177 г.).

„Существование княжих дворов и сел с сотнями челяди, с конскими табунами и стадами скота, с земледельческим хозяйством устанавливается—как указывает А. Е. Пресняков—уже на основании источников XI—XII ст. Домашнее и сельское хозяйство княжое велось преимущественно трудом челяди, трудом холопским, под надзором тиунов огнищных, сельских, ратийных, конюших и рядовичей" [21]). Об этом княжеском хозяйстве, княжеском имуществе, княжеских селах трактует „Русская Правда" сыновей Ярослава, установленная на с'езде князей вместе с их четырьмя мужами между 1054 и 1073 г. Князья говорят в ней только о своих мужах, своих тиунах (управляющих), своих старостах, о своих конях и бортях и не ка-

---

9) Лаврентьевская летопись, 230. Ипатьевская, 338.
10) Ипатская летопись, 381. Лаврент., 330.
11) Владимирский-Буданов, Христоматия, I, стр. 131 сл.
12) Дополнения к Актам Историческим, I, № 4.
13) Там же, № 5.
14) Владимирский-Буданов, Христ. I, 133.
15) Неволин, Полн. Собр. Соч. IV, 47 сл. Дебольский, Гражданская дееспособность по русскому праву, 1903, стр. 311.
16) Ипат. лет. 1145 г.
17) Там же, 1146 г.
18) Лаврент. лет., 362.
19) Там же, 364.
20) Пресняков, Княжое право в древней Руси (1909 г.), стр. 274.

саются людей и имущества других лиц [22]). Княжеские мужи, холопы, кони, борти, очевидно, подвергались не раз нападениям, если их считали нужным оградить повышенной вирой; устанавливается же повышенная вира за княжеского конюха (80 гривен) со ссылкой на то, что это „уставил Изяслав в своем конюсе, его же убили Дорогобудьци" [23]). Такая же высокая вира в 80 гривен, в противоположность обычной вире в 40 гривен за убийство, определена за княжеского под'ездного (по одним об'яснениям это дружинник, по другим—начальник княжеской охоты), за княжеского тиуна, наконец, за огнищанина. В пространной „Правде" эти частные постановления, касающиеся отдельных княжеских служащих, распространены (80 гривен за голову) на всех княжих мужей, высший класс дружины княжеской [24]).

Среди этих привилегированных лиц, охраняемых двойной вирой, обратил на себя уже давно внимание исследователей „огнищанин". В то время как Татищев в XVIII веке, исходя из слов „огонь", определял огнищанина огневщиком или об'ездником, пожарным (брандмейстером) Успенский в 1818 г. указывал на то, что огнищем именуется выжженная в лесу полоса земли, а огнищанами выжигатели, следовательно, это—земледельцы, выжигающие лес под пашню [25]). Эверс (в 1826 г.) производит огнищанина, напротив, от огнища в смысле очага, так что получается владелец собственного очага, глава семьи, причем,—прибавляет он,—этот термин употребляется и в смысле боярина [26]).

Но уже Беляев, имея в виду высокое положение огнищанина, находил, что это не просто земледельцы, а крупные землевладельцы, которые сделали себе собственными средствами огнище, расчистив дикий лес под пашню и населив занятое место земледельцами,—это бояре-собственники [27]). К понятию боярина приходит и Соловьев, но исходная точка его иная—огнище не в смысле спаленного леса, а в смысле очага, дома, двора, но не просто очага, а очага княжеского. „Огнищанин должен означать человека, который живет при огнище княжеском, домочадца княжеского, человека близкого к князю, его думца, его боярина". Он сопоставляет „огнищанина" с позднейшим „дворянином", означающим „человека, принадлежащего ко двору", дому княжескому, а не имеющего свой дом или двор; следовательно, и под огнищанином нет нужды разуметь человека, имеющего свое огнище". К этому выводу Соловьев приходит на основании сопоставления источников: „единственное средство об'яснить это название — посмотреть, как оно заменяется в других списках Правды и в других летописях". Оказывается, что огнищанин краткой Русской Правды заменяется выражением „княж муж" в пространной Правде (ст. 3), а огнищанам одних летописных рассказов соответствуют бояре в других [28]). Эти соображения побудили и других авторов принять об'яснение Соловьева, признать огнищанина княжьим мужем высшего разряда, старшим дружинником, боярином [29]), хотя одни подчеркивают главным образом характер его в качестве дружинника, члена огнища своего вождя, другие положение (земского) боярина, крупного землевладельца.

[22]) Павлов-Сильванский, III, стр. 86, 459, а также: Пресняков, стр. 290.
[23]) Академич. спис., 21
[24]) Академ. спис. 18—21, Карамз. спис. 1, 3, 10.
[25]) Продолж. Древн. Русск. Вивлиоф. Ч. I. 1886 г. См. старые об'яснения у Мрочек-Дроздовского. Чтен. Прил. VII и VIII. 117 сл., 133 сл.
[26]) Ewers. Das älteste Recht der Russen. 1826, p. 310.
[27]) Беляев, Разсказы из русск. истории, т. II, стр. 50. Лекции по истории русск. законод. (1888), стр. 53.
[28]) Соловьев, История России, т. I, стр. 222.
[29]) См., напр., Костомаров. Северно-русские народоправства, т. I, стр. 20. Владимирский-Буданов. Обзор ист. русск. права (Изд. 3), стр. 31. Павлов-Сильванский, III, стр. 457, 460. Пресняков, стр. 230, Goetz. B. II. 18. 33.

Самый термин этот встречается лишь в четырех статьях „Русской Правды", где говорится об убийстве огнищанина, и кроме того только в Новгородской синодальной летописи (ни в других летописных сводах, ни в иных памятниках его нет), причем и тут всего три раза и все в одном и том же сочетании: огнищане, гридь и купцы—старшая дружина, младшая дружина или воины и купцы. Князь Ростислав (в 1166 г.) „позьва новгородци на поряд: огнищане, гридь, купце вячшее". В 1195 г. новгородцы „идоша с княземь Ярославомь огнищане и гридьба и купци". При нападении литовцев на Русу (1234 г.) „сташа Рушане и засада огнищане и гридьба и кто купьць и гости" [30]). Напротив, в Лаврентьевской и других летописях при перечислении классов населения читаем: (996 г.) „боляром и гридем", (под 1177 г.) „боляре и гридьбу".

По А. Е. Преснякову, огнищанин этимологический (и социальный) близнец северо-германского hirdhmann'a, член дома (hird — дом) своего вождя-familiaris, domesticus: „никто же бо от бояр, кто ему служил и хлеб его ел и чашю пил и дары имал" (Лаврент. Летоп. под 1237 г.)—это и есть боярин-огнищанин [31 32]).

Однако нельзя упускать из виду и весьма существенного указания на то, что в славянском переводе „Слова Григория Богослова", относящемся к XI веку, к эпохе краткой „Русской Правды", греческое слово „раб" (andrapodon) переведено словом „огнище"—„грьдящеися многы огнищи и стады". Ключевский делает из этого вывод, что огнищане были рабовладельцами [33]). А. Н. Филиппов комбинирует это толкование с об'яснением (более старым) огнища в смысле пашни, расчищенной путем выжигания леса, и приходит к тому выводу, что огнищанин означает землевладельца, с одной стороны, рабовладельца, с другой. „Оба эти понятия были очень тесно связаны между собой... и очень подходят к тому общественному положению, которое занимали земские бояре в IX—X ст." [34]). М. А. Дьяконов также исходит из понятия огнища в смысле „домашней челяди как необходимой принадлежности всякого хозяйства. Такое перенесение названия главного предмета на существенную его принадлежность об'ясняет, почему исторические памятники XI—XIII в.в. называют огнищанами только крупных домохозяев". В результате он признает, что „термины огнищанин и боярин очень близко соответствуют один другому" [35]).

Таким образом, из какого бы об'яснения мы ни исходили, мы все же получаем тот вывод, что огнищанин есть, с одной стороны, землевладелец и крупный домохозяин, а с другой—дружинник, „княж муж", боярин, причем хозяйство его, как видно из источников, покоится на рабском труде, на холопах, на челяди.

---

30) Новгород. летоп. 146, 170, 244.

31) Пресняков, стр. 231. Б. А. Романов [Смердий конь и смерд (Извест. Акад. Наук. Отд. русск. яз. и словесн., 1908, кн. 3, стр. 30)] сопоставляет огнищанина как с северо-германским hirdmeann, huskarlar, так и с gardingi (gards-domus) вестготов и вандалов, с саксонским hagustaldos, с вестготским bucellarius.

32) Как указывает Мстиславский (Огнищанин и княж муж, Чтения в Обществе ист. и древн., 1860, IV, стр. 27), новгородские огнищане жили на торговой или славянской стороне Новгорода, в Славенском конце его, там, где летописи показывают берег, известный под именем Княжанского. Они составляли, следовательно, особую группу населения.

33) Ключевский, Опыты и исследования, стр., 292.

34) Филиппов, Учебн. истор. русск. права, I, стр. 195.

35) М. А. Дьяконов, Очерки обществ. и государств. строя древней Руси (4 изд.), стр. 75 сл.

II.

Главной рабочей силой древней Руси являются рабы—они упоминаются под названиями — челядь, челядин, домочадцы, аналогично греческому dmoes (как именовались рабы), холоп (мужчина), обельный (полный) холоп или просто обель (одьрень), роба (женщина; слова раб не было)—робить, роботить, по „Русской Правде", обращать в рабство. Рабство, повидимому, играло большую роль в хозяйстве того времени. Как земледельческие работы, так и прочая хозяйственная деятельность возлагалась на рабский элемент. Не только низшие слуги и сельские работники, но и управители—тиуны и ключники, ведавшие хозяйством, состояли из рабов; только им и доверяли дом, двор и хозяйство. В то время, как о прочих видах населения, как, напр., о смердах, закупах, изгоях, изорниках, находим сравнительно скудные упоминания, вызывающие много споров и сомнений, „Русская Правда" напротив, подробно останавливается на рабах, посвящает им ряд статей, старается определить их юридическое положение, предусмотреть всевозможные случаи столкновений между ними, с одной стороны, и их господами и третьими лицами, с другой. Очевидно потребность в такой нормировке ощущалась, институт рабства был широко распространен и накладывал свой отпечаток на всю жизнь того времени. „Русская Правда" упоминает о холопах княжеских, боярских и монастырских („оже боудеть холопи тати любо княжи любо болярьскыи, любо черньцевы") [36]—их земли обрабатывались холопами. Это подтверждается и летописью. Князь Глеб Всеславич оставляет „княгини 5 сел и с челядью", а она передает их после смерти Печерскому монастырю. Села, населенные челядью, следовательно, переходят от князя к монастырю [37]. В конце XII ст. Варлаам дает Хутынскому монастырю землю „и с челядью и с скотиною" [38]—челядь такая же неот'емлемая принадлежность земли, как скот. О боярских селах, эксплуатируемых челядью, сообщает и летопись под 1269 г., когда новгородцы разграбили дворы посадника, „а села их распродаша и челядь, а скровища их изыскаша и поимаша бещисла" [39].

Точно также при занятии Киева Мстислав Изяславич отнимает много добра у дружинников Изяслава „золота и серебра, и челяди, и коней и скота" [40]; челядь составляет такое же богатство бояр, как золото и серебро и скот. В этих ценностях выражается богатство того времени.

Еще большее значение имела челядь в хозяйстве князя. Захватив двор черниговского князя Святослава, Изяслав нашел в скотницах и амбарах много богатства, в погребах 500 берковцев меду и 80 корчаг вина „и челяди 7 сот" [41]. Очевидно, имелись крупные княжеские хозяйства, которые велись при помощи большого количества несвободной рабочей силы, обрабатывавшей землю, занимавшейся бортничеством. У таких земледельческих рабов св. Феодосий учится работе; желая начать подвижнические труды, он считает нужным „исходити ему с рабы на село и делати с всяким смирением" [42]. В договоре между Изяславом Мстиславичем и Давыдовичам и 1146 г. челядь является одним из главных предметов соглашения: „Что же будет Игорева в той волости, челядь ли, товар ли, то мое, а что

[36]) Карамзинск. список, 43.
[37]) Ипатовская летоп. 1158 г.
[38]) Дополнения к Актам Историческим, т. I. № 5.
[39]) Летоп. Синодальн. 191.
[40]) Ипатовск. летоп. 1159 г., стр. 344.
[41]) Там же, 1146 г., стр. 237.
[42]) Яковлев, Памятн. русской литературы, стр. V. Дьяконов, Очерки обществ. и государств. строя древн. Руси, стр. 79.

будет Святославле челяди и товара, то разделим на части" [43]). Челяди придается здесь большое значение как имущественной ценности, как это видно и из договора между Юрием Долгоруким и Изяславом Мстиславичем 1149 г., согласно которому все награбленное во время предшествующей междуусобицы должно быть возвращено по принадлежности: это „все"— стада и челядь (что будет пограблено, или стада, или челядь, что ли кому будеть свое познавши, поимати же по лицю") [44]). Поэтому-то князья во время своих постоянных походов грабят челядь и скот („ополонившеся челядью и скотом"); Владимир Мономах, взявши город (Минск), „не оставихом у него ни челядина, ни скотины". Это обычное выражение, которое равносильно захвату всего имущества [44а]). „Как видим,—прибавляет М. Н. Покровский,—для полного и совершенного опустошения русских областей не было ни малейшей надобности в татарском нашествии". И князья действовали впоследствии „вовсе не как ученики монгольских завоевателей, а как продолжатели старой и почтенной истинно-русской традиции" [45]).

Холопство принадлежит к числу древнейших исконных институтов русского права и хозяйства. Уже в конце VI века византийский император Маврикий упоминает о рабах, имеющихся у задунайских славян; это пленники, хотя в отличие от остальных народов, по истечении известного срока, пленникам дается возможность выкупиться на волю и либо вернуться на родину, либо остаться среди славян в качестве вольных людей [46]). Плен являлся всегда главным и наиболее обильным источником рабства. Это явление мы находим у всех народов. О пленниках упоминается в договорах Руси с греками X ст. Они могут выкупаться на волю за определенную „челядинную" цену [47]). Такса эта определена для пленника, по договору Олега 911 г. (ст. 9 и 11) в 20 золотников, по договору Игоря 945 г. (ст. 7) понижена до 10 золотников для русских, а для греков в 10 зол. и ниже, смотря по возрасту. Случаи захвата в плен встречаются неоднократно и в летописях, причем пленников уводят не только во время войн с иноземцами, но и при завоевании других русских земель. Это ведь были тоже иноземные государства. Ольга, взяв у древлян их город Искоростень, одних перебила, других обратила в рабство („прочая люди овых изби, а другие работе предасть мужем своим")—обычный способ ведения войн в те времена. Но так же поступает и Андрей Боголюбский во время похода на Новгород: „много зла створиша, села взяша и пожгоша и люди посекоша, а жены и дети и имения взяша и скоты поимаша". В древности мужчин нередко совершенно истребляют и только женщин и детей вместе с драгоценностями и скотом забирают в плен. Как много уводилось пленников, можно усмотреть, напр., из того, что в 1169 г. новгородцы захватили такое множество пленных, что „купляху суждальцы по 2 ногате". „Если принять во внимание, что в ту пору коза и овца ценились по 6 ногат, свинья в 10 ногат и кобыла в 60 ногат, то цена пленника в 2 ногаты должна быть об'яснена лишь крайней нуждою поскорей сбыть черезчур обильный товар" [48]).

Пленных, следовательно, продавали в рабство, и так как войны происходили почти непрерывно, то и совершалось такое постоянное переме-

---

[43]) Ипатовск. лет. 1146 г., стр. 239.

[44]) Ипатовск, 1149 г., стр. 274—Мрочек-Дроздовский, Учен. Записки стр. 285.

[44а]) Ипатовск, стр. 412, 466.—Лаврент. Летоп. 1096 г., стр. 239.

[45]) Покровский. Русская История. I (изд. 3-е), стр. 64.

[46]) Ключевский, Опыты и исследования, стр. 291.

[47]) Владимирский-Буданов, Христоматия I.

[48]) Дьяконов, Очерки, стр. 105.

щение населения из свободного состояния в несвободное. Все это продолжалось еще и значительно позже. Когда Иоанн III в 1471 г. отправлялся в поход на Новгород, то войско его, „пленующе и жгуще и люди в плен ведуще". Из княжеских договоров видно, что князья считают своим правом продать пленника, но в то же время появляются и постановления, возлагающие на них обязанность отпустить пленных на волю и выкупить подданных из плена, обе стороны обязуются отпустить пленных [49]): „Что будет у тебе того моего полону, или у твоих бояр или у детей боярских, и тебе тот мой полон весь отдати по сему моему целованию. А кто будет того полону запродан за рубеж, или инде где, и тебе тот полон выкупити весь безхитростно" (пол. XV ст.).

На ряду с пленом было однако еще много других случаев возникновения рабства. Дети, рожденные от рабов, суть рабы: „от челяди плод или от скота" [49а]) ставится наравне естественный прирост того и другого. Совершение различных преступлений—убийства в разбое, поджога и конокрадства—приводило к потоку и разграблению, но оно же могло влечь за собой обращение в холопы. Князь мог „повелить разграбити с жоною и детьми", но он же мог отнять „жоноу и дети оу холопство" [50]). В холопы превращался и несостоятельный по своей вине должник. Кредиторы решали „ждоут ли ему, продадоут ли его—своя им воля" [51]). Но и этим дело не ограничивалось. Наряду с принудительным холопством, возникавшим в указанных случаях, было еще и холопство добровольное. На нем специально останавливается „Русская Правда", придавая ему, очевидно, существенное значение. В отделе о „холопстве" она перечисляет три случая („а холопьство обельное трое"). Такова женитьба на рабе без особого договора с ее владельцем („поиметь робу а без рядоу"), далее самопродажа в присутствии свидетелей („оже кто то купить хотя и до полугривны, а послухы поставить, а ногату дасть пред самем холопом, а не без него), наконец поступление в тиунство (что символически совершается посредством привязыванья ключа) без договора („тиоуньство без ряда или ключь к себе привяжеть") [52]).

Обо всех этих случаях необходимо было особо упомянуть, ибо холопство в каждом из них наступало лишь при наличности определенных, указываемых законом, обстоятельств—именно при отсутствии особого соглашения (в первом и третьем случае) и при наличности свидетелей, публичном характере самопродажи, вероятно на торгу (во втором случае).

Все эти способы, повидимому, в широких размерах создавали холопство, приводили к включению в число холопов все новых и новых элементов. Древнему времени, как справедливо указывает В. И. Сергеевич, была чужда всякая забота об ограждении свободного состояния человека, ему предоставлялось, если он находил это для себя выгодным, продавать себя в рабство [53]). Особенно сильно такое превращение в холопы совершалось, повидимому, под влиянием столь частых в то время голодов, когда родители за хлеб отдавали своих детей и отдавались сами в холопы („одьрен из хлеба гостем").

„Русская Правда" содержит специальную статью, которая должна предупредить обращение в рабство. „Вдачь (а в даче) не холоп, а инии

---

[49]) Собрание Госуд. Грамот и Договоров I. №№ 43, 47 и 48. См. Юл. Гессен. Пленные на Руси в период княжеских междуусобий („Вестник Красного Креста", 1917 г., кн. 2—3).

[49а]) Карамзин, ст. 111.

[50]) Смоленский договор с немцами 1229 г. ст. 11.

[51]) Карамзин, список, ст. 68.

[52]) Карамзин, список, ст. 119—121.

[53]) Сергеевич, I, стр. 133.

(и ни) по хлебе робять, ни по придаце; но ожо не ходять год то ворочати емоу милость; отходить ли, то не виноват есть". Одни понимают эту статью в том смысле, что за ссуду хлеба или денег никто не должен быть обращен в холопство, другие усматривают здесь работу за хлеб, которая не должна порабощать человека; за эту милость он год работает, а затем свободен [54]). Как бы то ни было, во всяком случае речь идет о случаях, когда голодные или задолженные люди легко могли потерять свою свободу. Сильные мира сего стремились всячески к присвоению личности бедняка, к охолопливанию населения, по выражению И. И. Яковкина [55]).

Как признано всеми исследователями, „в древнейших памятниках русского права холопство является суровым институтом", „рабство принималось в самом строгом смысле", „первоначально права господина не подлежали никаким ограничениям", „древнее право берет под свою защиту рабовладельческие права от посягательств со стороны посторонних лиц, но ничем не ограждает интересов холопов" [56]).

В самом деле, по „Русской Правде", за убийство раба не полагается наказания (виры) как за свободного человека. Оно рассматривается лишь с точки зрения убытка, нанесенного его господину. Поэтому убивший обязан был уплатить стоимость раба и штраф в пользу князя, продажу, взыскиваемую за имущественные правонарушения, напр. (в том же размере), при истреблении лошади или коровы: „а в холопе и в робе виры нету; но оже боудет без вины оубиен то за холоп и за робу платити оурок, а князю продажи 12 гривен" [57]). Однако и это имеет место лишь в случае, если убийство совершено без всякой вины со стороны раба. Так что за вину и чужого холопа можно было безнаказанно убить. Тем более, конечно, могли безнаказанно убивать своих холопов господа, которые тем самым ничьих интересов кроме своих собственных не нарушали.

Принцип, что рабы составляют собственность господ, выражается в том, что господин имеет право искать пропавшего или украденного раба, причем иски о возвращении рабов не погашаются—они вечны: „от века суд" („выдати по исправе от века") [58]).

Из того же положения, что раб не является лицом, вытекало и то, что он, как всякое животное, мог лишь причинить убытки своими действиями, причем за него отвечал господин, сам же он никакой ответственности не нес. Это происходит как в случае кражи („оже боудеть холопи тати их же князь продажею не казнит, зане же соуть не свободни"), так и в том случае, если холоп добудет обманом деньги („вылжет куны"). Господин обязан либо уплатить „урок", либо выдать его, „лишиться его" [59]). И в последнем случае едва ли наступала личная ответственность холопа: если сумма превышала цену раба, то господин отдавал его так же, как он отдавал животное, причинившее вред, или какую-либо иную вещь. Еще в грамоте 1571 г. о разбоях читаем, что в случае, если в них повинны боярские люди, т. е. холопы бояр, „старостам за тех людей имати выти в полы истцовых исков на государех их, чьи те люди" [60]).

---

[54]) Владимирский-Буданов, Христ. I, стр. 18. Прим. 160. Обзор. 396 Сергеевич, I, стр. 191. Мрочек-Дроздовский, Исслед. стр. 247. Дьяконов, стр. 107.

[55]) Яковкин, Закупы Русской Правды (Журн. Мин. Нар. Пр., 1913, IV. 277].

[56]) Ключевский, Опыты и исслед. стр. 291. Владимирский-Буданов, Обзор. Сергеевич, Русск. юридич. древн. I (1 изд.) стр. 111. Дьяконов, Очерки. 107—08. Чичерин, Холопы и крестьяне в России до XVI в. Опыты по истории русск. права 1858, стр. 153. Goetz, IV, 105. Дебольский, 54 сл.

[57]) Карамзин. список, 102, ст. 98.

[58]) Там-же, 27, 34—36, 123—126.

[59]] Там же, 43, 127, 132.

[60]) Акты Археографич. Эксп., I. № 281.

Все исследователи указывают однако, что бесправное положение рабов под влиянием церкви улучшается. Духовенство вооружается против людей, которые „томят челядь свою гладом и ранами", и приравнивает их к еретикам, блудникам, татям и разбойникам. От таких господ, если они потом желают успокоить свою совесть богатыми вкладами в пользу церкви, не следует принимать никаких приношений. „Челядь же свою такоже милоуй, дать им потребная; показай же я на добро, не яростию, но яко дети своя". В особенности церковь восстает против произвольного убийства рабов: „аще кто челядина убиет, яко разбойник эпитемью примет". С другой стороны, смотря на брак, как на таинство, церковь начинает применять это отношение и к рабам. Из византийских источников на Русь проникают новые принципы: церковь требует обязательного дарового отпуска на волю рабы, прижившей детей со своим господином, или потерпевшей от совершенного над ней насилия, как и холопа, которому господин причинил увечья. Тем самым духовенство старается увеличить число отпускаемых на волю [61]).

Однако, в то же время не следует упускать из виду, что церковь вообще говоря признавала самый институт рабства, мало того, сами монастыри имели холопов, трудами которых они пользовались. В „Русской Правде" упоминается о „черньцевых" холопах; получая от князей в дар земли, населенные холопами, церковь и не думала отпускать последних на волю. Мало того, и предъявляя те или другие требования, церковь шла на большие уступки. Когда в половине XII ст. Кирик высказывал мысль о принудительном и даровом освобождении холопок, которых господа превращают в своих наложниц, то еп. Нифонт на это отвечает, что такого обычая нет и готов довольствоваться принудительной продажей такой рабы—если заставить такого господина продать рабу, то это послужит другим уроком [62]).

В светское законодательство вошло только два постановления, в которых можно усматривать следы влияния церкви. Одно содержится в „Русской Правде" и гласит, что дети, рожденные от рабы, после смерти отца их получают свободу вместе с матерью своей, однако никаких прав на наследство они не имеют: „аще боудоуть рабьи дети от мужа, то задници им не имати; но свобода им с матерью" [63]). По уставу Всеволода о церковных судах XII ст. им предоставлено лишь право на выдел, на „робичичю часть" („конь да доспех и покрут") [64]). Другое вошло в договор Новгорода с немцами конца XII в. и предоставляет рабе, потерпевшей насилие, свободу („паки ли соромить, собе свободна") [65]). Однако, судя по тому, что оно включено в договор с немцами, возможно предполагать, что это правило распространялось лишь на случаи насилия немцами, приезжавшими в Новгород, над имевшимися у них русскими рабами, так что область применения его оказывалась весьма ограниченной [66]). Что же ка-

---

[61]) См. Русск. Истор. Библ., VI, стр. 124. Сергеевич, Русск. Юридич. древн. I, стр. 112 сл. Ключевский, Опыты и иссл., стр. 224 сл.—Дьяконов, стр. 110, сл.

[62]) Русск. Ист. Библ., т. VI, стр. 42. Ключевский. Опыты, стр. 301.

[63]) Карамзинск. спис., 110.

[64]) Устав вел. кн. Всеволода о церковных судах и о людях и мерилах торговых 1125—1136. (Владимирский-Буданов, Христоматия I, стр. 247).

[65]) Договор Новгорода с немцами 1189 г., ст. 14.

[66]) Как справедливо указывает В. И. Сергеевич, речь может идти только о насилии собственной рабе, иначе рабство вообще не могло бы удержаться (I. 113). Насилия русских над рабами—немками едва ли могли иметь место, ибо таких почти не было в Новгороде, следовательно, все сводится к русским рабам, купленным приезжими немецкими купцами.

сается убийства холопов, то влияние церковной проповеди в этом отношении оказалось еще меньшим, как можно усмотреть из постановления Двинской судной грамоты, согласно которому неумышленное убийство (а на него можно было всегда сослаться) холопа господином не наказуемо („а кто господарь огрешится, ударит своего холопа или робу, и случится смерть, в том наместници не судят, ни вины не емлют") [67]).

Но в то же время из статей „Русской Правды", трактующих об ответственности господ за своих холопов, видно, насколько разнообразна была деятельность последних. Так, упоминается о том, что господин поручает холопу торговлю от своего имени, и холоп при этом делает долги („оже кто поустит холопа в торг, а должаеть, то выкупати его господину"), или же холоп сам, уйдя от господина (находясь в бегах) приобретает товары и делает долги („оже холоп бегая добоудеть товару, то господину холоп и долги, господину же и товар"). Предусматривается, когда кто-нибудь дал деньги заведомо в долг холопу, причем такие долги об'являются ничтожными („ведая ли боудеть дал, то кун лишену ему быти"). Значит холоп мог самостоятельно заключать сделки, и были лица, которые давали ему ссуды [68]). В связи с этим, находится, очевидно, постановление договора Смоленского князя с немцами 1229 г., где речь идет также о суммах, которые немец дал взаймы княжескому или боярскому холопу; в случае смерти его, долг переходит на того, кто получает имущество умершего [69]).

Мало того, холопы, как мы видели, были тиунами, управителями по ключу сельскому и городскому. Владимир Мономах в своем поучении говорит: „не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмеются приходящии к вам ни дому вашему, ни обеду вашему". Он советует детям за всем присматривать самим, не полагаться на управляющего-тиуна. Но эти же тиуны из княжеского двора перешли в государственное управление, от службы в домашнем хозяйстве господ к государственной службе—как это было и в Зап. Европе. В 1146 г. „начаша кияне складывати вину на тиуна, на Всеволожа, на Ратьшу и на другого тивуна на Вышегородьского, на Тудора, рекуче: Ратша ны погуби Киев, Тудор—Вышегород". Они требуют, чтобы Святослав целовал крест, обещая сам править, а не отдавать население на произвол неправедным тиунам: „аще кому нас будет обида, то ты прави". У тиуна был и свой двор, который киевляне бросились грабить, так что Святослав едва „утиши их". И впоследствии несвободные ключники и тиуны управляют и княжеским двором и государственными землями—казначеи ведают всякую казну, и частную казну князя, и государственную, дьяки ведут всякую переписку, и ту и другую. Если московские князья милостивы к ним, они отпускают тиунов, казначеев, дьяков и приказных людей на волю. Неудивительно, если „Русская Правда" устанавливает за них повышенную виру—за убийство боярского тиуна 40 гривен, за княжеского 80 гривен, он ведь мог быть судьей и правителем.

III.

Есть, однако, еще один случай, кроме упомянутых, когда наступает рабское состояние: беглый закуп обращается в холопа („оже закупный бежить от господина, то обел") [1]). Закуп, следовательно, не есть холоп,

[67]) Уставная грамота вел. кн. Василия Дмитриевича, данная жителям двинской земли. 1397 г., ст. II.

[68]) Карамз. спис., 127. 128. 130. 131.

[69]) Смоленск. договор, ст. 12.

[1]) Карамз. спис., 70.

но может обратиться в такового. Закупы составляют таким, образом, вторую группу рабочих сил, работающих на частно-владельческих землях. Из „Русской Правды" мы можем усмотреть, что закупы играли существенную роль в хозяйстве того времени. Это были ролейные закупы („а иже у господина ролейны закуп боудеть") [2]), т. е. пашенные, пахотные, земледельческие; ролья—пашня, рало—соха, орати—пахать. На крестьянах Константиновского монастыря лежала обязанность „игумнов жеребей весь рольи орати изгоном, и сеяти, и пожати, и свезти" [3]). Такие же работы, очевидно, выполняли и закупы, они занимались „ораньем чюжого поля". Об этом свидетельствует тот факт, что они получали от господина плуг и борону („еже дал емоу господин плуг и бороноу") [4]). Господин дает закупу определенные хозяйственные поручения, закуп исполняет „орудие", на которое пошлет его господин („аще ли господин его отошлеть на свое ороудие") [5]). В частности закуп ходит за скотом, пасет его на поле, загоняет его во двор и запирает („еже погоубить на поли или в двор не вженеть и не затворить, где емоу господин его велел") [6]). Пользуясь хозяйственным инвентарем, закуп отвечает за сохранность последнего. Он обязан платить за порчу плуга или бороны, за скот, если потеряет его на поле или не загонит, или не запрет, или если скот пропадет во время работы. Напротив, если скот будет уведен из хлева или из загородки или если сельскохозяйственные инструменты пропадут во время отсутствия закупа по поручениям господина, то он за это не подлежит ответственности, ибо в этих случаях порча или утрата инвентаря произошла не по его вине „оже из хлева, из забоя выведуть, то закоупоу того не платити"; „аще ли господин его отошлет на свое ороудие, а погибнет без него, то емоу не платити своемоу господиноу" [7]).

Только за лошадей, в отличие от прочего скота, он вообще не отвечает: „а погоубить свойскы конь, то не платить емоу". Почему лошадь составляет исключение и что значит „свойский"? Едва ли воинский, кавалерийский конь, которого нельзя поручать закупу, как об'яснял Ланге [8]). И точно так же это не „свой", не собственный конь закупа, как полагают Сергеевич и Гетц [9]), ибо тогда нечего было бы оговаривать, что за собственного коня он платить не должен, ибо себе же нанес убыток. Наиболее правдоподобно об'яснение И. И. Яковкина, который исходит из того, что в другом памятнике XII ст. (Студийский устав) свойской одеждой названо платье монаха; так как монах собственности иметь не мог, то это, очевидно, peculium, переданная ему в пользование одежда. И свойский конь закупа был выделенным ему господином имуществом—„отарицей" Идея принадлежности его господину еще не утратилась, печему необходимо было подчеркнуть, что в случае гибели коня, закуп не обязан платить за него [10]).

О купе (копе) или отарице упоминается и в ст. 73 („а введеть вкупоу—купу, копу—его или отарицоу, то то емоу все воротити")—и здесь, следовательно, речь идет не о собственном имуществе закупа, а о предоставленном ему в пользование. В противоположность другим об'яснениям

---

[2]) Там же, 71.
[3]) Акты Археогр. Экспед., I, № 11.
[4]) Карамз. спис., 71.
[5]) Там же.
[6]) Карамзин. спис., 72.
[7]) Там же, 71, 72.
[8]) Ланге, 189.
[9]) Сергеевич, I, стр. 179—Goetz. III, 274.
[10]) Яковкин, Закупы Русской Правды (Журн. Мин. Нар. Просв. 1913 г. кн. V, 117).

слова „отарица“ [11]), тот же И. И. Яковкин указывает на то, что встречающееся в Пандекте Никона Черногорца выражение peculion переведено „отарица“ [12]).

Таким образом, ролейные закупы люди бедные, ни земли, ни плуга, ни бороны они не имеют. Они живут во дворе господина, работают на него его скотом и инструментами, получают лишь в выдел, в неполную собственность лошадь и некоторую часть другого имущества господина. При таких условиях они в те времена не могли пользоваться личной свободой. Действительно, господину принадлежала значительная власть над личностью закупа. Хозяин бил его наравне со своими холопами, без суда, прибавка же, что он не должен истязать закупа без основания и в пьяном виде, едва ли могла защитить его [13]). („аще господин бьет закоупа про дело, то без вины есть; бьет ли не смысля, пьян, без вины, то якоже свободному платити, тако и в закупе“) [14]). Еще важнее то обстоятельство, что к свидетельству на суде закуп допускается только в малых делах и при отсутствии других послухов-свидетелей („О послушестве... а в мале тяже по мужа, сложити на закоупа“) [15]). Послухом, поясняет Владимирский-Буданов, может быть человек только свободного состояния; только в случае необходимости, когда нет свидетелей свободных людей, принимается свидетельство холопа высшего рода (тиуна), в делах незначительных можно принять свидетельство и закупа [16]).

Но в то же время закуп может добывать средства для выкупа („идеть ли искати кун“—ст. 70), может приносить жалобу князю или судьям на причиненную ему обиду, притом и со стороны его господина („ходить к князю или к судиям бежить обиды деля своего господина“—там же. Он противополагается свободному („яко же свободному платити“), с одной стороны, обельному холопу, с другой. Последнее указывает на то, что и он холоп, но только не полный, нечто среднее между свободным человеком и несвободным, полусвободный, либерт. В относящемся к древнейшей эпохе переводе “Слове Григория Богослова“ греческое слово hemidulos, т. е. полураб переведено термином „закуп“. [17]) Так смотрели, следовательно, и в те времена на закупа. Если господин его продаст, то он приобретает полную свободу, освобождается от всех обязательств—„продасть ли господин закупа обель, то и наимиту свобода во всех кунах“ [18]). Но, он легко может превратиться в совершенно несвободного человека, обеля. Это может произойти при совершении им кражи; в этом случае как бы заранее учитывается неспособность закупа возместить причиненный вред, почему господину предоставлено на выбор или уплатить вознаграждение за украденное и взять себе закупа в обельные холопы, или же продать его на сторону и из полученной суммы удовлетворить потерпевших. Следовательно, за преступление закуп платится своей свободой. То же происходит в случае бегства закупа от господина. Правда, законодатель проводит границу между таким самовольным уходом и дру-

[11]) Владимирский-Буданов (Христ. I. 61. Прим. 101) понимает под купой копну, долю копен (полевых произведений), принадлежащую закупу. Соболевский (Журн. Мин. Нар. Пр. 1886. IV) и Гетц (III, стр. 275) получаемые закупом средства пропитания, а отарицу он об'ясняет в смысле небольшого стада овец, принадлежащего закупу. Карамзин понимал под „старицей“ плату за купу, Ланге—земельный участок, данный ему.

[12]) Яковкин. (Журн. IV, 273). На это еще раньше указывали Мрочек-Дроздовский. (Учен. Зап. 221) и Сергеевич. I, стр. 182., на основании сличения текстов у С. А. Павлова. См. Акты Ист. I. № 5. Рус. Ист. Библ. VI. № 24.

[13]) См. Покровский. Ист. культ., I, стр. 63.

[14]) Карамз., спис. 73.

[15]) Там же, 77.

[16]) Владимирский-Буданов. Христ. 67, прим. 108.

[17]) Яковкин, V, стр. 101 сл.

[18]) Карамз. спис., 73.

гими случаями отлучки со двора господина, именно для займа денег, или же для принесения жалобы на обиду господина („идеть ли искати кун, а явлено ходить к князю или к судьям бежить обиды деля своего господина, то про то не робят его, но дати ему правда"). В этом случае „Правда" берет закупа под свою защиту. Такую отлучку легко было превратить в попытку бежать. Хозяева, несомненно, пользовались всяким случаем, чтобы обратить закупа в обельного холопа.

Но чем вызывалось такое состояние полухолопа; откуда появились люди, стоящие—по выражению А. Е. Преснякова [19])—на скользкой грани между свободой и рабством, связь которых с общим правом стала столь хрупкой? Обрабатывая землю господина и ухаживая за его скотом, был ли закуп наемным работником „наймитом", как утверждал еще Рейц и как полагает Сергеевич [20]), или же он является должником, отрабатывающим кредитору полученную ссуду? Последнее полагал Неволин, на этой точке зрения стоит Владимирский-Буданов, объясняющий, что заем в древнее время обеспечивался личным закладом, т. е. закладом личности кредитора до отработки долга с процентами [21]). Что закупничество вытекает из займа, но есть не заем, а обеспечение займа свободой, самозаклад, временное холопство до уплаты долга, на это указывает и ряд других авторов [22]).

В пользу первого взгляда говорит одна статья „Русской Правды", называющая закупа наймитом („продаст ли господин закоупа обель, то и наймиту свобода во всех коунах"), но это единственная статья, где применяется это выражение, и она же гласит, что наймит освобождается от всех обязанностей, что он был, следовательно, должником своего господина. Мало того, слово „наймит" имеется только в Троицком списке „Русской Правды", тогда как почти во всех других редакциях (в четырнадцати списках) его не имеется и оно заменено „закупом". В „Вопросах Кириха" XII ст. наем отожествляется или сопоставляется с лихвой („а наим деля, рекше лихвы"), следовательно, и в качестве должника закуп мог называться наймитом. В других памятниках наймитом или заемником назван подрядчик, иногда так именуются крестьяне, сидящие на монастырской земле и обязанные выполнять различные работы для монастыря. Так что на употреблении этого имеющего столь разнообразный смысл термина в „Правде"—как указывает И. И. Яковкин—еще никаких выводов построить невозможно [23]). Но не менее существенно и другое обстоятельство. „Почему закуп,—спрашивает М. Н. Ясинский — бежавший от своего господина, обращается в полное рабство, как о том гласит 70 ст. „Русской Правды", неужели нарушение договора личного найма, при всех возможных ограничениях по адресу наймита в пользу и в интересах нанимателя, могло влечь за собою столь суровые последствия для первого из них? Не естественнее, не правдоподобнее ли предположить, что бегство закупа приводило его к полному рабству потому, что в основе закупничества лежал не какой-либо иной договор, а именно договор займа, сопро-

---

[19]) Пресняков, стр. 299, 301.

[20]) Рейц., стр. 294. — Сергеевич, I, стр. 176 сл. — Дебольский, 86. — Удинцев, История займа, 1908, стр. 149 сл.

[21]) Владимирский-Буданов., Обзор, стр. 334. - Неволин, V, стр. 147.

[22]) Загоровский. Исторический очерк займа по русскому праву до конца XII ст. (1875), стр. 66. — Леонтович, Крестьяне юго-зап. России, стр. 21. — Павлов-Сильванский, стр. 226 — Ясинский. Закупы Русской Правды и памятников западно-русскаго права. (1904). См. подробное указание литературы у Удинцова. История займа, 146 сл. и у Яковкина, ук. ст.

[23]) Яковкин, Закупы Русской Правды. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1913 г., IV, 251 сл.).

вождавшийся самозалогом, — займа, при котором по воззрениям древних народов, должник рассматривался как вещь, цена каковой должна была в известных случаях удовлетворить заимодавца или кредитора?" [24]).

В самом деле эти соображения являются весьма существенными. И наемный работник подвергался в те времена значительным ограничениям своей свободы; постановления, касающиеся дисциплинарной власти господина, опеки над ним перед третьми лицами (в случае совершения преступления), ставящие его в одинаковое положение с челядью и домочадцами, вполне приложим и к наймиту. Последнего нельзя себе представлять как свободного наемного работника, человека служащего по найму [25]), он во всяком случае закабален, на время закабаленный человек, как определял закупа еще Карамзин, в таком виде только и мыслима была продажа рабочей силы в те времена, она была соединена с частичной продажей своей личности. Однако, она едва ли могла доходить до обращения в холопы бежавшего наемника или до продажи его в рабство, в случае совершения кражи. Только жестокое право, господствовавшее в те времена в отношении должников, могло создавать такие последствия, как полную потерю свободы. Поэтому-то многие из тех авторов, которые стоят на почве договора найма, считают нужным прибавить, что это не простой наем, а соединенный со ссудой и сопровождающийся личным закладом, как указывает Чичерин. В то время, говорит он, ничего не могло быть естественнее, как такой личный заклад; за недостатком правильного общественного устройства и законов, охраняющих иск, трудно было найти другое обеспечение для заимодавца... Сделать это было тем легче, что свобода человеческая мало ценилась и стремление к личному порабощению и без того сильно проявлялось в общественном быту [26]).

Гетц, отказавшись от своего первоначального взгляда на закупа, как на наемного рабочего, идет, однако, еще дальше указанных авторов, усматривая в закупничестве результаты долгового обязательства, но не в виде самозаклада должника, а в качестве выдачи неоплатного должника кредитору. По его мнению, должник превращался, следовательно, во временного холопа не в силу самого заключения договора займа, а лишь в случае неисправной уплаты долга; в этом случае наступало долговое рабство, выдача должника кредитору до искупа, до отработки долга. Как указывает Гетц, статьи о закупе (70—73) непосредственно следуют за рядом статей (47—67) о резоимстве (взимании процента) и за ст. 68—69 „о долзе", причем в последней идет речь о продаже в рабство несостоятельного должника („вести я на торг и продажу")—это относится к крупным долгам, имевшим место по торговле. В отношении же закупа, где речь идет о более мелких долгах частных лиц, эта мера обращения в полное рабство заменяется менее тяжелой в виде временного закабаления неисправного должника [27]).

Однако, из этой связи между статьями „Правды", их логической последовательности получается скорее иной вывод. Гетц чрезмерно преувеличивает размеры торговли и торговых оборотов, торгового капитала и кредита того времени; кредит в этой области едва ли был значительнее, чем в других случаях. Поэтому различие между объектом предыдущих

---

[24]) Ясинский, Закупы Русской Правды и памятников зап. русск. права, стр. 437.
[25]) См. Яковкин. Журн. Мин. Нар. Просв. 1913. IV, 224 сл.
[26]) Чичерин, Опыты. 155. Оба эти момента (найма и займа) соединяет Мрочек-Дроздовский. (Учен. Запис. 164). Калачов, Предвар. юридич. свед. для полного об'яснения Русской Правды, стр. 141. Ключевский, Опыты и иссл., стр. 294. Курс. I, стр. 299.
[27]) Goetz, III, стр. 266.

статей и статей, трактующих о закупе, следует усматривать не в количественном моменте, в больших или меньших размерах долга, а в качественном, в том, что за статьями о неисправном должнике, продаваемом в рабство, следуют постановления, относящиеся также к области кредита, но имеющие в виду случаи самозаклада, вызванного самым заключением кредитного обязательства. В первом случае, при несостоятельности торговца, вызванной его злой волей, предоставляется усмотрению кредитора, продать его или нет, во втором—это право дается так же, но—как мы видели—лишь в том случае, если он совершит кражу, ибо не будучи в состоянии уплатить нанесенный им убыток, он становится в этом случае тем же несостоятельным должником и несостоятельность его также основана на злом умысле.

М. Н. Ясинский сопоставляет закупничество „Русской Правды" с аналогичным институтом литовского права, где имеет место либо самозаклад должника, либо заклад подвластных ему лиц, сыновей, дочерей или челяди его. Закуп поступал во власть кредитора, так же, как при кредитных обязательствах, обеспеченных залогом недвижимостей, заложенное имение переходило во владение кредитора, а должник сохранял право выкупа. Подобно тому, как такую „заставную" землю кредитор держал в своих руках, пока должник ее не выкупал, и закуп оставался во власти кредитора, пока он сам не возвращал ему долга или следуемуюсумму не вносил ктолибо иной [28]).

И. И. Яковкин приводит параллель между закупничеством и долговой кабалой, содержащейся в древнем норвежском праве, изученном в особенности Амира и Конрадом Маурером. Из норвежского права, постановления которого через варягов могли проникнуть и в русское право, можно усмотреть самый способ возникновения долговой кабалы, о чем „Русская Правда" ничего не говорит. Договаривающийся мог идти в кабалу сам или отдать людей, находившихся в его власти (как и в литовском праве), напр., сына, причем предварительно должен был предложить себя родственникам или при нежелании ими воспользоваться своим правом, закабалиться любому лицу, причем самое заключение договора происходило на собрании и выражалось первоначально в символическом захвате закабаляемого. И здесь мы находим ту же двойственность в положении кабального, которая характерна для „Русской Правды". Он причисляется к категории свободных, за посягательства против личности его господин отвечает как за посягательства против свободного, продажа его в рабство (как закупа) рассматривается как преступление. Но в то же время он входит в состав „дома" своего господина и в силу этого и подлежит юрисдикции домовладыки; господину (как и в отношении закупа) принадлежит право наказывать его, но и тут только за дело, если он не выполняет возложенной на него работы. Он сливается с верхами холопства (приравнивается в известных случаях к несвободному Oberknecht, ключнику, тиуну). Собственного имущества поступивший в кабалу не имеет, а пользуется лишь, как и закуп, полученным от господина (peculium). Наконец, он может освободиться от власти господина уплатой ему долга, почему ему предоставляется право (как и в „Русской Правде") в течение двух недель ходить по стране в поисках нужной суммы, но в случае тайного бегства, он и тут карается обращением в холопство [29]).

---

[28]) Ясинский, ук. соч.

[29]) Konrad Maurer, Die Schuldknechtschaft nach altnordischem. Recht. Sitzungsber. der philos. philol. u. histor. Klasse der Akademie der Wiss. zu München (1874), стр. 3 сл., 21 сл. Amira. Nordgermanisches. Obligationenrecht II, стр. 157 сл. Яковкин (Журнал стр. 112 сл.).

Конрад Маурер указывает на то, что долговая кабала в древне-норвежском праве, с одной стороны, очень близка к состоянию несвободы, с другой, напротив, резко отграничивается от последней. Оба института сначала идут параллельно, но затем пути их расходятся, и тот пункт, который знаменует это расхождение, заключается в том, что несвобода есть состояние постоянное, пожизненное и наследственное, если не имеет места отпуск на волю, тогда как кабала по своему существу представляет собой нечто временное и поэтому заключает в себе самые элементы своего прекращения, права личные и имущественные не отменены, а только временно отсутствуют и в любой момент могут возродиться [30]).

Ту первоначальную форму займа, при которой он представляет собой куплю-продажу, но с правом должника вернуть себе проданную (заложенную) вещь и которая характерна для ранней эпохи в истории кредита, мы находим и в нашем праве и ей вполне соответствует самозаклад кредитора—закупничество. Древнерусская купля, подобно западно-европейской, обслуживала и интересы займа, и таким же двойственным характером отличалась и холопская самопродажа; в обоих случаях залог возник из купли-продажи. Залог недвижимости в наиболее раннюю эпоху заменялся закладом человеческой личности, рабочей силы. Права господина над личностью полного холопа приближаются к праву собственности, права его на личность закупа—к правам залогодержателя. Подобно тому, как кредитор заложенной вещи владел ею и пользовался за рост, так и кредитор закупа владел им и пользовался рабочей силой. Как заложенная вещь не подлежала свободному распоряжению лица, которое ею владело, так и господин не мог продать или заложить холопа [31]).

На Западе упоминается „de ingenuis dui se pro pecunia aut alia re vendiderint vel obligaverint“ (VII ст.) [32]). Самозаклад в ту эпоху необходим при самом заключении сделки, ибо доверие совершенно отсутствует, кредитору нужно немедленно же получить эквивалент, а других видов залога не имеется, по крайней мере, у бедного человека.

IV.

Другую группу полусвободных, сидевших на частно-владельческих землях и, вероятно, обрабатывающих их также при помощи инвентаря, получаемого от господина, ссставляли изгои.

Что означает слово „изгой“? Русские историки первоначально полагали, что это есть название населения известной местности или лиц определенной национальности. Раковецкий считал изгоями жителей псковской области, Карамзин — латышей, Полевой — финнов, Эверс — вообще иностранцев [1]). Другие однако исследовали слово „изгой“ с филологической стороны и пришли к иным результатам. Морошкин производит его от готского uss-gauja—изгнанник или выходец, человек стоящий вне общества, равнозначущий wargus, forbannitus Варварских Правд, fogelfrei, человек, не имеющий пристанища, нарушивший мир. Иванишев выводит тот же термин с иллирийского hajati—ходить, izhajati—выходить, Микутский обращается к

---

30) Maurer, p. 29 сл.

31) См. П. И. Беляев. Холопство и долговые отношения в древне-русск. праве. „Юридич. Вестн.“, 1915. III. 136 сл. Его же. Заем и заклад по древне-русск. праву. „Русск. Историч. Журн.“. VII, 1921, стр. 65 сл.

32) Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte. II, стр. 109.

1) Rakowjecki. Prauda Ruska. I, стр. 109 сл. Карамзин, II, стр. 351.—Полевой. История русского народа, II, стр. 155.—Эверс. Древнее право Руссов. стр. 318. См. Мрочек-Дроздовский, „Чтения“, стр. 40 сл. Прил. IV.

латышскому языку, где izgois означает—тот, кто вышел. В результате у всех троих получается тот же смысл человека, вышедшего из какой-то группы, не принадлежащего более к ней [2]). Наконец, изучая русский язык, Буслаев выяснил, что форма „гой" происходит от глагола „жити", так же, как форма „пой" от глагола „пити", „покой" от „почити". Словой „гой" означало жизнь, спокойствие, мир, общество, мирное сожительство людей. Изгой—человек, находящийся вне мира, вне общества, бездомный [3]). И тут, следовательно, тот же смысл изгнанника или выходца.

Эти филологические изыскания подтвердились найденным Беляевым источником, из которого видно было, в каком смысле понималось это слово в XII ст. В уставе Новгородского князя Всеволода Мстиславича „о церковных судех и о людех и мирилех торговых" 1125—1136 г.г. читаем: „а се церковныа люди... изгои трои: попов сын грамоте не умееть, холоп из холопьства выкупится, купець одолжаеть; а се и четвертое изгойство и сего приложим: аще князь осиротееть" [4]). Изгоями. следовательно, признаются: сын попа, не знающий грамоты, следовательно, не могущий в свою очередь стать попом, вынужденный покинуть духовное сословие, извергаемый из него; холоп, выкупившийся из холопства, вольноотпущщеник, вышедший из холопов, но не примкнувший ни к какой иной группе; наконец, несостоятельный купец, тем самым извергаемый из купеческого звания. Все они становятся церковными людьми, поступают под охрану церкви, подлежат церковному суду. Устав Всеволода и определяет точно, что такое изгой, для установления церковной подсудности. Что же касается четвертого случая изгойства, когда князь осиротеет, то оно упоминается лишь в дополнение (изгои ведь только „трои"), причем эти князья - изгои „прилагаются" („к себе приложим"), т. е. отдаются во власть князю, находятся под охраной княжеского рода, а не церкви [5]). Изгои, следовательно, люди беспомощные, не примкнувшие ни к одному из тех мелких свободных и крепостных союзов, на которые разбивалось гражданское общество [6]). Калачов, исходящий из господства на Руси в древнейшую эпоху родового строя, называет изгоя выходцем из рода, причем считает его, вследствие этого, человеком греховным, преступником—к этому ведет его беззащитное положение [7]). Аксаков, сторонник общинного быта, рассматривает изгоя в качестве человека, исключенного или себя исключившего из общины или сословия [8]). Соловьев, наконец, определяет его так: „изгоем вообще был человек, почему-либо не могущий оставаться в прежнем своем состоянии и не примкнувший еще ни к какому новому" [9]).

Это понимание изгоев стало господствующим: это люди, выбитые из колеи, из обычного строя и уклада народной жизни, люди, лишенные обычных для каждого способов существования [10]). Поэтому они нуждаются в поддержке и покровительстве, вынуждены поступить под защиту других, прежде всего церкви: они ведь „люди церковныи, богаделные", наряду со

---

[2]) Мрочек-Дроздовский. Прил. IV, стр. 49 сл.

[3]) Буслаев. Историч. грамм. русск. яз. (2 изд.), I, стр. 54.

[4]) Владимирский-Буданов, Христом., I, стр. 254.

[5]) Устав Всеволода о церковных судах (Владимирский-Буданов, Христ., I, стр. 245). См. Мрочек-Дроздовский. „Чтения", стр. 58 сл.

[6]) Чичерин, Опыты, стр. 169.

[7]) Калачов, О значении изгоев и состоянии изгойства в древней Руси. „Архив историко-юридич. сведений". 1850, I, стр. 57 сл.

[8]) Аксаков, Родовое или общественное явление был изгой? Полн. собран. соч., I, стр. 38.

[9]) Соловьев, I, стр. 231.

[10]) Мрочек-Дроздовский, Чтения, стр. 57. Сергеевич, I, стр. 264. Дьяконов, стр. 115 сл. Владимирский-Буданов, Христ., I, стр. 245. Прим. 23. Пресняков, стр. 278. Дебольский, стр. 105.

странниками, слепыми, хромыми, вдовами и многими другими. Церковь приобретала выгодную, находившуюся в ее власти, рабочую силу, в лице изгоев, как и других „церковных людей"—прощеников (получивших чудесное исцеление?), пущенников, задушных людей (вольноотпущенников по духовной), о которых упоминается в тех же уставах о церковных судах [11]). Она извлекала из них всех и другие выгоды: согласно уставу Ярослава о церковных судах, „безатщина", т. е. выморочное имущество церковных людей идет епископу [12]).

Об изгоях неоднократно упоминается в источниках, почти всегда в связи с церковью и церковными землями. Так, в уставе Ярослава „о городских мостех" говорится о мостовой повинности в Новгороде (она распределена между различными общинами и улицами) Новгородского владыки и изгоев—они совместно ее отбывают, быть может изгои и живут на церковной земле („а влавице це сквозе городная врата с изгои, а с другыми изгое до Острое оулици" [13]). В послании митрополита Климента пресвитеру Фоме осуждается духовенство, которое думает только о наживе: „иже прилагают дом к дому, и села к селам, изгои ж, и сябры, и бортии и пожнии" [14]). Они умножают свои владенья, земли, бортные угодья, сенокосы, поселяют на них изгоев. О последних упоминается и в грамоте Смоленского князя Ростислава в 1150 г.—он жертвует церкви земли с изгоями [15]).

Однако из последнего мы можем заключить и то, что изгои сидели не только на церковных, но и на княжеских землях—Ростислав уступает их вместе со своими селами. Псковская летопись под 1341 г. упоминает также о селе, именовавшемся Изгоями, и называет это село княжим („на князи селе, на Изгоях") [16]).

Во всяком случае изгои сидят на чужой земле, на княжеской или церковной, являются лично свободными (за убийство изгоя „Русская Правда" устанавливает ту же виру, как и за прочих свободных людей) [17]). Но опека над ними, отсутствие у них собственной земли создали для них на практике ограничения, зависимость от своих покровителей, которые, в виду беззащитности изгоев, оторванности их от своего сословия, от своей общины, могли злоупотреблять своей властью.

Наиболее важной и вероятно наиболее многочисленной группой изгоев являлась вторая из упомянутых выше категорий—вышедшие из холопства. В „Предисловии покаянию" (наставлении духовника кающемуся) упоминается в числе грехов неправедное обогащение. Резоимство, т. е. взимание процентов считается бо́льшим грехом, чем даже кража, но еще хуже взимание изгойства. Изгойство есть нечто, аналогичное „резу" (проценту), надбавка на „уреченную цену", на ту цену, по которой рабовладелец купил сам раба—больше он не должен брать с раба, отпуская его на свободу: барышничать челядью, прасолить живыми душами—великий, непростительный грех, „безконечная беда, непрестанный плач, неумолчное воздыхание". Прибавка к покупной цене именуется, очевидно, изгойством по той причине, что раб, выкупясь на волю, переходит в состояние изгоя,

---

11) Устав Владимира св., устав Всеволода. Влад.-Буданов, I, стр. 230, 245.

12) Устав кн. Ярослава Владимировича о церковн. судах., ст. 33. (Владимирский-Буданов, Христ., I, стр. 239).

13) „Русск. Прав.", Карамз, спис., стр. 134.

14) Никольский. О литературн. трудах митр. Климента Смолятича, писателя XII в. 1892, стр. 104. Пресняков, стр. 275.

15) Уставн. грам. Смоленск. князя Ростислава Мстиславича (Владимирский-Буданов. Христом., I, стр. 261).

16) Полн. Собр. Рус. Лет., IV, стр. 187.

17) Карамз. спис. 1.

V.

Наконец, на владельческих, в частности на княжеских землях сидели и смерды. „Русская Правда" второй половины XI столетия говоря о людях, причастных к княжескому хозяйству, только и называет наряду с холопами смердов, закупов она еще не знает, они появляются лишь в пространной „Правде". На с'езде князей в Долобске 1103 г. произошел спор по поводу смерда, пашущего на лошади, причем там именно лошадь выдвигалась на первый план, и Мономах упрекал дружину Святополка: „дивно ми дружино оже лошадий жалуете ею же кто ореть", а забываете о самом смерде, которого убьет половчин, и тогда уже отнимет и лошадь его, и жену и детей, „в село его ехав". Едва ли последнее означает,—как об'ясняет М. А. Дьяконов,—что у каждого смерда было свое собственное село, в котором он вел свое обособленное хозяйство. „Село" в те времена было, вероятно, гораздо ближе к селу XIV ст., равнозначущему с двором, чем к современному селу. Б. А. Романов [1]) толкует это место таким образом, что смерды сами в поход не пошли, а только лошадей своих обязаны были дать князьям, но уже это означало для них необходимость пожертвовать своей пашней („рольи лишати"). Во всяком случае из этого летописного рассказа вытекает, что смерд земледелец, хлебороб [2]).

Но возможно, что „смерд" понимался и в другом смысле, более широком или более узком. В широком смысле смерд означает все свободное население, которое противополагается князю, или по крайней мере простого человека, в отличие от бояр. В первом смысле понимает это слово Соловьев. А Сергеевич подкрепляет это утверждение противопоставлением в „Русской Правде" княжьего коня коню смерда („а за княжь конь 3 гривны: а за смердей 2 гривны"—ст. 25). Эта статья впрочем еще не может служить точным доказательством, ибо в „Русской Правде" нельзя искать полноты определений и норм, смерды могли упоминаться здесь и как одна лишь группа населения, тогда как другие не названы. Мало меняет дело и указание на то, что та же статья в Троицком списке (141) гласит: „а будет был (украден) княжь конь, то платити зань 3 гривны; а за инех по 2 гривны". „Смерд" заменено словом „иной",—т. е. всякий другой человек, кроме князя [3]). Однако, как указывает Б. А. Романов, позднейшее обобщение смысла статьи о смердьем коне само по себе еще не свидетельствует о том, что и первоначальный редактор статьи хотел придать термину „смердий" широкий смысл [4]). Большего внимания заслуживает указание Мрочек-Дроздовского и Владимирского-Буданова [5]) на то, что смерды противополагаются не только князю, но и боярам или мужам и духовенству и составляют слой людей простых. В краткой „Русской Правде" говорится и в пространной повторяется сначала о „муке" смерда, а затем о тех же преступлениях, совершенных в отношении огнищанина, тиуна или мечника: за смерда положено три гривны, за княжеских слуг вчетверо больше (31, 32, 89, 90). В пространной „Правде" наследству

---

[1]) Романов. Извест. отд. рус. яз. и словесн. XIII. 3. стр. 10 сл.).

[2]) Дьяконов. Очерк обществ. и государств. строя. Об. Дитерикса. Источники права и суд в древн. Руси. 123 сл. Сергеевич. Древн. I. 170. Пресняков, стр. 287. Рожков. Очерки ист. труда („Архив истории труда в России", V стр. 63).

[3]) Соловьев. История России. I. 229. Сергеевич. Русские юридич. древности. I. 1909, стр. 161. В том же смысле высказывается Дьяконов, (Очерки 93. 98).

[4]) Владимирский-Буданов. Обзор. стр. 36 сл. Мрочек-Дроздовский, Иссл. о Русск. Правде („Чтения". 20. стр. 4 сл. Прил. XIV). см. также Рожков (Журн. Мин. Нар. Просв. стр. 275).

[5]) Романов. Смердий конь и смерд. стр. 28.

смерда („о смердьей задници") противополагается наследство боярина („о боярстей задници", ст. 103, 104) [6]).

От такого разграничения между князем, боярами и духовенством, с одной стороны, и смердом, с другой, уже не далеко до выделения смердов в сельское население—нужно было лишь отделить их еще и от горожан. В таком смысле, повидимому, говорится в Новгородской летописи (под 1019 г.), когда после победы Ярослав „почя вои свои делити: старостам своим по 10 гривен, а смердом по гривне, а ноугородьцем по 10 гривен" [7]). Смерды здесь составляют особый разряд населения, не городской. „Кто купець пойдеть в свое сто (сотню), а кто смерд, тот потягнет в свой погост" (волость), — читаем в договоре Новгорода с Ярославом 1270 г. „Боярин боярина пленивше, смерд смерда, град драда (горожанин горожанина (яко же не остатися ни единой вси (веси) не пленене" [8]).

Сергеевич полагает, что первоначально слово „смерд" применялось, вероятно, в широком смысле, но с течением времени стало приурочиваться к одному лишь земледельческому населению, подобно тому, как слово муж, имевшее первоначально общее значение, с течением времени в уменьшительной форме (мужик) стало обозначать лишь сельское население и слово „христьянин" специализировалось в крестьянина [9]).

Но какое положение занимали эти крестьяне-смерды? Не без основания подчеркивают двойственность их состояния. С одной стороны, смерд свободный человек, за которым признаются личные и имущественные права, присущие свободным людям. Но в то же время на нем лежит какая-то печать приниженности, он человек бедный, худой, слабый, который нуждается в защите, которого легко могут обидеть [10]). О наличности имущества у смерда свидетельствует упоминание в „Русской Правде" о смердьем коне и смердьей борти, личные права смердов вытекают из того, что за кражу они наказываются продажей, т. е. уголовной карой (то ти оуроци смердом оже платять княжию продажу"), ибо холопей „князь продажею не казнить занеже соуть несвободии" [11]), как и из наказания, полагаемого за „муку" смерда без княжеского приказа [12]). Смерды несут повинности в пользу государства, они входят в состав войска. Все это доказательства их свободного состояния.

Но есть обратная сторона медали. Не только за муку смерда полагалось—как мы видели—вчетверо меньше, чем за человека высшего состояния, что свидетельствует о приниженном положении смердов, но и самое слово „смерд" употребляется нередко в уничижительном и бранном смысле („два беззаконника от племени смердья", „уничижени бесчестии: аки смерди мелют и древа носят на гору"). Смерды ставятся наравне с холопами. Все это свидетельствует о малой степени обеспеченности смердов, о том, как им трудно было сохранить свою свободу, свое независимое положение.

Еще более это подтверждается статьями „Русской Правды" о наследовании, если их понимать в том смысле, который в настоящее время может считаться господствующим. „Оже смерды оумреть без дети, то зад-

[6]) Акад. спис., стр. 31, 32. Карамз. спис., стр. 103, 104.
[7]) Воскрес. летоп. 1019 г.
[8]) Ипат. летоп. 1221 г., стр. 494.
[9]) Там же I, стр. 167.
[10]) См. об этом: Лаппо-Данилевский. Очерк ист. образ. и т. д., стр. 7 сл., 11 сл. Пресняков. стр. 209. Дьяконов. стр. 95, сл. 98. Павлов-Сильванский. III, стр. 224. Мрочек-Дроздовский. „Чтения", стр. 203 сл. Дебольский, стр. 120.
[11]) Карамз. спис., стр. 42, 43.
[12]) Там же, стр. 89.

ница князю; оже боудуть у него дщери дома, то даяти часть на ня; аже ли боудуть за мужми, то не дати части". В противоположность этому: „а иже в боярсх или же в боярьстеи дроужине, то за князя задница не идеть: но оже не боудеть сынов, а в дщери возьмоуть" [13]). Смердам наследуют только сыновья, при отсутствии же их наследство является выморочным, дочери, притом только незамужние, получают лишь приданое. Напротив, имущество бояр после их смерти не идет князю, а при отсутствии нисходящих мужского пола передается женскому. Так толкуют эту статью ряд исследователей [14]), тогда как другие [15]) понимают под детьми („умреть без дети") не только сыновей, но и дочерей. Но этому противоречит продолжение „оже боудуть у него дщери". Поэтому они выделяют это постановление о дочерях в особую статью, которая является, по их мнению, общей для всех, а не касается одних только смердов. Между тем говорится ведь о „его" дочерях, т. е. смерда („оже боудуть у него дщери") [16]).

Так что смерды находятся, очевидно, в худшем, более приниженном, чем иные группы населения, положении. Павлов-Сильванский усматривает в переходе имущества после смерти смерда, при отсутствии сыновей, к князю аналогию западно-европейской manus-mortua, main-morte, которая также выражалась в присвоении наследства феодалом при отсутствии ближайших наследников, живших вместе с умершим. Другие авторы уже давно обращали внимание на это своеобразное отношение смерда к князю и усматривали причину этого в том, что смерды были „люди князя", являлись непосредственно от него зависимыми, сидели на княжеской земле [17]). Из источников правда не видно, чтобы смерды всегда сидели на земле князя или вообще, чтобы они работали в хозяйстве князя. Но из приведенных данных об их правовом положении и о притеснении их можно усмотреть, что они, повидимому, сидели и на частновладельческих, в том числе на княжеских землях.

В псковской летописи под 1484 г. говорится о повинностях смердов, о том, что они обязаны выполнять „всякии работы урочныи" [18]). В договоре Новгорода с королем Казимиром 1470 г. читаем: „а холоп или роба или смерд почнет на осподу вадити, а тому ты, честны король веры не нять" [19]). Смерд имеет, следовательно, над собой господина. Мало того, донос смерда на господина, подобно доносу раба, не должен приниматься.

[13]) Карамз. список, 103. 104. То же в Синодальном списке. Владимирский-Буданов, Христом. стр. 91—92.

[14]) Никольский, О началах наследования по древне-русск. праву (1859 г., стр. 356 сл. Владимирский-Буданов. Христом, стр. 71—72. Обзор, стр. 479 сл. Романов, Очерки юрид. быта по „Русск. Правде" (Журн. Мин. Нар. Пр. 1897, дек., стр. 375 сл.) Пресняков, стр. 279. Павлов-Сильванский, III. стр. 224 сл. Филиппов, стр. 203. Goetz, III. стр. 355 сл. П. И. Беляев, Древнерусская вотчина. стр. 143.

[15]) Цитович, Исходные моменты в истории русского права наследования (1870), стр. 35. Сергеевич, Лекции и исслед., стр. 346 сл. Дьяконов, стр. 94. Дебольский, стр. 121 сл.

[16]) Спорным является и чтение статьи об убийстве смерда. В краткой редакции она читается: „а за смерда и в холе 5 гривен" (Карамз. 23), пространной: „а за смерд и холоп 5 гривен, а за робоу 6 гривен" (Карамз. 13). Так что смерд приравнивается к княжескому холопу. Так толкует эту статью большинство авторов. (Павлов-Сильванский, III, 224. Романов, 31 и мн. др.). Напротив, некоторые читают ее иначе: „а за смердь холе 5 гривен", предполагая, что у смердов были свои холопы, что мало вероятно, которые и противопоставлялись княжеским холопам (Сергеевич., Древн. I, 172. Дьяконов. 93. Goetz. I. 68 сл., III, 75).

[17]) Лешков, Русский народ и государство. 157. Никольский, стр. 356. Сергеевич, стр. 35 сл. Никитский, Очерки внутр. истории Пскова, стр. 279. Ростовцев (Изв. Акад. 31).

[18]) Полное собрание русск. летопис. IV. Псков, стр. 225.

[19]) Ст. 20. Владимирский-Буданов, Христом., стр. 224.

Но еще гораздо раньше, в половине XII ст. в грамоте Изяслава Мстиславича упоминается о том, что он дает св. Пантелеймону „землю село Витосавиц и смерды и поля“ [20] (смерды сидят на земле князя и отчуждаются монастырю вместе с землею). А в поучении еп. Серапиона XII ст. где слово „смерды“ заменено словом „сироты“, указывается на то, что сильные люди „свободные сироты порабощают и продают их“ [21]—они оказываются в полной зависимости от сильных мира сего. Смерды „это люди, которых история застает теряющими свободу под влиянием сидения не на своей земле, а на земле государственной или частновладельческой“ [22].

VI.

В последующие столетия, XIV—XV, вотчинное хозяйство еще более расширяется, как княжеское, так и боярское и монастырское. Однако обширные площади, очутившиеся в руках вотчинных владельцев путем пожалований и вкладов, купли и залога, захватного права и присвоения волостных земель, имели для них значение лишь в случае заселения этих пустопорожних земель рабочими руками. Получали вотчинники обычно—как это видно из грамот—пустоши и их задача заключалась в привлечении земледельцев, пришлых людей, которые бы заселили и разработали эти пустоши. В последнем было заинтересовано и государство и поэтому во всех многочисленных дошедших до нас жалованных грамотах князья удовлетворяют в первую очередь просьбу вотчинников о разрешении им призывать людей и сажать их на свои земли. В грамоте Ивана Калиты Юрьеву монастырю 1338—40 г.г. читаем: „кто сядет на земли святого Юрья, дал есм им волю не надобно им потягнути к городу ни в которую дань“ [1]. В жалованной грамоте Кашинского вел. князя Василия Михайловича и удельных тверских князей Тверскому Отроча монастырю 1361—65 г.г. говорится: „а к тому кого еще людий перезовет архимандрит из за рубежья во отчину нашю, на землю Святое Богородици“ [2]. В грамоте Белозерского князя Михаила Андреевича Ферапонтовой пустыне 1450 г. перечисляются многочисленные пустоши, приобретенные игумном с братьею и что „к тем пустошам потягло из старины лесы и пожни“ на обширном, повидимому, пространстве, еще совершенно не занятом,“ куда топор ходил, и коса и соха ходила“. И прибавлено: „и кого к себе игумен перезовет на те земли и пустоши и лесы людей“ [3]. Во многих случаях различаются „тутошние люди волостные“ и „пришлые из иных княжений“: „кто к себе на те пустоши перезовет людей и тутошних старожильцев... а кого к себе перезовет людей из иных княжений“; „и кого к себе призовут людей жити на те земли старожильцев, которые будут и прежнего того на них живали“, „или кого откупя посадят“ [4].

Эти сидящие на вотчинных землях старожильцы или пришлые люди именуются просто „людьми“ („кого к себе перевезут людей на те пустоши“ — это обычное словоупотребление [5]). Реже они обозначены „сиротами“. „Пожаловал есьми игуменью Федотью с сестрами... и кто на тех землях живет сирот... и тем их сиротам не надоби ни дань“. „Также и сиротам, кто

[1] Архив историческ. и практич. сведений о России Калачева I. 1860.
[2] Цит. у П. И. Беляева: VIII, стр. 148.
[3] П. И. Беляев, Древнерусская сеньория, стр. 145.
[4] Акт. Арх. Экоп., I, № 4.
[5] Там же, I, № 5.
[6] Там же, I, № 47.
[7] Там же, I, №№ 20, 21, 51, 53.
[8] Там же, I, № 44.

имеет сидети на землях Святое Богородици Отрочья монастыря... пожаловали есмы тех сирот" [6]). В грамоте митрополита Киприана Константиновскому монастырю 1391 г. упоминается о жалобе монастырских крестьян на игумена: „что ми били челом сироты монастырские на игумена на Ефрема". И дальше: „И Киприян Митрополит всея Руси так рек игумену и христианам монастырским: ходите же вси по моей грамоте; игумен сироты держи, а сироты игумена слушайте, а дело монастырское делайте" [7]). Здесь „сироты" и „христиане" (крестьяне) равнозначущи, появляется термин „крестьянин". „Для обозначения их не нашлось на русском языке другого слова, как самое общее—христианин". В грамоте митрополита Геронтия 1478 г. перечисляется население монастыря. „Наместници мои не судят его, ни его попа, ни его черноц тех монастырей, ни черниц, ни слуг монастырских, ни христиан" [8]). „Мои князи и бояре и воеводы... в том селе и в деревнях у них крестьян не ставятся" (грамота 1485) [9]).

Из упомянутого выше послания митр. Киприана конца XIV ст. мы узнаем и о тех работах, которые выполнялись крестьянами в вотчинах. „Большим людям из монастырских сел церковь наряжати, хоромы ставить, игумнов жеребей весь рольи орать взгоном, и сеяти и пожати и свезти, сено косити десятками и в двор ввезти, ез бити и вешней и зимней, сады оплетать, на невод ходити, пруды прудить, на бобры им к осенине поити, а истоки им забивати а на Велик день и на Петров день приходят к игумену, что у кого в руках; а пешеходцем из сел к празднику рожь молоти и хлебы печи, солод молоть, пива варить, на семя рож молотить, а лен даст игумен в села и они прядут, сети и дели неводные наряжают; а дают из сел все люди на праздник яловицу; а в которое село приедет игумен в братшину и сыпци дают по зобне овса конем игуменовым" [10]).

Получается весьма яркая картина. Зажиточные крестьяне, очевидно, имеющие скот, пашут, засевают и снимают жатву на землях, обрабатываемых за счет монастыря, косят сено на монастырских лугах и свозят все в монастырский двор. В этом заключается отбываемая ими барщина. Но сверх того они чинят постройки и делают изгороди, чистят пруды, ловят рыбу („езы бити"), по осени бьют бобров (поэтому „истоки забивают"), также для монастыря. Прочие крестьяне „пешеходцы", очевидно, выполняющие, в отличие от первых, ручные, а не конные работы. Такова молотьба и печенье хлеба, приготовление солода для пивоварения и самое варение пива, изготовление рыболовных снастей („сежи и дели неводные наряжают") и пряденье льна, причем лен они получают от монастыря. Сверх того они доставляют в монастырь к празднику корову или (это прибавлено в скобках) трех баранов, первые же—два раза в год различные продукты своего хозяйства по собственному выбору („приходят к игумену, что у кого в руках"), хотя вероятно и в этом отношении существовал установившийся обычай („по старой пошлине"). Наконец, игумен заезжает к ним в села и они обязаны кормить его (вероятно и сопровождающих его иноков) и его лошадей.

Мы не знаем, существовали ли такие же оброки и повинности и в других вотчинах вообще и в монастырских в частности, ибо другие сведения об этом относятся к гораздо более позднему времени, но во всяком случае, судя по тому, что крестьяне переходили в вотчины, покидая черные земли, где они барщине и оброку не подлежали, те льготы, которыми они пользовались в других отношениях, сидя на земле вотчинника, должны

[6]) Там же, I, №№ 5. 34. 35.
[7]) Акты Арх. Эксп. I, № 11.
[8]) Там же, I, № 105.
[9]) Там же, I, № 113.
[10]) Там же, I, № 11.

были быть весьма велики, настолько значительны, что они компенсировали с избытком необходимость работать на землевладельца.

Это действительно было так. Из тех же жалованных грамот можно усмотреть, что вотчинные земли привлекали крестьян теми обширными правами и привилегиями, которыми пользовались они и сидевшее на них население и которые прочим землям и их владельцам не были предоставлены. На эти вотчинные льготы, в особенности принадлежавшие церковным вотчинам, давно уже указывали многие исследователи: Павлов-Сильванский прямо называет вотчины того времени—по аналогии с западом—иммунитетными. Начало этому иммунитету было положено, повидимому, уже в древнейшие времена [11]), когда между церковными людьми ведает „суд или обиду или которого задница"—митрополит или епископ „или кому они прикажут", „своим тиуном приказываю суда церковного не обидети"; „не вступаются княжи волостии в то, а то ведают епископли волостели". Это говорится уже в уставе Владимира св. о церковных судах и в уставе Ярослава и в уставе Всеволода 1125—1136 г.г. Смоленский князь Ростислав дает в 1150 г. „святей Богородици и епископу прощеники (они входят в состав церковных людей), с медом и кунами, и с вирою, и с продажами, и ни надобе их судити никакому же человеку.

Дальнейшее развитие того же принципа мы находим в грамотах XIV—XV ст. В одной из наиболее ранних дошедших до нас жалованных грамот этого рода, относящейся к первой половине XIV ст. (грамота ярославского князя Василия Давыдовича Спасскому монастырю) читаем: „се яз князь Василий Давидовичь, докончал есмь с архимандритом с Пимином про дом св. Спаса по деда своего грамоте пожаловал есмь, что людей у св. Спаса в городе и в селах... не надобе им ни которая дань, ни ям, ни подвода, ни тамга, ни восмничее, ни бобровое, ни стану но чинят в селех спасских, ни дворского не емлют, ни становщик не вьездит ни с чем же...; а суди мои вси наместници и тиунии не шлют дворян своих по люди св. Спаса, но шлют к игумену, а игумен шлет по них своих людей. А что будет суд спасским людем с моими людьми, приехав моему судьи в монастырь судити ему в правде по целованию... А что учинится между спасскими людьми бои или татьба или душегубство или самосуд, то все судит игумен и вину емлет в дом Спаса; а нашим судьям не надобе ни дворяном" [13]).

Здесь перечислены все привилегии, предоставляемые духовным вотчинам. Прежде всего население их освобождается от уплаты налогов (дань), пошлин (тамга, восминичее), от повинностей (ям, подвода); далее оно изъято от княжеского суда по всем преступлениям, включая и душегубство. Наконец, взыскания производятся самим игуменом, а не „дворянами" (приставами князя). Только о совместном суде княжеских судей и игумена, в случае споров между монастырскими и волостными людьми, здесь еще не упоминается—в этом случае судит княжеский судья.

Рассматривая многочисленные тарханные грамоты церкви XIV—XV ст., мы находим здесь прежде всего указанное выше освобождение духовных вотчин от всевозможных податей и сборов („не надобе им ни мыта, ни тамги, ни которая дань, ни писчая белка, ни ям, ни подвода"), как и всяких повинностей („ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят"). Иногда, впрочем прибавляется: „ни иные ни которые пошлины им не надобе, опричь одного монастырского яму" или „опричь церковные пошлины" или же освобождение от податей всякого рода производится под условием уплаты

[11]) Пресняков, стр. 296.
[12]) Владимирский-Буданов. Хрестом., I. стр. 228. 237. 246.
[13]) Истор. Росс. Иерарх., VI, 229 сл. Карамзин, IV. Прим. 328.

оброка монастырем: „а дают мне князю,... оброк с того двора на год, на рождество христово, рубль"; но „опричь того не подобе им ничто, знают один свой срок". Обычно эти льготы не ограничены никаким сроком, но иногда для перезываемых вотчиной людей („а кого к себе в то село и на те пустоши перезовут людей") срок освобождения от податей и сборов определяется в 3, 5, 10, 20 лет. Или же наоборот определено для деревни „опричь дани моей и яму к волости ей не тянути ничем", для пришлых же имеется дополнительная льгота: „на десять лет не надобеть им моя дань, ни ям, а отсидят урок десять лет, и они потянут в мою дань и в ям по силе". К этому иногда еще прибавлено: „а на мою ловлю мои ловчие тех монастырских рыболовов... не зовут ни пошлин с них не емлют никоторых" или освобождение от всякого рода пошлин продаваемых монастырем продуктов „ненадобе с тих их людей и с соли и с жита монастырского и со вси их рухляди монастырские мыт ни томга ни вещее не побережное ни иные ни которые пошлины". В других случаях изъятие от проездных и торговых сборов касается только сбываемого монастырем хлеба или рыбы: „и вы бы у них с того хлеба пошлин не имали никаких, с трех сот четвертей": „что их повозок с подвозком ходит к Белоозеру по рыбу,.. ино им с того повозка и подвозка в Луковси не надобе ни мыт, ни тамга, ни иные никоторые пошлины" [14]).

Фискальный характер имеет и другая льгота, заключающаяся в освобождении людей духовных вотчинников от суда княжеских доводчиков и волостелей и установлении подсудности их игумену или архимандриту. Суд являлся доходной статьей, но доход от него, в силу грамот получали уже не княжеские волостели и их тиуны и доводчики, а митрополит или монастырь. „А наместники наши или волостели и их тиуны тех их людей не судят ни в чем, опричь душегубства и разбоя с поличным, ни кормов своих не емлют и не всылают, к ним ни почто; а праветчики доводчики поборов своих не берут и не в'езжают ни по что; а ведает и судит тех своих людей игумен с братьею сами ю всем или кому прикажут". Освобождение от суда наместников, следовательно, сопряжено с освобождением их от поборов и кормов, поступавших в их пользу. „А смешается суд тем людям пришлым с городскими людьми или с волостными и наместници мои или волостели или их тиуни судят, а архимандрит с ними же судит, или кому прикажет, а прибытком ея делят". В случае тяжбы между крестьянами вотчинника и людьми иного звания городскими или крестьянами черных волостей, т. е. людьми, подвластными княжескому наместнику, последний все же не может судить самостоятельно, а лишь совместно с вотчинником или его приказчиком, причем доходы от суда они в этом случае делят между собою пополам.

Для игумена или архимандрита вся суть заключалась именно в этом. Либо, если он судил один—людей своей вотчины—поборы поступали целиком в его пользу, либо при смешанном суде он получал половину. Но, повидимому, и для крестьян и суд монастыря, и „смесной" суд (если участвовали другие лица) имел значение. Будучи заитересован в том, чтобы не только задержать у себя сидящих на земле вотчинника крестьян, которых могли легко перезвать в другие „отчины", но и приобрести новых—ценился их труд, а не имевшиеся в изобилии свободные земли—монастырь несомненно щадил своих крестьян, тогда как приезд наместников, волостелей, тиунов и доводчиков ради суда был связан с разорением и раз-

[14]) Акты Арх. Эксп. I. №№ 4, 5, 7, 17 21, 23, 24, 29, 31, 35 39, 41, 47, 51 53, 56, 60, 64, 65, 69, 75, 77, 79, 81—83, 86, 88, 89, 95 99, 102, 104, 107, 110, 112, 113, 116—118, 121—123, 126, 130, 131, 133, 136, 139. Акты Ист. I. №№ 13, 15, 25, 28, 35, 36, 49, 70, 71, 74, 83, 106, 108, 111. Дополн. к акт. ист. I. №№ 17, 190, 193, 184, 202 04, 189, 200, 207, 208.

граблением населения эти княжеские люди ведь не имели никакого основания отказываться от насилий по отношению к крестьянам вотчинника. Еще существеннее для крестьянского населения, сидевшего на вотчинной земле было, надо думать, то обстоятельство, что самое исполнение приговора поручалось вотчиннику или его приказчику, а не княжеским приставам, доводчикам и дворянам; это происходило и в случае смешанного суда—в этом случае в отношении волостных людей судебная полиция вверялась княжескому волостелю, тогда как вотчинные крестьяне, признанные виновными („смесным") судом, передавались для исполнения решения архимандриту или игумену. „А случится суд смесной митрополичим людем с волостными людми, а волостели мои и их тиуни судят, а митрополичь приказчик с ними судит: прав ли будет, виноват ли мой человек волостной и он своему человеку и в правде, и в вине митрополичи приказчик не вступается в волостных людей, ни в правого, ни в виноватого; а также будет прав или виноват митрополичь человек и он в правде и в вине митрополичу приказчику, а волостели мои и их тиуни не вступаются в митрополича человека ни в правого, ни в виноватого".

Во многих жалованных грамотах крестьяне признаются подсудными вотчиннику по всем делам, в других случаях сделаны исключения для важнейших преступлений—разбоев, душегубства и татьбы, которые находились в ведении княжеских волостелей; но иногда последние судят лишь при наличности душегубства, тогда как разбой и татьба или только татьба предоставлены суду игумена или архимандрита. Такие ограничения „опричь татьбы и разбоя и душегубства [16]) или „опричь одного душегубства" находим уже в первой пол. XIV ст.; а рядом с ними в том же XIV ст. „а в разбое и в татбе их бояря мои не судят" [17]).

Церковные и монастырские вотчины были вообще избавлены от въезда волостелей и их людей. Доступ закрыт им не только для сбора податей и повинностей в пользу князя или для разбора судебных дел, но и для кормления и для всяких иных надобностей; им запрещается останавливаться в вотчинах, жить там и кормить своих лошадей, брать проводников. „Также у них в том монастыре и у тех людей монастырских волостели мои и их тиуни и доводчики не ставятся, ни кормов, ни подвод, ни проводников у них не емлют". Запрет распространяется и на всяких других княжеских людей, псарей, ловчих, сокольничих, ездоков, бобровников, разных людей, кроме лишь гонцов князя. „Также и ездоки мои в их деревнях не ставятся", ни кормов, ни проводников у них не емлют, ни псари мои в их деревни полничать не ездят". „А сокольники мои Скарыновские в их деревнях на мои соколы куров не емлют; а коли ко мне соколов принесут, и они у них в их деревнях не ставятся". „И мои князи, и ратные воеводы, и дети боярские, и всякие ездоки, и псари, и ловчие, и бобровники в тех их селах и деревнях не ставятся, ни кормов, ни проводников у них не емлют опроче того, кто погонит с моею грамотою с подорожною; также скоморохи у них в тех селех не играют". И прибавлено „а чрез сю мою грамоту кто что на них возмет или чем их изобидит, быти ему от меня в казни".

Князья стараются освободить монастырских людей и от незванных гостей в лице своих должностных лиц, приезжающих на пиры и братчины или на праздники, силою врывающихся в дома, во время пьянства учиняющих ссоры и буйства, сопровождающиеся и убийствами. „А кто к тем их людем на пир или на братчину или о празднице придет пить сильно (насильно), не зван, а учинится тут какова гибель и яз велю правити без

[16]) Грам. Иоанна Калиты 1338—1340 гг. Акты Арх. Эксп., I, № 4.
[17]) Грам. Димитрия Донского 1363—1389 гг. Акты Арх. Эксп., I, № 7.

суда и без исправы на том". „У кого монастырских людей будет пир или братчина, и к тем людем монастырским на пир и на братчину незван не ходит никто; а кто у них учнет пити силно, а учинится у них какова гибель, и ему то заплатить без суда и без исправы".

Вообще во избежание всяких недоразумений и в целях охраны иммунитета, воеводам и волостелям не дозволено даже ездить через вотчину. Им полагается объезжать ее, „На тот монастырь не ездят ни которые мои воеводы, ни которые ездоки... а ездят осовцом, дорогою пошлою, по заречью; а кто поедет с дороги на тот монастырь... быти от меня от великого князя в казни". И в заключение говорится „а на сю мою грамоту грамот нет", т. е. пожалование князем кормов, суда, пошлин в силу других грамот не должно нарушать этой грамоты и ее не касается.

Иммунитетных грамот, пожалованных светским вотчинникам, до нас дошло гораздо меньше чем грамот, устанавливающих привилегии в пользу митрополитов и монастырей. Но это—как справедливо подчеркивает Павлов-Сильванский—еще ничего не доказывает. Монастыри лучше берегли свои архивы; и на Западе иммунитетные дипломы относятся главным образом к монастырям, в ризнице которых они хранились в течение многих веков [18]). „Среди пожалованных (светских вотчинников)—говорит Сергеевич—встречаются Ивашки и Федьки. Можно ли допустить, что большие люди, имена которых писались „вичем", имели менее прав и привилегий, чем эти Ивашки, жалованные грамоты которых случайно сохранились до наших дней" [19]). Древнейшие грамоты светским землевладельцам относятся к началу XV ст., однако, в грамоте Ивану Петелину 1450 г. Василий Васильевич жалует его „по прадеда своего грамоте Ивана Даниловича", как и по грамотам своего деда и отца [20]). Из этого следует, что светским землевладельцам предоставлялись те же льготы, что и монастырям—изъятие населения вотчины от всевозможных податей и повинностей, от суда волостелей, от приведения в исполнение судебных приговоров тиунами и доводчиками; устанавливается тот же „смесной" суд, княжеские власти не должны въезжать в вотчину, не в праве требовать кормов, ни взимать поборов. „Кто у него в том селе и в деревнях жити людей—читаем в грамоте Петелину—ино им не надобе ни ям, ни подвод, ни тамга, ни восмничье, ни мыт, ни костки (различные виды проездных сборов), ни сен моих косити, ни коня моего не кормить, ни портное (пошлина), ни скотскому (сотскому) ни к дворскому не тянуть ни в какие протори ни в розметы, ни какие иные никоторые пошлины не надобе, ни закосных пошлин не дают; а волостели мои Кинельские и их тиуны доводчиков своих не всылают к Ивану и ко всем его людем ни почто, ни кормов не емлют, ни судят их ни в чем, опричь душегубства и разбоя и татбы с поличным; а праветчики поборов не берут у них, ни въезжают ни по что; а ведают свои люди всех сам Иван или кому прикажет; а случится суд смесной, и волостели мои судят и их тиуни, а Иван с ними же судит или кому прикажет, а присудом ся делит наполы" [21]).

---

[18]) Павлов-Сильванский, стр. 285 сл.
[19]) Сергеевич, I, стр. 329.
[20]) Акты Арх. Эксп., I, № 46.
[21]) Акты Арх. Эксп. I, № 46. Однородные грамоты XV ст. светским вотчинникам: там же I, №№ 44, 111, 120, 132. Дополн. к актам истор. т. I, №№ 374, 379. Юшков, Акты XIII—XVII веков, предоставленные в разрядный приказ. Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1898. №№ 14, 15, 20, 25, 27, 31. Мейчик, Грамоты Арх. Мин. Юст., №№ 51, 260.

VII.

В совершенно ином положении находились крестьяне, сидевшие на волостных землях. „Да ставятся де у них в тех селах и в деревнях мои бояре и дети боярские и всякие ездоки, да емлют де корм себе и коням". Вне пределов вотчинного иммунитета население вынуждено было снабжать продовольствием княжеских наместников и волостелей, княжеских „ездоков" (гонцов), которые „ставились" в деревнях и жили там, как и кормить княжеских людей и лошадей: содержание всех их падало на жителей. Они же обязаны были кормить княжеских лошадей, которые ставились на корм по деревням, и собак для княжеской охоты, „ставить" княжеские дворы, отбывать ямскую повинность („ям по старине шестый день"), давать подводы и проводников. Но этим дело далеко не исчерпывалось. Крестьяне, жившие на черных землях, вынуждены были выполнять всевозможные сельско-хозяйственные работы в княжеских селах, ибо одних сидевших там крестьян не хватало, вынуждены были и участвовать в промыслах звероловных и рыболовных, производимых за счет князя [22])—дворский и старосты их „заимают" на „княже дело [23]). Крестьяне пашут княжеские села, косят сено на лугах князя, хлеб княжеский возят и молотят [24]). Княжеские „поледчики" „наряжают крестьян на ловлю", крестьяне „езы великого князя и последнее бьют", они обязаны „принимать рыболовов великого князя" [25])—княжеские рыболовы (подлещики) привлекают крестьян к рыбной ловле, ставятся в деревнях, берут у них корм, в'езжают в соседние озера, заводи, речки и ловят там рыбу. Подобным же образом и вся столь широко поставленная княжеская охота кормится на счет крестьян и совершается при их помощи. Ловчие, охотники и псари „у них стоят, ночуют, сено и овес травят, собак кормят", „псари деи мои с собаками в их деревни ездят полничяти", „ловчие великого князя и бобровники бобров у них ловят, в деревнях ся у них ставят, кормы себе у них емлют" [26]). Крестьян берут на охоту, они должны устраивать загоны, ходить „на медведей и на лосей и на оленей по пять человек с сохи". Все это делалось безвозмездно и считалось в то время вполне естественным и правомерным. Раз это необходимо было для княжеского хозяйства, совершалось в интересах князя, то население обязано было выполнять все эти повинности, терпеть набеги княжеских охотников с их собаками, сносить разорение от княжеских слуг, как и платить всевозможные подати и сборы, об'единяемые термином „дани", протори в пользу волостелей и доводчиков и многое другое.

Как мы видели, вотчинники сумели свои владения защитить и избавить от всего этого, окружить свою землю как бы особой стеной, через которую ни волостели и тиуны, ни ловчие, ни рыболовы, ни ездоки, ни их лошади и собаки перешагнуть не могли, сумели освободить свои реки и озера, борти и бобровые гоны от княжеских „подлазников" и „подлещиков", а свое население от обязанности идти на княжескую рыбную ловлю и охоту, на княжеские пахоти и покосы, от суда и расправы наместников, от их поборов и насилий. Неудивительно, если население предпочитало вотчинные земли черным волостям, где оно сидело на собственной земле, готово было отрабатывать барщину и платить оброки землевладельцу, лишь бы его не громили княжеские люди всех степеней и разрядов.

---

[22]) Бахрушин, Княж. хозяйство, стр. 566 сл.
[23]) Акты Арх. Эксп. I, № 5.
[24]) Акты Ист. I, 192.
[25]) Акты Арх. Эксп. I, №№ 120, 136, 43.
[26]) Там же, №№ 56, 96, 132.

При тех широких правах и преимуществах, которые предоставлялись вотчинам и превращали их как бы в самостоятельные государства, для князей, жаловавших эти грамоты, создавалась опасность, как бы вотчинники не привлекали к себе население из их собственного княжества и таким образом дарованные ими льготы не отразились на их землях, не привели к запустению последних. Поэтому во всех грамотах всегда прибавлено: „а кого к себе перезовет людей из иных княжений, а не из моей отчины из великого княжения", „а архимандриту... из очины князя великого из Москвы людий не приимати", „тяглых моих людей писменных и вытных в ту слободку им не принимати" [27]). Иногда имеются и другие ограничения: „а тутошних людей волостных в ту деревню отцу моему митрополиту не приимати", „а архимандриту тяглых людей Волоцких не приимати" [28]). Особенно много заботился Новгород о том, чтобы князья не перезывали к себе новгородских крестьян—соглашения этого рода сохранились еще с XIII века—„не выводити людей в свою волость". Но и между вотчинниками происходила конкуренция—одни отбивали крестьян у других, привлекая их более легкими службами и платежами. И поэтому они, добиваясь для себя свободы перезывать людей из иных мест, в то же время стараются ограничить эту свободу для других, а тем самым и для крестьян—крестьян из их вотчин нельзя переводить в другие места. „Которого их хрестьянина из того села и из деревень кто к собе откажет, а их старожильца,—читаем в грамоте Троице-Сергиеву монастырю—и яз князь велики тех крестьян из Присек и из деревень не велел выпущати ни к кому" (1455—62 г.г.) [29]). К тому же времени относится другая грамота, пожалованная тому же монастырю, „что их села в углечском уезде и которые люди от них вышли из их сел в мои села великого князя или в села в моее великее княгыни, и в боярские села сего лета, не хотя ехати на мою службу великого князя к берегу, и яз князь великыи пожаловал игумена Васьяна с братьею велел семь те люди вывести опять назадь; а которые люди живут в их селах нынеча, и яз князь великыи тех людей не велел пущати проч". Монастырскому поссельскому даже предлагается пристав царский, чтобы этих крестьян вернуть обратно [30]). Так борьба из-за крестьян уже рано создала ограничения перехода их, недостаток рабочих рук для возделывания пустошей заставлял заботиться об удержании населения, о недопущении ухода его на другие земли.

VIII

Теми же обширными привилегиями, предоставленными вотчинам, как и вообще их силой и влиянием, об'ясняется, повидимому, возникновение и другого института—закладничества. Крестьяне обнаруживали стремление перейти под их власть—закладываться, задаваться, чтобы находясь под защитой князя, боярина или монастыря, избавиться от насилий и притеснений других лиц, от разного рода даней и поборов. „Во все продолжение древней русской истории—говорит С. М. Соловьев—мы видим стремление менее богатых, менее значительных людей закладываться за людей более богатых, более значительных, пользующихся особыми правами, чтобы под их покровительством найти облегчение от повинностей и безопасность. Стремление это мы видим и в других европейских государствах в средние

[27]) Там же, I, № 102.
[28]) Там же, №№ 4, 17, 20. Грам. 1328—40, 1410—17, 1421.
[29]) Акты Истор. I, № 59.
[30]) Акты Арх. Эксп. I. № 64. Акты Юрид. быта. I. № 37.

века: оно естественно в новорожденных обществах при отсутствии безопасности, когда правительство, законы еще не так сильны, чтобы дать покровительство, безопасность всем членам общества. Таким образом выгодно было земледельцам переходить на земли богатых и знатных землевладельцев, архиереев, монастырей, вельмож, ибо кроме (вышеупомянутых) льгот при первом поселении, поселенцы пользовались еще льготами, заключавшимися в разных правах, которые имели те или другие землевладельцы, а главное—пользовались покровительством сильных людей [31]).

Последующие исследователи однако не пошли за Соловьевым, а усматривали в закладных или закладчиках тех же закупов и кабальных холопов „Русской Правды", считая закладничество зависимостью, основанной на кредитном обязательстве; речь идет о личном залоге, о займе обеспеченном личною свободою должника, о денежном обязательстве, как основе института закладничества [32]). А между тем—как указывает Павлов-Сильванский именно в наиболее старых источниках ни о каких кредитных сделках, ни о каком займе, обеспеченном свободою должника, не упоминается. В договоре Новгорода с князем Ярославом Тверским 1265 г. говорится: „а из Бежицы, княже, людий не выводити в свою землю, ни из иной волости Новогородской; ни грамот им давати ни закладников примати, ни княгыни твоей, ни бояром, ни дворяном твоим, ни смерда, ни купцины" [33]). Здесь говорится только о неприеме закладней, среди которых имеются упомянутые выше смерды, о том, чтобы их не выводить из Новгородской земли в Тверскую. А пять лет спустя тот же князь обязуется тому же Новгороду закладников, которые успели уже заложиться ему, передаться в его власть, отпустить обратно, и то же сделать с княгининими и боярскими закладнями, жившими за ними в новгородском Торжке. И тут среди них упоминаются смерды. „А что закладников за Гюргом на Торжку, или за тобою или за княгынею, или за мужи твоими, кто купец, тот в сто, а кто смерд, тот потянет в свой погост, тако пошло в Новегороде, отпусти всих проць". (1270 г.) [34]). Сын его Михаил заявляет (в 1295 г.) Новгороду, что он отступился, отказался от пришедших к нему закладников („а кто будет закладень позоровал ко мне, а жива в Новгородьской волости тех всех отступился есмь Новугороду) [35]).

Н. П. Павлов-Сильванский обратил внимание на то, что закладываться, заложиться, означает перейти под покровительство другого лица, отдаться под его защиту, и сближает этот институт, с патронатом коммендацией на Западе. Аналогично с патронатом селений Patrocinium vicorum) и с земельной коммендацией феодального времени (terra in commendatione) и у нас в удельное время существовало и закладничество сел—говорится о заложившихся, зашедших, задавшихся селах; закладывались люди вместе с землей [36]). Они сохраняют свое право владеть землей, только отдаются под покровительство князю или его боярину, но при этом свобода их умаляется. Это видно уже из приведенных выше грамот, приближающих закладней к положению зависимого человека: их отпускают как холопов („отпусти всих проць"), от них „отступаются" („отступился есмь Новугороду") [37]).

---

[31]) Соловьев. Ист. IV, стр. 1215.

[32]) Неволин, История русск. гражд. законов, стр. т. III. 149. Чичерин, Опыты, стр. 154. Ключевский, Происхожд. крепостн. права. Сергеевич, Юрид. древн. I. (1 изд.). 296 сл. В этом смысле, впрочем, высказывались еще раньше Рейц, Мейер, Устрялов, Победоносцев.

[33]) Собр. Гос. гр. и дог. I. № 1.

[34]) Собр. Гос. Грам. и Дог. I. № 3.

[35]) Там же, I. № 4.

[36]) Павлов-Сильванский, III.

[37]) П. Беляев, Сеньерия, VIII. стр. 146.

Закладни упоминаются уже в договорах XIII ст., причем они уже тогда, повидимому, составляли новгородскую старину, следовательно могут выходить к XII в. и далее. Мы узнаем о них из договоров как XIII, так и последующих столетий, вследствие того, что уже с этого времени ведется борьба с закладнями—их не должно быть. Никто не должен их держать. Их запрещает ранее всего Новгород (к нему относятся приведенные выше договоры), но затем так же поступает и Москва. („Закладней не держати не приимати"). Причина заключается в том, что „закладни вышли из тягла стали жить за людьми разных чинов, перестали платить подати; вот в чем беда" [38]). „Закладники не „тянут" к Торжку—они независимы от местного тягла. О них говорится и в новгородской грамоте пол. XV ст. Хотя самый термин „закладник" и не употреблен, но, очевидно, речь идет о нем, когда говорится о человеке, который должен уплатить по гривне с сохи, что он бросает свой двор и поселяется во дворе боярина, чтобы не платить; в наказание с него взыскивается двойная дань („а кто поверга свой двор, а вбежит в боярский двор... а изобличат, на том взяти вину вдвое за соху" [39]). Но несмотря на всю борьбу с этими „заступными людьми"—как они впоследствии именуются, т. е. поступившими под защиту других, этот порядок не выводится. Такие же запрещения, как в XIII ст. повторяются и в XVII в. Очевидно, он имел глубокие корни в народной жизни. Социальные условия вызвали его к жизни, сделали его необходимым. Это был один из способов избавиться и от притеснений данщиков и приставов и от тягла и от всяких насилий со стороны более сильных, хотя и ценою утраты своей самостоятельности и независимости, поступая во власть защитника—князя, боярина или монастыря. Повидимому, эта жертва была не слишком дорога по сравнению с покупаемыми за нее выгодами.

IX.

Сидевшие в пределах иммунитетной вотчины крестьяне едва ли могут быть названы свободными арендаторами земель, как их нередко именуют. С одной стороны, если их и можно называть арендаторами (хотя их права на земли были нередко значительно больше или по крайней мере увеличивались с течением времени, когда они становились старожильцами), то во всяком случае это не была вполне свободная аренда. Они подчинялись его административным распоряжениям, платили ему подати и в особ. подвергались его суду. Он являлся для них действительно государем (как они его и именовали), создавался феодальный строй с верховной собственностью вотчинника на землю (dominium eminens) и правом пользования со стороны обрабатывающего землю крестьянина (dominium utile), строй, характеризуемый соединением в руках вотчинника публичных прав с частными—прав землевладельца и государя.

О таком роде условиях говорится и в псковской судной грамоте 1397—1467 г.г., трактующей об изорниках (от изорати—вспахать), пашущих землю вотчинника, об огородниках и кочетниках или четниках—рыболовах (от кочет—колышек у лодки, к которому привязываются весла). Изорник отдает господину четвертую часть урожая, огородник и кочетник, повидимому, половину своих продуктов [1]). Но едва ли можно считать их

---

[1]) Сергеевич. Закладничество в древней Руси. Журн. Мин. Нар. Просв. 1901 XI. III.

[2]) Акты Арх. Эксп. I. № 32.

[3]) Псковская судная грамота, ст. 42. Владимирский-Буданов, Хрестом. I стр. 165.

арендаторами. Прежде всего уход (отказ) допускается только один раз в году—в Филиппово заговенье (14 ноября)—так что прекращение аренды сильно ограничено: „а который государь захочет отрок дати своему изорнину или огороднику или кочетнику, ино отрок быти о Филиппове заговенье: тако ж захочет изорник отречися с села или огороднику или четник, ино тому ж отроку быти". Но кроме того переход затрудняется еще тем, что „который изорник стречется оу государя села, или государь его отрьчет и государю взят у него все половину своего изорника" [41]). Владимирский-Буданов, а за ним и другие (Дебольский, Дьяконов) полагают, что изорник оставляет господину половину своего урожая, тогда как по мнению Сергеевича и Павлова-Сильванского, речь идет о половине имущества изорника [42]). Последний указывает на то, что в таком отнятии половины имущества нет ничего не правдоподобного—сервы на Западе при отказе лишались всего, отпускались голыми, позже получали часть имущества, у нас впоследствии господа, если не по закону, то фактически отнимали у крестьян при отказе значительную часть имущества. Во всяком случае последний лишался части своего добра и при том не только при отказе, последовавшем с его стороны, но и в случае, если господин заставлял его уйти.

При этом характерную черту составляет то, что изорники, огородники и кочетники, по Псковской судной грамоте, получают от хозяина „покруту", т. е. ссуду „серебром", т. е. деньгами, или хлебом („пшеницы — ярой или озимой") [43]). Грамота устанавливает подробные правила относительно взыскания „покруты", предусматривает и случай „бегства" изорника за пределы Псковской области („а который изорник с села збежит за рубеж") [44]). Из этого следует, что такая задолженность составляла широко распространенное явление и без получения ссуды трудно было взяться человеку за хозяйство, указывает и на то, что задолжавшие крестьяне спасались бегством в другие области. „Они живут в долгах, бегут от долгов и умирают в долгах". При таких условиях переход для них едва ли был возможен, ибо в случае несостоятельности им грозила участь попасть снова к прежнему государю, но не в качестве уже изорника, а в качестве его холопа [45]). Создавалось прикрепление к земле. На ряду с борьбой за крестьянина, который обрабатывал бы пустоши, задолженность последнего составляла второй момент, приводивший, повидимому, уже весьма ранее к тем же последствиям.

И. Кулишер.

---

[41]) Ст. 63.

[42]) Владимирский-Буданов, 173 прим. 136. Дебольский, стр. 126. Энгельман, Гражд. зак. псковск. судн. грам. (1855) стр. 56 сл. Дьяконов, Очерки общ. и госуд. строя, стр. 99. Сергеевич, I, 239. Павлов-Сильванский, III, стр. 195.

[43]) Псковск. судн. грам. ст. 44.

[44]) Там же, ст. 51, 76, 84—87.

[45]) Дьяконов, стр. 100.

Сведения о положении крестьян к концу Крымской кампании.

(По официальным данным).

Крымская кампания, начавшаяся осенью 1853 г., как известно, поглотила огромное число человеческих жизней со стороны России. Открывшееся в начале марта 1855 г. в Вене совещание о мире ни к чему ни привело, и война продолжалась с еще большим ожесточением, поглощая тысячи людей.

Между тем зимою 1855 г. в Петербург проникли из разных местностей России слухи, что военные обстоятельства вызвали там значительное сокращение числа работников, вследствие чего происходит остановка в хозяйственных и преимущественно в земледельческих работах. Встревоженное этими сведениями, правительство в лице министра внутренних дел Ланского, желая проверить степень их основательности, в конце декабря 1855 г. обратилось ко всем губернаторам с секретным циркуляром, коим просило их, как „хозяев" губерний, в срочном порядке доставить самые точные и ясные данные по возбужденному вопросу, адресуя их министру в собственные руки в виду их строго конфиденциального характера.

Ответы губернаторов стали поступать очень скоро—с начала января 1856 г. и поступали они на протяжении нескольких месяцев [1]).

Мы извлекли из них наиболее существенное и характерное для тогдашней крестьянской трудовой России, об'единив губернии в группы по более или менее общим признакам—климатическому и почвенному.

Северный край.

В *Архангельской* губернии, заселенной исключительно государственными крестьянами, рекрутская повинность отправлялась не только натурой, но и деньгами, которые вносились больше, чем за третью часть рекрут [2]): кроме того эта губерния была освобождена от государственного ополчения. Поэтому и по незначительному количеству пахотной земли, находящейся во владении государственных крестьян, нет недостатка в работниках; да и самое хлебопашество, по суровости климата не представляя выгод, не распространяется. Крестьяне занимаются промыслами—звериным и рыбным

---

[1]) Архив министер. вн. дел. хозяйст. д-т., 1 отд. 2 ст. д. № 190 за 1855 г.

[2]) В два последние набора следовало принять по губернии всего 1946 рекрут; из них 907 человек внесли за себя деньги и представили рекрутские квитанции (донесение жандарм. окруж. начальника III отделения собственной с. в. канцелярии).

доставкой леса в Архангельский порт и отправляются на заработки в другие губернии.

В *Вологодской* губернии, по лаконическому донесению губернатора[1]), не заметно уменьшения работников и остановки в хозяйственных и земледельческих работах нет.

Озерный край.

В *Петербургской* губернии свирепствовавшая за последние годы холера остановила обычное приращение населения; частые же рекрутские наборы и призыв государственного ополчения, упадающие исключительно на взрослых рабочих, уменьшили рабочие силы в сельских обществах, казенных и помещичьих. В помещичьих имениях на 2½ ревизских души считается одно тягло, что составляет на 1000 душ 400 тягловых работников, а так как за последние два года взято было в рекруты и ополчение 5.903 человека, то, учитывая общее число тягловых работников в помещичьих имениях, нужно считать убыль этих работников в 11%. В тех имениях, где крестьяне стоят на оброке, это уменьшение тягол чувствительно повлияло на уменьшение их доходности; там же, где крестьяне на господской запашке, понижение доходов незначительны, ибо в Петербургской губернии запашка вообще не обширна, что дало возможность даже при уменьшении работников сохранить прежнее количество обрабатываемых полей. В производстве же других промыслов не заметно никакого уменьшения в виду продолжающегося большого стечения рабочего люда из других губерний.

В *Олонецкой* губернии военные обстоятельства повели к значительной убыли работников из семейств всех податных сословий; но в хозяйстве крестьян почти никакой перемены не заметно, кроме некоторых отдельных семейств казенных крестьян, где вследствие неудачного найма «охотников» или самовольного раздела обязанность дать рекрута ложилась на одну часть семейства. Но значительная убыль работников и расстройство некоторых семейств не имели почти никакого влияния на общее состояние крестьянского населения, что доказывается исправным поступлением за 1855 год податей и повинностей, без особенно строгих мер со стороны начальства. Что касается земледелия, то при незначительном развитии его в губернии и обилии разных местных промыслов, не могло быть остановки в земледельческих работах уже потому, что они обычно исполняются стариками и женщинами, которые не только жнут хлеб, но и обрабатывают поля и косят траву.

В *Псковской* губернии поступило в рекруты и ратники 18.336 человек, из которых мещан 804, государственных крестьян 6.606 и помещичьих крестьян 10.926, следовательно, вся тяжесть легла на крестьян. Относительно государственных крестьян нужно сказать, что, так как до 9-й ревизии министерство государственных имуществ по недостатку удобных земель, которых в губернии числится по генеральному межеванию 615.616 дес. (около 6 дес. на ревизскую душу), переселяло их в другие губернии, нельзя допустить, чтобы они нуждались в рабочих для земледелия. Это подтверждается тем, что посевная площадь озимого и ярового хлебов за 1854 и 1855 г.г. отнюдь не уменьшилась у государ. крестьян по сравнению с предыдущими годами. Что же касается помещичьих крестьян, то, так как по генеральному межеванию в их владении удобной земли (за исключением чересполосной) числится 2.442.428 дес. (более 13 д. на ревизскую душу),—

[1]) По донесению местного жандармского начальника, с прекращением вследствие войны вывоза за границу многих местных продуктов, занимавшиеся их изготовлением крестьяне обратились к земледелию.

убыль 10.926 работников несомненно ощутительна в хозяйстве. Но в виду того, что хлебопашеством, составляющим в Псковской губернии главную работу местных крестьян, занимаются и женщины, число которых превышает число мужчин [1]), то в рабочих для земледелия пока еще нет особенного недостатка. Посевная площадь еще не уменьшилась.

По *Новгородской* губернии сведения получены от губернатора крайне неопределенные: не приводя никаких цифровых данных, он ограничился общей отпиской, рисующей его главным образом, как „благонадежного" чиновника. Хотя военные обстоятельства, коснувшиеся, мол, в равной степени всех сословий (?) губернии, и уменьшили число рабочих рук, но это уменьшение нисколько не ослабило производительной деятельности поселян, ибо *помещики* и прочие сословия, „в чувствах верноподданнической преданности" и в сознании важности пред'явленных к ним требований, или усилили труды свои *без особенного стеснения,* или изыскали по возможности другие доступные меры для поддержания хозяйства, почему нигде не заметно остановки в хозяйственных и земледельческих работах. В этом рапорте губернатора имеется единственное существенное указание на выгодное расположение Новгородской губернии между двумя столицами—Петербургом и Москвой, что дает жителям этой губернии источник для заработка.

Прибалтийский край.

В *Лифляндской* губернии во всех почти имениях, за исключением Перновского и Феллинского уездов, заметно уменьшение числа работников и остановка в земледельческих работах, так как 4 рекрутских набора в течение двух последних лет поглотили до 12.000 человек лучших возрастов. Если убыль наиболее здоровых работников в зимнее время менее ощутительна, то по недостатку работников в некоторых приходах с наступлением весны обработка полей и производство других хозяйственных и земледельческих работ должны встретить затруднения, ибо по неимению других людей были сданы на военную службу даже усадебные хозяева.

По *Эстляндской* губернии число работников уменьшилось от частых рекрутских наборов, но от этого не произошло остановки в хозяйственных и земледельческих работах. Причины губернатор не об'ясняет.

По *Курляндской* губернии сведения еще лаконичнее: не заметно уменьшения работников, от которого происходила-бы остановка в хозяйственных и земледельческих работах.

Центральный или Московско-промышленный район.

В *Московской* губернии рекрутские наборы и призыв ополчения уменьшили число работников в помещичьих имениях; но это, повлияв лишь на уменьшение хозяйства в отдельных селениях, сократив запашку, не произвело почти изменения вообще в хозяйственных и земледельческих работах губернии и тем менее остановку в этих работах. Земледелие в Московской губернии не составляет главного промысла сельского населения и не занимает большого числа рабочих рук, а потому не может иметь решающего влияния на домашнее благосостояние крестьян. В быту государственных крестьян уменьшение работников не имело никаких последствий,—в сельском хозяйстве их не заметно упадка, и хотя в 1855 г. заработки этих крестьян уменьшились, но это было вызвано сокращением

[1]) По 9-ой народной переписи помещ. крестьян было 186.985, а крестьянок 195.112.

части мануфактурных производств, что повлекло за собою лишь временное затруднение в сборе податей.

В *Тверской* губернии со времени 9-ой ревизии, т. е. с 1850 г. по 1-ое января 1856 г., было пять рекрутских наборов—три очередных и два внеочередных в 1854 и 1855 г.г.; в три очередных набора было взято с каждой тысячи ревизских душ по 23 рекрута, а в два внеочередных по 20 рекрут; кроме того в 1855 г. было взято в государственное ополчение по 23 человека с тысячи душ. Таким образом, чрезвычайная убыль по военным обстоятельствам за последние два года составляет 43 человека с каждой тысячи душ,—всего же было взято на военную службу 26.897 человек. А так как по обыкновенному расчету на каждую 1.000 ревизских душ надо считать около 400 работоспособных человек, то убыль в работниках от двух внеочередных рекрутских наборов и призыва ополчения составляет около 11%. В виду того, что Тверская губерния не столько земледельческая, сколько промышленная, указанная убыль не имела своим последствием недостатка в хозяйственных и земледельческих рабочих. Нет опасности такого недостатка и в будущем: недостаток рук для земледелия может легко пополняться уменьшением числа уходящих на заработки, отчего частные хозяйства потерпят денежный ущерб, но земледелие не ослабится. Утрата рабочих сил ощутительна только в некоторых мелких имениях, в семействах из одиночных и даже двойников.

По *Владимирской* губернии выбыло с 9-ой ревизии и до 1856 г. на военную службу и по военным обстоятельствам 36.242 человека. Хотя это число весьма значительно, все же особенной остановки в хозяйственных и земледельческих работах не заметно, за исключением немногих мелкопоместных имений в Ковровском и Юрьевском уездах, где, за выбытием одного или двух работников из небольшого числа таковых, летом 1855 г. замечалась несвоевременная уборка хлебов и позднее обсеменение полей, а также в «двойниковых семействах» государственных крестьян, в которых, за поступлением на военную службу одного или двух работников, полевые работы были неуспешны. Общего недостатка в работниках в губернии не может быть, потому что население преимущественно промышленное и фабричными (мануфактурными) и заводскими работами занимаются здесь не только местные, но и в большом количестве пришлые крестьяне, хлебопашество же крайне ограничено, и им занимаются главным образом старики, малолетние и женщины вполне успешно.

В *Ярославской* губернии за последние два года, вследствие свирепствовавшей холеры, усиленных рекрутских наборов и поставки ратников ополчения, население уменьшилось, но убыль эта по местным условиям и размерам сельского хозяйства так незначительна, что не могла вызвать остановки в работах, как по малоземелью и по многолюдству в губернии, так и по сильному развитию в населении духа промышленности: ярославцы во множестве расходятся в другие губернии, где находят более выгодные занятия, чем земледелие и сельское хозяйство.

По *Костромской* губернии от военных обстоятельств произошло уменьшение работников, но это не вызвало остановки в хозяйственных и земледельческих работах (причины не об'яснены).

По *Нижегородской* губернии поступили сведения не только от губернатора, но и от губернского предводителя дворянства, который, указав на усиленные в 1854 и 1855 г.г. рекрутские наборы и призыв ополчения, куда попали люди от 25 до 45 лет, т. е. лучшие работники, констатирует убыль рабочих сил. Вместе с тем здесь указывается, что из губернии крестьяне в большом числе отправляются по срочным паспортам, выдаваемым им помещиками и вотчиноначальниками, на заработки в Сибирь на золотые промыслы, в Астрахань на рыбные промыслы и проч., где оста-

ются сряду по нескольку лет, не возвращаясь на родину, несмотря на настойчивые вызовы владельцев. Местные городские и земские полиции не содействуют в этом отношении помещикам. Таким образом, отлучившиеся крепостные люди избавляются от рекрутской повинности, не плотят податей и оброков, а оставшиеся по необходимости несут за них все натуральные повинности, плотят всякие сборы и ставят рекрут иногда последних из числа наличных работников в семействе. На это указывает и губернатор, который, сообщая мнение управляющего палатой государственных имуществ, что частые рекрутские наборы и призыв ополчения неблагоприятно повлияли на хозяйство казенных крестьян, оспаривает это мнение, свидетельствуя об удовлетворительном состоянии помещичьих крестьян, которых гораздо больше; неудовлетворительное же состояние хозяйства казенных крестьян губернатор приписывает недостаточно тщательной обработке земли.

Средне-земледельческий район.

По *Орловской* губернии с 1853 г. по 1-ое января 1856 г. было принято рекрут 26.657 и 15.278 ратников, а всего 41.935. Кроме того в 1855 г. умерло от холеры около 8 тысяч человек. В 1853 г. население губернии равнялось 672.135 ч., а к 1-му января 1856 г.—657.480 ч., т. е. уменьшилось на 14.653. Уменьшение произошло по всем сословиям, кроме мещанского, которое увеличилось на 3.931 чел., благодаря зачислению в него большого числа вольноотпущенных. Пахатной земли в помещичьих имениях 1.481.318 дес., в казенных имениях 652.670 д. и в удельных 98.594 д. К 1-му января 1856 г. числилось помещичьих крестьян 365.062, казенных — 209.431 и удельных—36.833. Следовательно, на душу приходилось в помещичьих имениях 4 д., в казенных—3 д. и в удельных—2⅔ д. Убыль работников в помещичьих имениях равнялась 7%, а в казенных—10%. Это вызвало уменьшение тягол в имениях от 5% до 18%. Раньше по малоземелью многие имения, употребляя определенное число тягол на земледельческие работы, остальные излишние тягла отпускали на заработки; теперь же люди, ходившие на заработки, обращены на пашню для пополнения убыли, что произвело некоторое стеснение в помещичьем хозяйстве, но земля не оставалась в пусте. Впрочем, в некоторых имениях, у владельцев которых было земли в избытке, приходилось, чтобы не оставить некоторые участки необработанными, сдавать в наем часть земельных участков. Цена на наемный труд увеличилась всего на 10%, но на ряду с уменьшением работников необходимо отметить, как вероятную причину, и бывшие за последние два года неурожаи. Таким образом, особенных затруднений в хлебопашестве не произошло,—за небольшими исключениями земли обрабатываются собственными средствами или наемным трудом, для чего имеется достаточное число рабочих рук. Но на каждого работника ложится обязанность прокармливать большее, чем прежде, число душ, что, при повышении цен на хлеб вследствие неурожаев, оказало неблагоприятное влияние на хозяйственный быт крестьян.

В *Воронежской* губернии от военных обстоятельств число работников уменьшилось, но не заметно, чтобы эта убыль вызвала оскудение и остановку в хозяйственных и земледельческих работах, кроме Нижнедевицкого уезда, где государственные крестьяне находятся в затруднительном положении по разным причинам, как об этом сообщил уездный предводитель дворянства, «уклонившийся от прямой сущности поставленного ему вопроса».

По *Курской* губернии (по немотивированному донесению губернатора) от военных обстоятельств произошло уменьшение работников, но оно так

незначительно, что не оказало никакого влияния на хозяйственные и земледельческие работы: по прежнему многие крестьяне отсюда отправляются на заработки в другие губернии [1]).

И по *Тамбовской* губернии уменьшение работников остановки в хозяйственных и земледельческих работах не вызвало (причины не об'яснены).

По *Тульской* губернии отрицается значительное уменьшение работников. Многолюдство губернии в отношении к количеству земли устраняет подобное опасение и в близком будущем. Хотя в некоторых мелкопоместных имениях от частых рекрутских наборов нарушаются хозяйственные соображения владельцев, но это все же не имело последствием оставление хотя бы одной десятины земли невозделанной. Лучшее подтверждение—большое число крестьян, отпускаемых на заработки в другие губернии.

По *Рязанской* губернии уменьшение числа работников не повлияло на хозяйственные и земледельческие работы, за исключением Михайловского и Пронского уездов, в которых, по сообщению земских судов, встречаются затруднения в скором окончании хозяйственных и земледельческих работ.

В *Пензенской* губернии посевные работы были своевременно закончены. Хотя по неурожаю яровых хлебов уборка их не требовала усиленных работ, но и количество посевов озимого хлеба нисколько и нигде не уменьшилась. Не заметно, в частности, уменьшения и в производящемся здесь в огромных размерах винокурении.

Волжско-Камский край.

Казанский губернатор ограничился лаконическим донесением, что в губернии не было остановки в хозяйственных и земледельческих работах.

Вятский губернатор сообщил следующее. В отношении производительных сил губерния находится в таком положении, что исключается возможность остановки хозяйственных и земледельческих работ от недостатка числа работников. В ней нет особенно значительных заводов или мануфактур, которые требовали бы большого числа рук, кроме находящихся в Слободском и Глазовском уездах частновладельческих железоделательных заводов, где государственные крестьяне ближайших 10 волостей занимаются работами за сдельную плату. Доказательство избытка работников—отправка значительного числа крестьян на работы в другие губернии, как-то: на золотые прииски, на бурлацкие работы по сплаву лесов и лесных изделий в низовые губернии, на бочарные и плотничные работы, по занятию извозным и другими промыслами. Хотя губерния состоит в разряде многоземельных, в ней не бывает случаев, чтобы поля оставались необработанными или незасеянными, и урожай с них бывает, если не избыточный, то всегда достаточный. Встречаются ходатайства о переселении в другие губернии, еще более изобилующие свободными землями: это лучшее доказательство, что губерния не испытывает недостатка в работниках. Однако есть отдельные семейства, которые, благодаря троекратному в 1855 г. исполнению рекрутской и ополченской повинности с отдачей по 43 человека с каждой тысячи ревизских душ, а всего 35.601 чел., лишились всех своих членов, бывших по возрасту и здоровью главными работниками в их домашнем быту, и за поступлением их на военную службу остались при пожилых и подростках, почему нуждаются в помощи посторонних лиц, особенно для земледельческих работ.

[1]) Местный жандармский начальник указывает, что в Курской губернии земледельческие работы исполняются женщинами.

Поволжский край.

В *Симбирской* губернии рекрутские наборы и ополчение потребовали по 65 чел. на каждую тысячу душ, но все же количество обрабатываемой земли не уменьшилось: труд крестьянина в пользу помещика несколько увеличился, но не свыше установленной законом нормы. Остановки в хозяйственных и земледельческих работах нет.

В *Самарской* губернии рекрутские наборы, ополчение и формирование особого стрелкового полка поглотили 32.109 человек на половину моложе 30 лет. Однако, остановки в хозяйственных и земледельческих работах не было. Фабричная и заводская промышленность на самой низкой степени развития, и вся деятельность направлена на земледелие и хлебную торговлю. Только в некоторых местностях северных уездов существует правильное трехпольное хозяйство, в остальных местностях по обилию и плодородию земли сеют хлеб где и как попало, обрабатывают землю крайне небрежно и по истощении участка бросают его и обращаются к другому. Из других губерний с весны приходят сюда крестьяне в огромном числе сперва для погрузки судов, а потом для полевых работ. Вследствие неурожаев и военных обстоятельств хозяйство и вообще быт крестьян в последние два года пострадали. Отправление рекрутской и ополченской повинностей стоило городским и сельским обществам до 667.776 р. сер., не включая в эту сумму расходов на наем охотников и покупку рекрутских квитанций, на проводы и проживание родственников в местах набора, на снабжение рекрут и ратников деньгами и необходимыми на дорогу предметами, что составило сумму не менее 600.000 руб. сер. Особенно заметно отразились военные обстоятельства на государственных крестьянах, на которых податные недоимки постоянно увеличиваются; многие общества нуждаются в хлебных ссудах на продовольствие и обсеменение полей. Общее состояние помещичьих крестьян удовлетворительно. Только мелкопоместные помещики несколько стеснены.

В *Саратовской* губернии, по немотивированному уверению губернатора, никакого недостатка в работниках нет. Положение домашнего быта крестьян—помещичьих, государственных и удельных—по прежнему удовлетворительно.

В *Астраханской* губернии, несмотря на частые рекрутские наборы в последние годы, остановки в работах не заметно. Среди крестьян, приходящих из других губерний на заработки, особенно на рыбные и другие промыслы, заметно некоторое уменьшение, вероятно, из-за привлечения их на родине к отбыванию рекрутской и ополченской повинности.

Уральский край.

В *Пермской* губернии число работников уменьшилось вследствие военных обстоятельств, но остановки в хозяйственных и земледельческих работах не произошло (причины необ'яснены).

В *Оренбургской* губернии за последние два года с населения в 325.000 душ взято 17.940 чел. Благодаря этому, несколько уменьшилось количество земледельческих работ, но при обилии естественных богатств, обширности земель и замечательном плодородии почвы, земледельческая производительность, вполне удовлетворяя местным потребностям, дает еще значительные избытки, обращенные в торговые обороты, а потому уменьшение земледедьческих произведений не имело сильного влияния на местное благосостояние, хотя и уменьшило материальные средства как земледельцев, так и землевладельцев. Остановки в работах не произошло.

Литовско-Белорусский край.

Виленская губерния, непризванная к ополчению, подверглась в 1854 и 1855 г.г. четырем усиленным рекрутским наборам: сдано было 12.300 государственных и помещичьих крестьян. Число это велико, но не настолько, чтобы могло вызвать остановку в работах. Направление торговли с севера (из Петербурга по шоссе на Ковно) и с юга (из Чернигова на Минск в Ковно) к западным границам отвлекает весьма много рабочих рук; но на это употребляется избыток работников, которые в обыкновенное время не находили для себя работы. Положение губернии незавидно не столько от последствий войны, сколько от сильных неурожаев, продолжающихся с 1845 г. Но один—два урожая дадут губернии возможность оправиться и придти в нормальное состояние.

В *Ковенской* губернии никакой остановки в работах не произошло. Напротив, вследствие направления с 1854 г. через Ковно заграничной торговли, равно экстренной починки шоссе потребовалось много наемных работников, в которых не оказалось недостатка, а было только естественное повышение наемной платы.

В *Гродненской* губернии неурожаи в течение ряда лет, свирепствовавшая в последние годы холера, а затем усиленные наборы вызвали недостаток в работниках; особенно стеснительно положение работников с упряжью, благодаря неоднократным падежам скота.

В *Витебской* губернии за последнее трехлетие число взрослых и лучших работников уменьшилось на 5%—от рекрутских наборов и призыва в ополчение, и это уменьшение не остается без влияния на хозяйственный быт семейств, понесших убыль. Но все же это особенного уменьшения хозяйственных и земледельческих работ не вызвало.

В *Могилевской* губернии свирепствовавшая в 1855 г. холера, рекрутские наборы и поставка ополчения поглотили большое число людей, так что в последний набор встречались такие помещичьи имения, в которых с трудом можно было отыскать людей, вполне годных к военной службе,—приходилось отдавать в рекруты людей семейных; на попечении помещиков оставались жены и малолетние дети. Некоторые помещики уменьшили количество обрабатываемой земли; но они оставили без обработки земли бесплодные, требующие усиленного удобрения и почти не вознаграждавшие трудов землевладельцев. У государственных крестьян уменьшение работников не вызвало хозяйственных затруднений,—посев хлеба продолжает ежегодно увеличиваться. В среде однодворцев, занимающихся земледелием, нередко встречается, вследствие уменьшения рабочих сил, остановка в земледелии и даже прекращение обработки земли. Однодворцы живут отдельными небольшими обществами, семейства их относительно продовольствия ничем не связаны между собою и, для бездоимочного отбывания рекрутской повинности в большем количестве против других сословий, часто должны были отдавать в рекруты людей семейных, оставлявших жен и малолетних детей без единого работника. Состоятельные семейства поддерживали свое сельское хозяйство наймом работников, а не имеющие на то средств вынуждены, оставив свои земли невозделанными, искать других ненадежных средств к пропитанию.

В *Минской* губернии эпидемические болезни, особенно в болотистых местностях Пинского и Мозырского уездов, и усиленные наборы вызвали убыль населения; но совершенной остановки в хозяйственных и земледельческих работах не было, кроме затруднения во время холеры в 1855 г., при чем были приняты меры к ускорению работ посредством найма работников из менее пострадавших мест.

В *Смоленской* губернии рекрутские наборы, ополчение и холерная эпидемия уменьшили рабочие силы, но это не повлекло за собою остановки в хозяйственных и земледельческих работах, так как воинская повинность ложилась главным образом на большие семейства и принималось в расчет, чтобы не вызвать затруднения в хозяйственной жизни. Женщины по обычаю принимают участие в обработке и уборке полей.

Малороссийский край.

В *Киевской* губернии от холеры и рекрутских наборов ощутителен недостаток рабочих рук, но остановки в работах нет (причины не об'яснены).

В *Подольской* губернии в помещичьих имениях нет остановки в работах, ибо от самих помещиков зависело отдавать своих крестьян в рекруты с таким расчетом, чтобы это по возможности не вредило сельскому хозяйству. Среди государственных крестьян заметно некоторое уменьшение вследствие эпидемии и военных обстоятельств.

В *Волынской* губернии эпидемия и военные обстоятельства уменьшили число работников, но не настолько чувствительно, чтобы вызвать остановку в работах.

В *Черниговской* губернии в 1853 и 1855 г.г. сильно свирепствовала холера, вырвавшая из среды крестьян не мало жертв; четыре рекрутских набора и государственное ополчение поглотили по 61 чел. с каждой тысячи крестьян, а с малороссийских казаков по 36 чел. с тысячи. Все это, уменьшив число наиболее годных работников, ослабило рабочие силы сельских обществ. Убыль эта делается заметной особенно в многоземельных имениях, которые по значительному количеству пахотных земель производят обработку их при помощи наемных людей, отпускаемых на заработки малоземельными владельцами; но и последние, при бывших засухах и жарах, ускоряющих созревание хлеба и требующих поспешной уборки его, встречали нередко в последние годы необходимость в приискании наемных работников для своевременной уборки хлебов. Все же в губернии пока не чувствуется еще «разительного» недостатка в работниках и уменьшение последних в земледельческом быту не вредит еще особенно благосостоянию сельского населения, каковые последствия неминуемо наступят, если усиленный призыв земледельцев на военную службу будет продолжаться.

В *Полтавской* губернии было принято в 1854 и 1855 г.г. на военную службу 29.166 человек, что составляет 11% из наличных в губернии людей среднего возраста. По значительности народонаселения и недостатку земли, государственные крестьяне, приспособленные к земледелию, вынуждены находить для себя занятия, выходя на заработки в летние месяцы, главным образом во время косовицы, в южные губернии. Число выходивших на заработки государственных крестьян было: в 1853 г.—74.021, в 1854 г.—69.680 и в 1855 г.—57.878. Количество выходящих крестьян соизмеряется со степенью урожая на юге и существующими там ценами на полевые работы. В 1854 г. урожай в южных губерниях был неудовлетворительный, а в 1855 г. совсем скудный, почему крестьяне Полтавской губернии имели меньше оснований стремиться туда на заработки, тем более, что им было известно о занятии многих частей Крыма неприятелем и вообще о положении южных пределов России. Действительно, многие из выходивших так мало заработали, что едва были в состоянии прокормить себя на обратном пути. Этими обстоятельствами нужно об'яснить то, что значительная убыль работников не вызвала у государственных крестьян

остановки в хозяйственных и земледельческих работах: вследствие выхода в 1855 г. меньшого числа крестьян и сравнительно скорого возвращения оттуда, здесь поля были убраны, обработаны и обсеменены для будущей жатвы. Что касается помещичьих крестьян, то убыль их на 11% соответствующим образом отразилась на уменьшении хозяйства,—у одних по части земледелия, у других по другим отраслям. И только у тех владельцев, которые могли по своим средствам заменить убывших работников наемными силами, экономии остались в прежних размерах.

В *Харьковской* губернии главный источник народного благосостояния—земледелие, а потому уменьшение работников должно было бы сопровождаться сокращением посевов хлеба. Между тем в 1853 г. было посеяно 1.260.650 четв., в 1854 г.—1.413.509 ч. и в 1855 г.—1.334.913 ч. Невозделанных участков как у государственных, так и у помещичьих крестьян нет. Государственные крестьяне ежегодно выделяют часть своих работников для заработков на стороне. Билетов на отлучку было выдано в 1853 г.—61.632, в 1854 г.—63.433 и в 1855 г.—60.468. Часть госуд. крестьян отправляется в соседние степные губернии, а другие расходятся по уездам Харьковской же губернии и нанимаются теми помещиками, которые, при развившихся в их имениях фабричной промышленности и овцеводстве, не в состоянии собственными рабочими силами выполнять все работы. Убыль работников по военным обстоятельствам отчасти была пополнена уменьшением в 1855 г. числа выходивших из мест жительства на посторонние заработки крестьян.

Степной край.

В *Бессарабской* губернии в хозяйственных и земледельческих работах произошла остановка по военным обстоятельствам. Бессарабские жители несли и продолжают нести различные повинности: устройство укреплений в городах—Измаиле, Килии, Хотине и др.; сооружение дамб при переправах—Бендерской, Ясско-Каркмазской, Криулянской и Сатуновской; заготовление на Задунайских островах леса и перевозка его в крепости и Одессу; усиленные работы по содержанию дорог — почтовых, транзитных и переселочных; построение конюшен и бараков по кордонной линии вместо истребленных неприятелем; перевозка военных тяжестей, больных и провианта и снаряжение (для подвижного провиантского магазина армии) четырех полубригад, состоящих из 5250 подвод.

В *Херсонской* губернии вследствие малонаселенности и в прежние годы постоянно ощущался большой недостаток в работниках для полевых работ; но этот недостаток пополнялся наймом людей, прибывавших в большом числе из соседних губерний. Военные действия и повышение цен на жизненные припасы вследствие неурожая вызвали значительное уменьшение рабочих рук: в 1854 г., чтобы предупредить оставление полей неубранными, были *высланы по наряду* из соседних губерний крестьяне для уборки хлебов и трав; в 1855 г. это оказалось ненужным только потому, что повсеместный неурожай в губернии и незначительность посевов не требовали большого числа рабочих рук. Уменьшение числа работников вызвано и эпидемическими болезнями и постоянным отбыванием обывателями в обширных размерах подводной повинности. Все же значительных остановок в работах не произошло. Временное уменьшение посевов и скотоводства заметно только в некоторых местностях, что, вероятно, устранится с водворением спокойствия в крае.

В *Екатеринославской* губернии, мало населенной в сравнении с пространством заключающихся в ее пределах пахотных и сенокосных земель, полевые работы и особенно уборка хлеба и сенокошение обыкновенно

производятся местными крестьянами при помощи наемных людей, ежегодно приходящих в большом количестве из соседних и ближайших к ее северным границам губерний. Число приходящих крестьян с начала войны, в особенности с открытия военных действий в Крыму, уменьшилось, но к осени 1855 г. они опять стали прибывать сюда в значительном количестве, так что уборка хлеба была произведена без особенных затруднений. Работники же из местных крестьян несомненно уменьшились из-за военных обстоятельств (особенно вследствие нарядов подвод и людей для перевозки продовольственных грузов для Крымской армии).

В *Таврической* губернии с 1853 по 1855 г. число рабочих людей уменьшилось на 39.603; из них большая часть—перешедшие к неприятелю магометане, затем—взятые в плен и умершие во время войны. Посевы на Крымском полуострове вследствие военных обстоятельств производятся в самом незначительном количестве и только в местах, отдаленных от транспортных дорог; в уездах же—Евпаторийском, Симферопольском и Ялтинском посевов вовсе не произведено. В Таврической губернии всегда ощущался недостаток в рабочих людях; в настоящее время эта убыль работников стала особенно чувствительна, ибо приток людей из других губерний отчасти совсем прекратился, отчасти очень сократился. Весьма ощутительна и повсеместная убыль скота, четыре пятых которого пало от чрезвычайной дороговизны корма, дурных дорог, усиленных перевозок военных тяжестей, а частью от своеволия войск.

Сибирь.

По *Тобольской* губернии с 1843 г. началось переселение государственных крестьян из Великорусских губерний и до последнего времени переселилось 38.264 души мужского пола. За последние пять лет прибыло 6.457 душ мужского пола «преступных и порочных людей», сосланных из внутренних губерний по судебным приговорам и в административном порядке. Последние, приписываясь к селениям старожилов, ведут большей частью праздную жизнь и не охотно обращаются к земледельческим занятиям; но все же в рабочее время многие из них поступают в наем к зажиточным хлебопашцам. При таких условиях рекрутские наборы, поглотившие 13.582 чел., не могли вызвать значительную остановку в земледельческих работах. Но на отдельные хозяйства четыре рекрутских набора и сопряженные с ними издержки (до 364.000 р. сер.) повлияли в смысле уменьшения их благосостояния, что, в свою очередь, сильно затруднило бездоимочное поступление государственных податей. По отдаленности губернии от главных рынков для сбыта земледельческих продуктов и по недостатку водных сообщений с внутренними губерниями, земледелие не может получить здесь надлежащего развития, соответствующего богатству и производительности края, почему уменьшение работников не влечет за собою ощутительных результатов в общественном хозяйстве целой губернии. При хороших урожаях цены на хлеб во многих местах до того падают, что даже не вознаграждают трудов земледельцев. В настоящем году крестьяне некоторых местностей с трудом находят покупщиков на хлеб и продают его по необходимости за бесценок для уплаты лежащих на них податей. Таким образом, потребность увеличения числа рабочих рук может возникнуть в Тобольской губернии лишь тогда, когда будут изысканы средства или к проложению торгового водного пути от Оби к Архангельску или к соединению Тобольской губернии посредством железных дорог или водных путей с главными водяными сообщениями внутренних губерний.

По *Томской* губернии (по немотивированному донесению губ-ра) незаметно уменьшения работников и не произошло остановки в земледельческих работах.

По *Енисейской* губернии число работников уменьшилось от чрезвычайных наборов по 42 человека с тысячи, но убыль эта пополняется ссыльно-поселенцами и крестьянами-переселенцами из внутренних губерний, почему нет остановки в работах.

По *Иркутской* губернии никакой остановки в работах нет; хлебопашество и другие сельские работы идут хорошо, ежегодно увеличиваются и производятся своевременно (причины такого благополучия губернатор не об'яснил).

Приведенные отзывы губернаторов на министерский циркуляр представляют, при единстве поставленной им задачи, как мы видим, все же значительное разнообразие: рапорты, основанные на цифровых данных, чередуются с слишком лаконическими—простыми чиновничьими отписками. Здесь, однако, при всем формальном, казенном отношении многих губернаторов к своей задаче, в известной мере отразились местные условия крестьянской жизни. На ряду с далекой Сибирью, где более зажиточные хлебопашцы привлекают в помощь себе наемный труд «преступных и порочных» людей; на ряду с суровым Севером, где по климатическим условиям крестьяне звероловы и рыболовы преобладают над крестьянами пахарями, проходят и Ярославская, Владимирская и другие центральные губернии с их бойкими, подвижными крестьянами, предпочитающими более соответствующий их натуре труд на стороне кропотливой земледельческой работе, которую дома выполняют менее подвижные старики и женщины; тут же и благодатный Юг, поглощающий работу многих сотен тысяч крестьян, не находящих на родине применения для своего труда.

Любопытна та боязнь гласности, которую обнаружил министр внутр. дел, ревниво оберегавший свой запрос и ответы на него от постороннего глаза: узнав, что орловский губернатор снесся по поводу министерского циркуляра с некоторыми крупными помещиками, министр выразил губернатору крайнее свое неудовольствие; далее, рязанскому губернатору министр поставил на вид неуместность запроса, сделанного им земским судам, а олонецкому—даже запроса палате государственных имуществ...

Л. А.

Крестьянская промышленность на рубеже прошлого и настоящего веков.

Страдая от недостатка в земле, в поисках средств к существованию, крестьяне издавна обращались к подсобным промыслам и производствам.

На эти занятия было обращено особое внимание, когда учрежденное в 1902 г. „Особое совещание о нуждах сельско-хозяйственной промышленности" запросило местных людей о нуждах деревни.

Собранный тогда материал и появившиеся в ту пору исследования о хозяйственном положении крестьян позволяют набросать общий обзор крестьянской промышленности, какой она представлялась на рубеже 19-го и 20-го веков.

Огромный бассейн речных богатств в Архангельском и Астраханском районе естественно направлял подспорный труд крестьянина к занятию рыбными промыслами. Лесные богатства севера делали из их обитателей звероловов и охотников, а раскинувшиеся на большое пространство степные и луговые земли, кое-где перерезываемые кустарниками и садами, доставляли возможность заниматься пчеловодством, Наоборот, расселение крестьян среди фабрично-заводского района—Пермской, Владимирской и других губерний—наталкивало мысль крестьянина на обработку более дешевым, кустарным способом, сырых продуктов в предметы ховяйственного обихода. Отсюда и деление подсобных крестьянских промыслов на категории *добывающей* промышленности: рыболовство и рыбоводство, охота и звероловство, пчеловодство, и *обрабатывающей* промышленности: кустарные промыслы разных видов, винокурение, пивоварение и медоварение, мукомольное, маслобойное и некоторые другие производства.

Добывающая промышленность.

Рыболовство и рыбоводство. Наибольшее значение в хозяйственной экономии сельского населения Европейской России имела рыболовная промышленность в Архангельской и Астраханской губерниях. По приблизительному подсчету в Архангельской губернии рыболовством занимались до 24% взрослого населения (в одном Мурмане промышленников до 3500

---

[1]) „Свод трудов местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности по 49 губерниям Европейской Россия" (1902 г.); Н. В. Пономарев, Подсобные к земледелию промыслы и производства (1903 г.); „Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельско-хозяйств. промышленности", т. II, сборник статей (1904 г.); М. Соболев, Кустарная промышленность (1904 г.); „Очерки по крестьянскому вопросу", собр. статей под редакцией Мануилова, вып. I и II (1905 г.); Петр Маслов, Аграрный вопрос, т. I: Кустарные промыслы и крестьянское хозяйство; „Сельскохоз. ведомство за 75 лет (1837—1912 г.) его деятельности" (1914 г.).

человек); добыча же рыбы определялась до 1 миллиона пудов на сумму до $1^1/_2$ милл. рублей (1902 г.).

Архангельское рыболовство разделяется на речное-озерное и морское-океаническое; первым занимаются почти все крестьяне, расселенные по речкам и озерам; второе же производится у берегов Мурмана. Кроме того, весьма важное значение имело рыболовство морское-прибрежное (литтеральное), заключающееся в том, что по всей почти береговой полосе Мурмана и Белого моря устраиваются тони, на которых производится ловля рыбы неводами и другими снарядами. Этими приморскими рыболовными тонями крестьяне пользуются аналогично тому, как в центре России—землею: с давних пор крестьянские общества поделили между собою обширные водные пространства и в районе отведенного участка занимались рыбным делом. Однако прирост населения, появление пришлого элемента, а также усиление рыболовства, вследствие возраставшего спроса на рыбу, повели к нарушению пользования водными пространствами, переходившему в столкновения интересов прежнего и пришлого населения.

Морское-океаническое рыболовство, в свою очередь, имеет тесную связь с приморскою береговою полосою, так как промышленнику, производящему лов в открытом море, всегда нужна береговая полоса для пристанища. Прибрежная полоса, обыкновенно, сдавалась крестьянами в аренду отдельным лицам, причем возбуждались даже ходатайства о продаже земли с морской береговой полосой частным лицам, но допущение этого, по крайней мере в Мурмане, отразилось бы вредно на промышленниках-крестьянах. Здесь наблюдается аналогичное с вышеописанным явление. Пришлый элемент стал сильно теснить аборигенов-лопарей.

Речное рыболовство в Архангельской губернии, как подчиненное положению о бывш. госуд. крестьянах, никаких недоразумений не встречало. Но нельзя того сказать об озерах. Огромное число озер в Архангельской губернии, принадлежавшее казне, сдавалось в аренду промышленикам, у которых, в свою очередь, брали в аренду эти озера крестьяне, вынужденные платить за пользование озерами значительные деньги эксплуатирующим их рыбопромышленникам.

Беспошлинный привоз в Архангельск норвежской рыбы (до $1^1/_2$ милл. пуд.) тормозил развитие северных морских промыслов. Сбыту рыбы на внутреннем рынке препятствовал железнодорожный тариф: архангельская рыба, за исключением семги, не могла его выдержать.

В Астраханской губернии рыбная ловля практиковалась, главным образом, в дельте Волги и, отчасти, в Каспийском море. Промысел этот сосредоточивался, обыкновенно, в руках владельцев крупных рыбопромышленных заведений („ватаг“).

Крестьяне здесь редко занимались ловом рыбы самостоятельно, хотя казна и сдавала рыболовные участки сельским обществам, но эти последние считали более выгодным передавать свои арендные права другим частным лицам. Значительное же большинство крестьян ловило рыбу или подрядным способом или же в качестве наемных рабочих на „ватагах“. Обыкновенно, с зимы приглашались на „ватаги“ несколько десятков тысяч рабочих, поступавших „на дело“ раннею весною. Предпочтение отдавалось населению Астраханской губернии, как ближе знакомому с рыбопромышленным делом: из одного только Енотаевского уезда шло на промысел до 14 тысяч человек.

Наем промысловых рабочих—мужчин, женщин и подростков—производился через агентов-подрядчиков, получавших с нанимаемых ими рабочих по рублю с человека комиссионных. Через тех же подрядчиков производился хозяевами и окончательный расчет с промышленными рабочими, причем нередко возникали недоразумения вследствие обсчитывания под-

рядчиками рабочих. Необходимо еще указать, что переход рабочих с места их жительства на дальние промыслы был чрезвычайно труден, особенно во время весенней распутицы, когда они совершали свой путь пешком, или, во время навигации, по морю на промысловых судах „рыбицах", приспособленных лишь для перевозки рыбы, а не рабочих. На промыслах бывала масса заболеваний. Организация же врачебной помощи представлялась крайне неудовлетворительной.

В Олонецкой губ., благодаря обилию водных пространств, рыболовство было распространено среди крестьян, проживающих по берегам озер или рек. Числилось до 8000 рыбаков, а добыча их определялась в 150—200 тысяч рублей. Но позже (1902 г.) здесь, как и в других рыболовных районах, обнаружилось оскудение рыбы, чему причинами явились: развитие пароходства на некоторых реках, беспорядочный сплав дров и леса, хищническая ловля рыбы и друг. Все рыбное дело было сосредоточено в руках промышленников, нанимавших крестьян с выдачею им задаточных денег под будущие уловы. Рыбаки-крестьяне сдавали добычу хозяину по общей для всех подрядной цене.

В Минской губернии рыбное дело сосредоточилось преимущественно в Пинском уезде: около 50 тысяч десятин водного пространства; впрочем, здесь рыбопромышленность к описываемому времени уже сильно упала.

Необходимо упомянуть о звериных морских промыслах в Архангельской губернии. Они производились первобытным способом: крестьяне отыскивают зверей около берегов на льдинах, таща за собою лодку, и бьют их из ружей; успех зависит от счастливой случайности. Иностранцы иначе ведут дело: бьют тюленей в Белом море и Северном океане с паровых судов. Охота на тюленей постепенно сильно упала, как вследствие уменьшения количества зверя, так и вытеснения тюленьего жира (ворвани) минеральными маслами.

Охота и звероловство. Северный край—Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Пермская и немногие другие губернии дают некоторое подспорье к хозяйству крестьян в виде занятия охотою. Богатые лесные пространства, правда, все более и более уменьшающиеся, служат благоприятным к тому условием, хотя давно раздаются жалобы крестьян, даже в чрезвычайно лесистой части Архангельской губернии, о почти совершенном исчезновении белки и некоторых пород птиц. Промысел этот, в смысле добычи, упал к 1902 г. с 400 штук в год на ружье до четвертой доли. Дичь и зверь „залегают" в самых отдаленных, еще не тронутых хищническою рукою, лесистых местах, благодаря чему крестьянам приходилось вместо прежних 50 верст отправляться за 150—300 верст. По приблизительному подсчету, в Олонецкой губернии было занято охотою до 10.000 человек преимущественно осенью и зимою, а общий заработок от добычи зверя и птицы составлял до 70 тысяч рублей.

Как на одну из причин неудовлетворительной постановки звероловного промысла указывалось на повсеместный недостаток хорошего оружия у крестьян-охотников. Так, в Олонецкой губернии имелось ружей—тульских „берданок" во всей губернии ничтожное количество, не более 1000 штук. Не меньшее затруднение для охоты представлял недостаток патронов и пороха. Проживавшим в глухих местностях приходилось ехать за ним далеко в уездный город (в Повенецком уезде многие селения отстоят от города на 300 верст). С другой стороны, замечалось вырождение породы охотничьей собаки „лайка". Все это привело к тому, что крестьяне стали прибегать к хищническому способу добычи дичи „силками".

Пчеловодство. Пчеловодство в прежнее время было крупным фактором в народной экономии: помимо обширного местного потребления, мед и воск в большом количестве вывозились за границу. Однако, с конца

18 столетия пчеловодство стало заметно падать вследствие сокращения площади лесов, уменьшения количества садов и распашки степей, с посевом на них таких растений, которые мало дают добычи пчелам.

В северной полосе России—в губерниях Олонецкой и Вологодской—эта отрасль хозяйства слабо развита. Пчеловодством в Вологодской губернии занимались, по большей части, сельские учителя, отчасти сельское духовенство и очень мало крестьяне. Всего в губернии насчитывалось до 50 пасек; чистая прибыль от этого промысла для всей губернии выражалась, приблизительно, ничтожною цифрою до 1800 рублей. Губернское земство принимало деятельное участие в насаждении здесь пчеловодства. В г. Вытегре оно открыло курсы по пчеловодству и решило выдавать крестьянам за умелое ведение пчеловодного дела денежные премии в размере от 25 до 50 рублей. Но вообще в этой губернии, вследствие неблагоприятных условий (почвенная сырость и влажность воздуха), мед невысокого качества.

Восточные губернии—Пермская и особенно южная часть, Уфимская и Оренбургская—с их привольными степями и сухостью воздуха, казалось, представляли бы очень благоприятные для пчеловодства места. Но тогда, как в некоторых уездах Пермской губернии пчеловодство являлось важною отраслью сельского хозяйства (так, напр., по данным 1901 г. в одном только Пермском уезде считалось до 9550 ульев, с которых был получен доход на сумму до 29 т. рублей), в Уфимской и Оренбургской губерниях оно почти заброшено. В Уфимской губернии пчеловодство сильно упало вследствие истребления липовых насаждений и сокращения посева гречи, дающей главный „взяток" пчелам; в Оренбургской губернии, как и в других местностях России, причинами слабого развития пчеловодства являлись отсутствие знаний среди крестьян по разведению и уходу за пчелами и затруднительность сохранения их зимою (неимение средств для устройства „зимовников").

В центральной полосе пчеловодство с незапамятных времен велось в Калужской губернии, хотя способами, далеко не совершенными и не способствовавшими развитию этой отрасли хозяйства.

Обрабатывающая промышленность.

В северных лесистых губерниях—Архангельской, Олонецкой и Вологодской—особенно были развиты промыслы по обработке дерева разными видами и способами. В Архангельской губернии было распространено смолокурение. Так, в лесных дачах Вельского удельного округа, Шенкурского уезда, в 1901 г. этою работою было занято 1500 крестьян, вырабатывавших до 60 тысяч бочек смолы, со средним заработком на человека до 120 руб. в год. Однако, этот промысел заметно падал вследствие замены смолы минеральными маслами, сокращения постройки деревянных судов, нуждающихся в осмолке, и проч. В этой же губернии крестьяне занимались кожевенно-овчинным промыслом: в Шенкурском уезде насчитывалась до 150 кожевенных заводов, на которых работали местные крестьяне с годовым производством на сумму до 47 тысяч рублей.

Крестьянское население Олонецкой губернии занималось обработкою дерева: почти повсеместно встречались столярный, экипажный и смолодегтекурный промыслы (около 12000 кустарей с заработком свыше 270 т. руб.). В Каргопольском и Вытегорском уездах был распространен по преимуществу гончарный промысел; портняжный, сапожный и кузнечный промыслы встречались понемногу по другим уездам.

Так же, как в двух названных губерниях, население Вологодской губернии „с незапамятных времен" было занято смолокурением, но промысел

этот находился в неудовлетворительном состоянии, главным образом, вследствие высоты пошлины, взимавшейся с кустарей-смолокуров лесным и удельным ведомствами.

В северных приозерных губерниях—Петроградской, Новгородской и Псковской—кустарные промыслы имели довольно ограниченное распространение. В Новоладожском уезде, Петроградской губернии, вырабатывалась деревянная посуда, а по другим местностям указанного района занимались изделием рыболовных снастей и судовых принадлежностей.

Значительно распространены были разнообразные кустарные промыслы в губерниях северо-восточного района. Особенное внимание обращает Верхотурский уезд, Пермской губернии, где насчитывалось до 1400 различного рода кустарных заведений с производством на сумму 250 тысяч рублей. Занимались здесь, главным образом, изделием мебели. В уезде же Красноуфимском широко распространилось производство сельско-хозяйственных орудий и машин.

В Нижегородской губернии особенно значительным центром кустарного производства являлся так называемый Павловский слесарно-кузнечный район в Горбатовском и, отчасти, Муромском (Владимирской губ.) уездах, где изготовлением замков, ножей, ножниц и других металлических изделий было занято до 60 тысяч кустарей, вырабатывавших в год на сумму до $4^1/_2$ миллионов рублей. Из других уездов наиболее выдавался Семеновский, где тремя промыслами—ложкарным, гвоздарным и валяльным—было занято до 10 тысяч кустарей.

Кустарничество в Вятской губернии также занимало видное место среди внеземледельческих промыслов. Так, в одном Вятском уезде кустарей до 56% всего числа дворов (15828) с заработком свыше 750 тысяч рублей. Изделия крайне разнообразные: из железа и стали, ткачество, столярное, игрушечное производства. Земство (главным образом, губернское) содействовало здесь правильной постановке кустарного промысла (склад кустарных изделий, учебные мастерские, ярмарочные отделения вне губернии, ссуды).

В восточных и юго-восточных приволжских губерниях кустарное дело не достигло столь значительных размеров.

По Симбирской губернии промыслом занималось из 45000 крестьянских дворов до 10200 дворов: из этого числа земледелием не занималось вовсе свыше 1200 дворов. Вырабатывались главным образом изделия из лесных материалов. В Саратовской губернии существовали разнообразные производства: гончарное, колесное, экипажное, сапожное. В Оренбургской губернии кустарное дело по некоторым отраслями достигло известного развития. Первое место здесь занимали изделия из козьяго пуха—платки, шали, шарфы; далее промыслы: валяльный, кожевенный, ковровый. Но в общем кустарное дело страдало, благодаря окраинному положению губернии и отсутствию удобного транспорта для сбыта.

В Астраханской губернии (в некоторых поселениях Черноярского уезда) выделывалось сукно, производством которого занимались исключительно крестьянки на самодельных ткацких станках. Сбыт сукна велся по баснословно дешевым ценам, 9—15 коп. за аршин. Кроме того из местной шерсти изготовлялись варежки, чулки и носки, шедшие на астраханские рыбные промыслы.

В южном черноземном, земледельческом районе кустарничество весьма слабое—встречалось лишь в некоторых местностях: в Бессарабской и Херсонской губерниях производства бондарное и ткацкое, в Одесском уезде—вязание метел. Только гончарное производство (в Оргеевском, Александрийском, Одесском и частью Херсонском уездах) поддавалось развитию благодаря наличности прекрасного сырого материала, а также залежей бурого угля (посуда, черепицы, глиняные трубы).

Незначительное распространение имели кустарные производства и в юго-западном крае. В Киевской губернии кое-где—гончарное, бондарное, да и те больше для местного потребления. Нередко здесь крестьянки занимались вышиванием по холсту по местным традиционным узорам. В Коневском уезде вырабатывался простой холст, статерти и рядюга для мешков, но на плохих первобытных станках. В Подольской губернии в 120 селениях до 8000 человек занимались кустарничеством (годичный доход до 500 т. рублей): плели корзины из так называемой „водяной рогозы" (до 200 семейств в селениях близ города Винницы при заработке в 30 т. руб. в год), вышивали по бумажной материи („бамбак") золотом, серебром и шелком; в уездах Гайсинском и Ушицком встречалось ткачество, плетение из соломы, кожевенный и сапожный промыслы.

В Западной части России кустарное дело так же не развилось в достаточной мере. Здесь крестьяне занимались прядильно-ткацким промыслом для удовлетворения преимущественно собственных нужд, и то в отдаленных от городов районах, так как в пригородных селениях фабричные изделия вытеснили ткани домашнего производства. Для сбыта работали только кустари „салфеточники" в прежних, устроенных еще помещиками, ткацких мастерских. В Виленской губернии кустарничеством (кожевенное, проволочное, гвоздильное) было занято свыше 3.000 дворов (на сумму до 400 т. руб.); в Минской—изделиями из дерева занимались свыше 3.700 чел.; в Витебской (Режицкой, Люцинский и Себежский уезды) выделывались хорошие ткацкие предметы из шерсти; в Ковенской существовали промыслы: бондарный, ткацкий, колесный, сельскохозяйственных орудий, корзиночный, гончарный, постройки судов.

В Малороссийских губерниях промыслы были распространены в довольно значительных размерах, но сведения об их размерах отрывочны.

В центральных промышленных губерниях, несмотря на фабричные производства, кустарное дело значительно развилось. Особенно это заметно в Московской губернии: в Волоколамском уезде—бумаго-ткацкий промысел (изготовление марли и тканых одеял), изготовление сусального золота, столярное и щеточное производство; в Звенигородском—изготовление музыкальных инструментов (скрипок, гитар), а также столярное, слесарное, ткацкое и щеточное производства. Во Владимирской губернии встречались различные кустарные промыслы. В частности, в Гороховецком уезде с давних пор—вязание варег и строчка полотна. По Ярославской губернии, в Мологском уезде, судостроение постепенно пришло в упадок (с 1.233 судов в 1889 году до 132 в 1902 г.). В Калужской губернии промыслы находились в плохом состоянии: в Лихвинском уезде 120 кустарей были заняты слесарными работами, преимущественво изготовлением замков; в Тарусском уезде встречались как редкое явление санно-тележный, обручный и сапожно-валяльный промыслы.

В центральных черноземных (земледельческих) губерниях кустарные промыслы развились далеко не повсеместно и сравнительно не в значительном размере. В Рязанской губернии, в уездах Егорьевском и Спасском, изготовлялись кульки и рогожи; в Скопинском и Михайловском—развились кружевсплетение и производства (особенно в последнем уезде) вышивальное, ткацкое, древообделочное, экипажное, веревочное, изготовление сельскохозяйственных орудий и машин. Промыслами занимались в зависимости от нахождения на месте сырых материалов: в южной части Михайловского уезда, где разводится конопля, кустари изготовляли веревки, в лесистых местностях—изделия из дерева, наконец, в пригородных местностях—кружева. В Курской губернии кустарные промыслы сосредоточились, главным образом, в слободе Борисовке, Грайворонского уезда, где имелись иконописцы и производители киотов, столяры, сапожники, шапочники, ткачи

(кустарей свыше 2.000, общий доход всех промыслов свыше 200.000 рублей). Годовой заработок иконописца-личкуна (мастера простых икон) 120 р., иконописца-красочника—175 р., крестьянки, обделывающей иконы и киоты — 90 руб., производителя киотов—100 рублей. Видное место занимало сапожное производство. Слобода Борисовка вместе с соседней Томаровкой изготовляли ежегодно свыше 200 тысяч пар обуви, на сумму более 400 тыс. рублей. Еще более было распространено производство кожевенной обуви в слободе Велико-Михайловке, Новооскольского уезда: ежегодно свыше 750 т. пар простой крестьянской обуви и отчасти солдатской, на сумму свыше $1^1/_2$ милл. рублей.

Крупным злом кустарной промышленности в России, по общему признанию, являлись скупщики и их отношение к кустарям.

„Кустарь есть рабочий, закабаленный капиталом, да к тому же прикрепленный к земле". Скупщик диктовал плату за изделия, держа ее на уровне минимума. Так, например, ложки, выделываемые в Семеновском уезде, скупщики на Нижегородской ярмарке продавали с надбавкой в 1 р.—1 р. 70 коп. за тысячу против средних цен Семеновского базара. Еще большие выгоды получал скупщик, выдавая кустарю плату не деньгами, а товарами: чаем, сахаром, мукой, лаптями,—по повышенным ценам (напр., хлеб по 90 коп. за пуд в то время, как рыночная его цена равнялась 60 коп.).

Главный недостаток кустарных промыслов, по заключению одного исследователя, заключался в отсутствии у кустарей оборотных средств, вследствие чего они всецело попадали в зависимость от скупщиков, „кулаков", от которых получали сырье по дорогой цене и которым вынуждены были сдавать свои изделия по пониженной цене, в результате чего их заработок сводился почти к нулю.

Другим существенным моментом, влиявшим разлагающим образом на кустарные промыслы, являлась фабрично-заводская промышленность, доставлявшая на рынок более дешевые товары. Например, гвоздарный промысел в Семеновском уезде упал вследствие конкуренции московских и рижских заводов. Но, тем не менее считалось, что кустарная промышленность может еще очень долгое время служить источником пропитания для миллионов земледельцев.

Многие видели причину упадка кустарных промыслов в невежестве крестьян. Отсутствие хотя какой-либо низшей технической и ремесленной подготовки представлялось в этом отношении основным злом.

В. К.

К истории крестьянского переселенческого движения [1]).

I.

В 1781 году правительство, обратив внимание на малоземелье крестьянского населения внутренних губерний, особенно казенных крестьян, решило пойти навстречу пожеланиям некоторых обществ экономических крестьян о переселении на «новые места». Под последними разумелись только что приобретенные обширные и мало заселенные земли Новороссии, Крыма и северного Кавказа, славившиеся своим обильным плодородием и прекрасными климатическими условиями. Правительство сочувствовало переселению также и потому, что этим путем разрешалась и другая стоявшая перед ним задача: колонизация нового края, и притом колонизация его коренным русским населением. В целях колонизации первоначально, как известно, выписывались из-за границы иностранцы: преимущественно немцы, а частью и родственные славяне: болгары, сербы. С 80-х годов 18 столетия начинается заселение вновь завоеванных южных окраин и русскими, главным образом из соседних малороссийских губерний, но также и из центральных. Шли русские люди на эти окраины и раньше, но шли, так сказать, самотеком, часто самовольно. В 1781 г. правительство впервые принимает это движение в свое ведение. Указ 25 июня 1781 года [2]) положил начало целому ряду мероприятий в этой области. Он предписывал всем губернаторам,—за исключением мало-населенных губерний: Оренбургской, Тобольской и Иркутской,—представить сведения о количестве коренных крестьян, нуждающихся в земле, и о желающих из них выселиться на окраины. Указ освобождал переселенцев на полтора года от платежа податей, которые за них должны были вносить остающиеся на старых местах их односельчане, как бы в вознаграждение за землю, переходившую к ним от выселившихся.

На призыв к переселению одними из первых откликнулись крестьяне Смоленской губернии, особенно жаловавшиеся на малоземелье: душевой надел многих из них не превышал 3½ десятин, к тому же часто земли, неудобной для пахоты. В 1785 году желание о переселении на «Кавказскую линию» заявило 2.507 человек мужского пола, в том числе: 239 одно-дворцев, 1.170 экономических и 1.098 дворцовых. Тогда же они послали на Кавказ семь ходоков, которые, с разрешения местных властей, и выбрали себе подходящие земли. Но разразилась вторая турецкая война,

---

[1]) Архив министерства внутренних дел, дело 1802 г. № 1415 (по кн. архива № 13) на 298 листах: „О переселении смоленских казенных крестьян".

[2]) Первое Полное Собрание Законов, т. XXI, № 15.177.

области.

и в феврале 1788 года последовало повеление приостановить переселение поселян казенного ведомства в южные пограничные губернии. Повеление это оказалось, конечно, совершенно неожиданным для смоленских крестьян: многие из них, а именно, по сведениям смоленского губернатора, 109 селений, в ожидании предположенного переселения, распродали все свое имущество и тем окончательно расстроили свое хозяйство, некоторые дошли до полного нищенства и лишь в мирском подаянии находили источник средств для своего существования. Не удивительно поэтому, что они вновь возбудили свои ходатайства о переселении, как только по окончании войны последовала отмена указа 1788 года и право казенных крестьян на переселение в южные губернии, «с ведома и по распоряжению» подлежащего начальства, было восстановлено указом 1795 года [3]).

Об этих ходатайствах смоленский военный губернатор генерал Эссен лишь в 1802 году довел до сведения Петербурга, где, однако, вопреки бывшему ранее в правящих кругах по этому вопросу мнению, отнеслись к ним, несмотря на их поддержку губернатором, довольно сдержанно. Министр внутренних дел граф Кочубей нашел, что переселение крестьян из Смоленской губернии в столь отдаленные места сопряжено с большими затруднениями и неудобствами и может совершенно не оправдать их надежд. Опасаясь к тому же больших расходов на это предприятие со стороны казны, он пожелал выяснить некоторые вопросы. Александр I с этим согласился и за его подписью был сделан обстоятельный запрос губернатору.

В своем ответе губернатор сообщил, что из 2.507 человек, возбуждавших ходатайство о переселении в 1785 году,—1098 дворцовых крестьян от своего намерения отказались в виду их перехода в ведение Департамента Уделов, благоприятно отозвавшегося на и хозяйственном положении. Положение же остальных, т. е. однодворцев (239 чел.) и экономических поселян (1170 чел.), составлявших в общем 420 семей, и особенно тех из них, которые, как сказано было выше, распродали все свое имущество, было бедственным: ко второй половине 1803 года на них числилась недоимка в 7.316 р. 86 коп., несмотря на то, что по манифесту 18 декабря 1797 года вся бывшая на них ранее, до этого года, недоимка была сложена. Тем не менее большинство также отказалось от переселения. Продолжали настаивать на таковом лишь 70 однодворцев и 486 экономических крестьян. Зато, с другой стороны, появились новые кандидаты: 148 однодворцев и 2.298 экономических,—что вместе с прежними составило всего 3.002 чел., мужского пола.

Переселение лишь этих 3.002 человек, по мнению губернатора, нисколько не улучшило бы положения остающихся, так как всех казенных крестьян в губернии числилось—29.682 человек муж. пола, а земли в их владении, считая, как пахотную, так и не пахотную, а также находившуюся под строением, было всего 109.775 десятин, т. е. по три десятины и 1.676 сажень «с поларшином» на человека, а, следовательно, если ограничиться выселением лишь изъявивших желание 2.784 экономических крестьян (не считая однодворцев), то земля их, в количестве 10.296 десят. 1764 саж., поделенная между остающимися 26.898 человеками, увеличит долю каждого менее, чем на ½ десятины, что вряд ли сколько-нибудь существенно отразится на их благосостоянии. В виду этого губернатор предложил, не ограничиваясь выселением одних добровольцев, прибегнуть к принудительному выселению, особливо наиболее бедных «и о платеже казенных повинностей не старающихся». Сами эти крестьяне, по мнению

[3]) П. С. З. т., XXIII, № 17.393.

губернатора, не возбуждали ходатайств о переселении частью потому, что привыкли нищенствовать, а частью и потому, что, не понимая «по своей простоте» ожидающих их от переселения больших выгод, страшатся тех невзгод и неудобств, которые неизбежно связаны с переездом в новые и неизвестные места. В принудительном порядке губернатор считал желательным выселить 15.960 человек, дабы в губернии осталось всего 13.722 казенных крестьян, на долю каждого из которых в таком случае пришлось бы по восьми десятин, т. е. как раз минимальная земельная норма, предусмотренная для казенных крестьян [4]). Предполагалось, что при восьмидесятинном душевом наделе хозяйство поднимется, и крестьяне не только свободно внесут все недоимки, как за себя, так и за выселенных, но, что еще важнее, значительно улучшат свое хозяйство, перестав быть в тяжелой зависимости от помещиков, у которых они на обременительных условиях берут в аренду землю, иногда к тому же находящуюся в весьма далеком расстоянии от их деревень. С другой стороны, и переселенцы, получив на новых местах обильные и плодородные земли, также очень скоро разбогатеют. «Без переселения же,—скорбно заканчивал свой всеподданнейший доклад губернатор,—и те, и другие навсегда останутся в худом состоянии».

Красноречие смоленского губернатора не произвело особого впечатления на государя. Соглашаясь на переселение 3.002 добровольцев, он категорически воспретил переселение кого-нибудь принудительно, причем распорядился впредь до начала переселения, в виду особо тяжелого положения экономических крестьян, пострадавших также от бывшего в губернии в 1803 году неурожая, выдать на покупку хлеба—80.000 рублей.

Однако, несмотря на это вспомоществование, положение казенных крестьян не улучшилось, и в начале 1804 года из Смоленска продолжали поступать в министерство тревожные сведения. Во всей губернии у казенных крестьян хлеба могло хватить не более, как до мая месяца, и не было никакой надежды, чтобы они могли прокормиться до нового урожая. Не многим лучше было положение и помещичьих крестьян. Количество нищих с каждым днем увеличивалось и даже стали наблюдаться случаи самоубийств на почве нужды.

II.

В поисках выхода из создавшегося положения смоленские власти останавливались также на следующих двух мерах. Они предлагали купить «в сходную цену» излишнюю землю у дворян, но с тем, чтобы эта покупка была произведена не непосредственно казной, дабы продавцы не взвинтили искуственно цены «до такой степени, по какой обыкновенно казна покупает», а через «доверенных людей, которые бы, не разглася, вдруг оную покупку сделали», т. е., проще говоря, через подставных лиц. В качестве второй меры предлагалось устройство парусных и канатных фабрик, (в виду обилия в губернии хорошей пеньки, которая обыкновенно отправлялась для переработки в Ригу и заграницу), на которых крестьяне имели бы постоянную работу.

Выхода для малоземельных крестьян искали и в Петербурге. В архиве министерства внутр. дел за 1804 год сохранилась никем не подписанная записка, в которой указывалось, что бедность крестьян происходит от общего владения пахотными и прочими землями. «Удаленные от селений

[4]) П. С. З. т. XXVI, № 19,735. Указ сената 27 января 1801 года с из'яснением высоч. утвержд. 17 декабря 1800 г. доклада сената „о правилах наделения и уравнения казенных крестьян землями".

поля, по причине трудности доставления туда навоза, лишаются потребного им удобрения. Общие паствы усугубляют нужду; выгон скота с начала весны по луговым местам умаляет укос травы, а осенние луговые пастьбы причиняют зарощения оных мхом. Обыкновенное разделение пашни на три поля и беспрестанный засев хлебными зернами, не переменяя другими растениями, истощает и самую плодороднейшую почву. Вредное обыкновение переделять через несколько лет участки общих полей, отнимает охоту и у присяжного земледельца удабривать свою ниву, а следствием всего вышеписанного есть всеобщее уныние и весьма не основательное заключение, будто бы неблагодарная земля не награждает труды их». Все это усугубляет бедность малоземельных крестьян, и единственный способ улучшить их положение автор записки видел в том, чтобы «расселить крестьян на участки, которые бы остались навсегда неделимою собственностью каждой семьи». В подтверждение правильности своей мысли автор сослался на произведенный еще в 1796 году опыт, когда в Московской губ., в Звенигородском округе, в сельце Дедникове, были расселены находившиеся до того в большой бедности шесть крестьянских семей; после выдела их на отдельные участки положение их значительно улучшилось.

Министерство, однако, не решилось прибегнуть ни к одной из предлагавшихся мер, по крайней мере в деле устроения смоленских крестьян. Вопрос о расселении крестьян на отдельные участки и о предоставлении этих участков им в собственность, судя по сохранившимся документам, совсем не обсуждался. Предложение о дополнительном наделении казенных крестьян помещичьей землей министерство отклонило на том основании, что и в помещичьих владениях Смоленской губ. также ощущался большой недостаток земли, в виду чего скупка их ляжет тяжелым бременем на помещичьих крестьян, интересы которых должны быть правительству не менее близки, чем казенных; что касается устройства фабрик, то, с одной стороны, нельзя стеснять свободу труда казенных поселян и навязывать им как бы обязательный и, может быть, совсем для них не желательный труд на фабриках [5]), а, с другой, результаты этого мероприятия не могут в скором времени сказаться; между тем положение смоленских крестьян год от году становилось хуже и потому необходимы были более быстрые шаги, а именно—предрешенное уже ранее переселение 3002 добровольцев, но не на Кавказ, как это предполагалось, а в Новороссийский край.

На Новороссии остановились прежде всего потому, что она ближе к Смоленской губернии, чем Кавказ, а также и потому, что в Новороссийских губерниях имелось уже много поселенцев из великороссийских губерний, которые всегда могли поделиться с вновь прибывшими своим опытом жизни на новых местах и в новых условиях. Сыграли роль и административные соображения. В Новороссийском крае, в Екатеринославе, имелась для управления колониями иностранных поселенцев так называемая „новороссийская контора опекунства", на обязанности которой лежало общее попечение об иностранных колониях и содействие их хозяйственной деятельности [6]),—было решено поручить смоленских переселенцев ведению и попечению опекунской конторы. Но, учитывая вместе с тем опыт прежних неудачных переселений, когда, например, из посланных в Кавказскую губернию 50 тысяч переселенцев остались в живых не более

---

[5]) „При настоящем управлении казенных крестьян, привыкших, заплатя денежные подати, оставаться уже совершенно свободными в употреблении их времени и имущества, не удобно было бы входить в их распоряжения хозяйские".

[6]) П. С. З. т., XXVI, № 19.492. Высочайше утвержденный 26 июля 1801 г. доклад сената с инструкцией конторе опекунства новоросс. иностр. поселенцев.

15 тысяч, да и эти послелние, не сумев приспособиться к новым условиям существования, не достигли большого благополучия,—министерство выработало правила, устанавливавшие, как самый порядок переселения, так и устройство будущих колоний русских поселенцев.

Дело в том, что происходившее ранее, при Екатерине II и Павле, переселения казенных крестьян из внутренних губерний на окраины производились по распоряжению и усмотрению местных властей, и никаких общих правил, а тем более законодательных норм не было. Даже указ 1781 года, придавший делу переселения характер государственного мероприятия и взяв его под контроль и руководство государственной власти, не содержал никаких конкретных указаний, в чем контроль и руководство должны проявляться, каково должно быть устройство поселенцев на новых местах и на какую реальную помощь со стороны правительства они могли расчитывать. Не содержали конкретных указаний и указы 1795, 1800 и 1801 г.г. [7]). Единственным конкретным указанием было заключавшееся в указе 1781 г. положение об освобождении переселенцев в течение 1½ лет от платежа податей.

Замыслив в 1805 году новое переселение смоленских крестьян и приписывая неудачи предшествовавших отсутствию законодательной их регламентации, министерство выработало на этот раз подробные правила. Хотя они были изданы лишь для частного случая, тем не менее они применялись затем и в других случаях переселений и, можно сказать, легли в основание тогдашней переселенческой политики правительства, оказавшись вместе с тем как бы предтечей переселенческого закона 1843 года (графа Киселева), вошедшего затем в устав о благоустройстве казенных селений [8]) и придавшего делу переселения характер обще-государственной меры.

Правила 1805 года [9]) вкратце заключались [10]) в следующем: желающие переселиться должны предварительно отправить ходоков для выбора земли и мест для селений; отправлять переселенцев надлежит небольшими партиями, напр., в 30 семейств, «дабы в пути не могло встретиться затруднений в расквартировании их, а также в прокормлении»; при переселении в места, отдаленные от населенных пунктов, переселение начинать лишь тогда, когда для первой партии уже будет возведено жилье; для сооружения построек и посева хлеба—высылать вперед нескольких холостых крестьян, или же строить дома за счет казны наемными рабочими; переселение производится весной и лишь «передовых» холостых можно послать осенью, дабы до зимы посеять хлеб, а зимой заготовить строительные материалы; переселенцев должны сопровождать унтер-офицеры штатной команды «для соблюдения доброго между ними порядка» и «дабы ни им никакого притеснения или задержания быть не могло, ни они на какие-либо шалости покушаться не смели»; переселенцам предоставлялись: пособие на переезд; путевые и прокормление до первой жатвы; полное обзаведение на новом месте; освобождение от платежа податей и всяких повинностей на пять лет; ссуды от казны на последующие пятнадцать лет, и на каждую мужскую душу—15-десятинный земельный надел; указанные пособия и ссуды производятся не только за счет казны: в них обязаны принять участие

---

[7]) П. С. З. т. XXIII, ст. 17398. Имен. выс. указ от 11 окт. 1795 года.

[8]) Свод законов, XII т. ч. 2-ая, ст. 24—83.

[9]) 3 июня 1805 г. Высоч. утвержденный доклад министра вн. дел о переселении казенных крестьян из Смоленской губернии в полуденный край напечатан (№ 21.779-а) на стр. 41—54 общего приложения к томам полн. собрания законов. См. т. XL, в конце (1825 г.).

[10]) Номерация статей этих правил при включении их в общ. приложен. к томам П. С. З. была переставлена. Содержание же осталось без изменения. Здесь приводится согласно сохранившемуся в делах м-ва вн. дел отпуску (черновику) всепод. доклада.

также и остающиеся на старых местах крестьяне, в зависимости от того количества земли, которое им останется от переселенцев.

Правила 1805 года были изданы секретно: они не только не были опубликованы, но даже сообщены для руководства лишь немногим, непосредственно в них заинтересованным властям, с тем, чтобы они их не разглашали «дабы от кривых толков и неосновательности простых людей не вышли какие нибудь со стороны их предприятия, кои и их доведут до раззорения, и правительство поставят в затруднительное положение».

Секретность этих правил обусловливалась, конечно, теми значительными льготами, которые предоставлялись переселенцам, и «точное соблюдение коих», как выразился малороссийский генерал-губернатор князь Алексей Куракин, «доставит сим переселенцам совершенное блаженство» [11]). Однако, это будущее «блаженство» переселенцев не мало смущало другого сановника того времени—херсонского военного губернатора дюка де-Ришелье, который находил, что, если обещанные переселенцам льготы будут оглашены, то крестьяне «толпами обратятся на поселение и на водворение их потребуются неисчетные суммы»; если даже пособие будет выдаваться только неимущим, то все-таки расходы не убавятся, так как тогда все окажутся неимущими [12]).

Опасливо, с той же точки зрения, отнесся к этим правилам и министр финансов граф Гурьев, первоначально воздержавшийся от извещения казенных палат губерний, куда направлялись переселенцы, о дарованной им пятилетней льготе от платежа повинностей, так как правила 1805 года имели характер закона исключительного, изданного специально для крестьян Смоленской губернии, а потому, согласно предшествующим указам, все остальные переселенцы могли освобождаться от повинностей лишь в течение полутора лет, а не пяти, как это устанавливается правилами 1805 года.

Но министр вн. дел решительно выступил в пользу распространения правил 1805 г. на всех крестьян, говоря, что если переселенцам не будут даны эти льготы, то лучше запретить всякие переселения, «как бесполезные для казны, а для крестьян во многих случаях вредные» [13]). И все дальнейшие переселения казенных крестьян на окраины производились в начале 19 века при соблюдении правил 1805 года.

III.

Смоленским крестьянам было предложено выбрать из своей среды нескольких доверенных лиц для выбора подходящих земель и направить их в г. Екатеринослав, где находилась новороссийская опекунская контора. Вместе с тем губернатору предписывалось «вразумить» крестьян, чтобы они до начала переселения оставались в покое и не продавали своего имущества, дабы не повторилось то, что случилось с теми, которые в 1785 г. собрались на Кавказ. Сверх того губернатор должен был выяснить, в каком размере могут оказать помощь переселенцам остающиеся крестьяне, в соответствии с их имущественным положением и количеством оставляе-

[11]) Дело М. В. Д. 1806 г. „По отношению М. В. Д. к малороссийскому генерал-губернатору о желающих переселиться в Новороссийский край". № 695, арх. № 61.

[12]) Дело М. В. Д. 1806 г. „По письмам херсонского военного губернатора Дюка Ришелье и ст. сов. Контениуса касательно обширности выгод, предназначенных переселяющимся из внутренних губерний в Новороссийский край казенным поселянам". № 2086, арх. № 179.

[13]) Дело М. В. Д. 1806 г. „По циркулярному отношению г. М-ра Ви. Дел к некоторым гражданским губернаторам касательно изъявляемого казенными крестьянами желания к переселению в другие губернии и переписка по предмету сему с г. Министром Финансов". № 811, арх. № 63.

мой переселенцами земли, угодий и проч., и определить размер необходимого казенного пособия.

Так обстоятельно и, казалось, всесторонне был разрешен вопрос о переселении смоленских крестьян, но в действительности оно произошло иначе.

Прежде всего, вследствие нераспорядительности местных властей, оно чрезвычайно замедлилось и началось лишь через два года, летом 1807 года. Тем временем многие из крестьян отказались от намерения выселяться на окраины, и желающих ехать осталось только 221 семейство, в числе 892 душ, из уездов: Дорогобужского, Вяземского, Краснинского и Духовского, причем из двух последних были отправлены в Новороссию ходоки.

По сведениям казенной палаты на переселенцах трех последних уездов (по Дорогобужскому сведения не были собраны) состояло недоимок: на 15 семействах Духовского уезда—деньгами 884 р. 42½ коп. и хлебом в городские и сельские магазины—168 четвертей; на 32 семействах Краснинского уезда—деньгами 388 р. 92½ коп. и хлебом—66 четвертей, и на 80 семействах Вяземского уезда—777 слишком четвертей разного хлеба. Из этих 127 семейств было совершенно бедных, безусловно нуждавшихся в казенном пособии—26, среднего достатка, т. е. таких, которым было на что выехать, но которые могли и не доехать—39, и обеспеченных, не имевших надобности в пособии,—62. Казенная палата полагала выдать бедным семьям пособие по 120 р., а семьям среднего достатка по 50 р.,— но министерство предоставило этот вопрос усмотрению новороссийской опекунской конторы, предложив выдать переселенцам при выезде их из Смоленской губернии лишь на дорогу кормовые деньги, которые и вручить избранным им старостам, сделав соответствующую отметку в их открытых листах, «дабы они в дороге от других начальств более ничего не требовали».

В конце декабря 1806 года в министерство поступили первые сведения из Екатеринослава о прибывших туда ходоках Духовского уезда. Сведения эти были мало утешительны. Вид этих доверенных был весьма плачевный, они явились в контору, как сказано в ее мемории, «почти нагие и в самом бедственном положении». Из их рассказов выяснилось, что когда они явились в духовской суд за путевыми документами, их тотчас же задержали и затем непосредственно из помещения суда выслали в Екатеринослав, не разрешив даже предварительно зайти к себе домой. Поэтому они не могли взять с собой в дорогу не только денег, но даже и теплого платья, и принуждены были всю дорогу «питаться подаянием, а по худой одежде в рассуждении позднего времени претерпевать холод». Повидимому, путешествие отбило у них охоту к переселению и они стали просить оставить их «на прежних жилищах», тем более, что последние, в случае их переселения, будут у них отобраны обществом взамен причитающейся с них недоимки казенных сборов. Опекунская контора вняла их мольбам и «в уважение их самого бедственного и жалкого состояния», а также и в виду бесполезности их отправлять в декабре месяце в степь для осмотра земель, покрытых уже снегом, отослала их обратно домой, выдав им, за счет их доверителей, на покупку нужного одеяния, а также и на пропитание по 15 рублей каждому.

Значительно более успешно окончилась миссия ходоков Краснинского уезда. Они прибыли в Екатеринослав как раз к тому времени, когда командированный опекунской конторой для осмотра земель, предназначенных смоленским переселенцам, колл. регистратор Соболев представил «описание и план» этих земель. Свободных земель, известных под названием «калмыцких», как предназначавшихся ранее для поселения калмыков, оказалось 52.573 десятины. Так как переселенцев из Смоленской губ. предполагалось 3.002 человека мужск. пола, то на долю каждого из них пришлось бы по 17 слишком десятин, т. е. более, чем было указано в пра-

вилах 1805 года. Краснинские ходоки остановились на тех участках, которые находились по сторонам речек: Темрюка, Каратюка и Каратыша.

Летом 1807 года на эти участки прибыла первая партия переселенцев из Краснинского уезда, в числе 33 семей, в 184 души обоего пола (мужч.—97, женщ.—87; взрослых—121, малолетних—63). Они привели с собой 65 лошадей и 58 повозок, но скота своего и овец не пригнали. Денег у них всех оказалось 58 рублей, т. е. менее, чем по два рубля на семью, что даже и по тем временам было более, чем недостаточно для устройства нового хозяйства. В виду этого опекунская контора выдала им на приобретение необходимых для первого обзаведения вещей — от 10 до 25 р. на семью, в зависимости от числа ее членов (всего 515 рублей), после чего они были отправлены на предназначенные для них участки. Так как там не имелось никакого жилья, новоселы были размещены в соседних селениях: Белоцерковке и Константиновке. Соболеву было приказано: по размещении переселенцев указать им на их земле сенокосные места и заставить их тотчас же заняться сенокошением, а также и жатвой хлеба у соседей, а если можно, то и приготовлением земли для озимого посева.

Так в июле 1807 года произошло водворение в Новороссии первых переселенцев из Смоленской губернии. А в августе того же года новоселов навестил помощник главного судьи новороссийской конторы Чуйко, из доклада которого мы узнаем следующее.

Переселенцы избрали себе под усадьбы места на высоком каменистом берегу реки Бальманки, впадающей в реку Берду, «на полугорье», на котором можно было разбить деревню до двухсот дворов. Два участка внушали ревизору сомнение, не затапливаются ли они при весеннем половодьи. а потому Чуйко запретил пока строиться на этих участках, оставив их для будущих поселенцев. По примеру построек в соседних деревнях (из земляного кирпича, высушенного на солнце, либо сырого дерна, обсушиваемого уже в стенах новых строений) поселенцы должны были строить себе избы на каменном фундаменте и из земляного кирпича, как более прочного, размером не менее пяти сажень в длину, трех—в ширину и трех аршин в высоту. Помимо денег на постройку домов, было выдано каждому домохозяину по 66 р. на покупку: пары волов (40 р.), желез для плуга (5 р.), деревянного плуга (2 р. 50 коп.), ярма (2 р. 50 к.), воза «волового» с прибором (10 руб.), а равно и семян для озимого посева (6 руб). Приобрести все эти предметы рекомендовалось на имеющей быть 1 сентября в г. Орехове ярмарке, причем деньги были выданы домохозяевам под росписку и взаимное поручительство в том, что они их непременно употребят на предназначенную цель. В кормовых деньгах поселенцам отказали—они должны были прокормить себя трудом, для проявления которого поприще найдется, например, поденные земледельческие работы у жителей соседних деревень.

Так как поселенцы осели на неизвестных им местах и среди незнакомых им людей, а к тому же между ними не было ни одного грамотного, им в начальники был назначен смотритель соседних мологанских немецких колоний поручик барон Икскуль.

Повидимому новоселы остались довольны Икскулем и заботы его должно быть увенчались известным успехом,—мы видим, что в следующее же лето (1808 г.) на те же «калмыцкие» земли Херсонской губернии прибыла в два приема новая партия крестьян из того же Краснинского уезда, всего 54 семьи, в составе 307 душ обоего пола. В 1809 году таких переселенцев прибыло туда же еще 57 семейств в 347 душ, а в 1810 году, разновременно, в семь приемов, прибыло всего 241 семья в количестве 1.616 человек, частью из того же Краснинского, а частью из

Смоленского уездов. В 1811 и 12 г.г. примеру Краснинских и Смоленских крестьян последовали также и крестьяне Гжатского уезда, из коего перешло на те же земли 122 семьи, в количестве 698 человек.

Все эти переселенцы были устроены на тех же началах, что и первая партия Краснинских крестьян, прибывшая летом 1807 года. Всем им по прибытии их в Екатеринослав было выдано первоначальное пособие в размере от 10 до 25 р. на семью, а затем также приобретены для них на казенный счет строительные материалы для постройки жилищ, а равно и необходимый им первоначальный живой и мертвый инвентарь для заведения хозяйства, и семена для озимого посева.

Всего с 1807 по 1812 год переселилось из Смоленской губернии в Херсонскую и осело в Александровском уезде, образовав деревни Белманку и Гусарку, 507 семей, в количестве 3.152 душ обоего пола, из коих за время до 2 июля 1810 года «за умертвием хозяев и переменою хозяйств» разновременно выбыло шесть семей в 70 душ. Сведений о дальнейшем выбытии по тем же причинам, а равно и о естественном приросте переселенцев в Петербург не поступило и, согласно последней представленной новороссийской конторой опекунства ведомости на смоленских переселенцев от 3 июля 1812 года, таковых значилось на это число—501 семейство, в 3.082 души (1583 мужч., 1.499 женщ.). Конечно, эти числа далеко не точны. Очевидно, с июля 1810 по июль 1812 года были и смерти и рождения. Но приблизительно они верны и во всяком случае свидетельствуют, что была переселена лишь половина того количества крестьян, которые возымели это намерение в 1803 году. Повидимому, лишь крестьяне Краснинского уезда и частью Смоленского остались верны первоначально высказанному ими желанию. В числе переселенцев совсем не оказалось крестьян Юхновского, Бельского, Дорогобужского, Вяземского и Духовского уездов, о которых шла речь ранее, и, наоборот, вместо них появились крестьяне Гжатского уезда, о которых прежде никакого разговора не возникало. Растянулось и самое выселение. И, если иметь в виду, что первая мысль об этом выселении явилась еще в 1785 году, то оказывается, что понадобилось 27 лет (до 1812 года), чтобы эта мысль, и то далеко не полностью, осуществилась.

При таких условиях нет конечно никаких оснований полагать, чтобы выселение из Смоленской губернии столь незначительного, в сравнении с предположениями местных властей, количества крестьян могло сколько-нибудь ощутительно отозваться на увеличении землевладениия оставшихся и приходится признать, что это переселение «не прибавило средств к устроению благосостояния» смоленских казенных крестьян, как это предвидел еще в 1803 году смоленский губернатор.

Зато, с другой стороны, можно полагать, что переселенцы на новых местах устроились хорошо. По крайней мере никаких жалоб от них или ходатайств о возвращении домой, как это, увы, происходило с некоторыми другими переселенцами, в Петербург не поступало. Повидимому, выданные пособия и ссуды в связи с земельным душевым наделом в 17 десятин и освобождением от податей и повинностей на пять лет устроили их в новом месте жительства вполне благополучно. И может быть не совсем далек был от истины Куракин, выразивший в 1806 году надежду, что «точное соблюдение правил 1805 года доставит сим переселенцам совершенное блаженство».

Н. Петрович.

Трудовой быт архангельских инородцев в 18 веке.

(По наказам 1767 г.).

В числе наказов от государственных крестьян Архангельской провинции своеобразную группу представляют наказы инородцев, жителей крайнего севера—самоедов и лопарей, сообщающие об их бытовой жизни [1])

Самоеды принадлежали к числу так называемых „ясачных инородцев", т. е. плативших не денежную подать, а натуральную звериными шкурами — «ясак». Этот порядок сохранился от старых московских времен. По указу 5 февраля 1707 г. [2]) следовало собирать с каждого самоеда, владеющего луком, по три песцовых шкуры в год, «буде в том сборе самоядцам тягости не будет». А наказ пустоозерских самоедов от 1767 г. говорит именно о тягости этого обложения, т. к. за годы, неудачные для охоты, накоплялись значительные недоимки, а зверей становилось с годами меньше; поэтому пустоозерские самоеды просили собирать по одному песцу с человека или заменить этот сбор деньгами «по нашей возможности», указывая, что соседи их, ижемские и устьцелемские самоеды, исстари платили по пятнадцати белок в год или по четыре горностая; такой сбор пустоозерские самоеды считали необременительным и соглашались платить его вместо песцов.

Лопари первоначально также были ясачными, но время составления наказов застает их уже записанными в подушный оклад, каковой переход совершился в течение 18 века: указ 11 июля 1723 г. [3]) предписывал лопарей, живущих на шведской границе, «не писать в крестьянский подушный оклад», а оставить попрежнему в „луковом окладе", т. е. ясачными; но уже из указа 31 декабря в 1745 г. о записи кольских лопарей за Крестным и Воскресенским монастырями [4]) видно, что они к этому времени платили уже подушные.

Самоеды и лопари вели кочевую жизнь, занимаясь охотой, рыболовством и оленеводством. Один из самоедских наказов сообщает любопытные черты кочевой жизни: „Жительство мы, самоядцы, имеем... в летнее время, переходя с места на место для рыбной ловли, около рек и озер, а в зимнее, переходя-ж с места на место для звериных промыслов, на собственных своих самоядских и имеющихся у нас в паствe, данных из платы а другие и за взятые действительные нами долги от российских крестьян и других чинов людей оленях, в чюмах, которые в летнее время делаются

[1]) Сборник Русск. Исторического Общества, т. 123, стр. 327—342 (наказы самоедов) и стр. 342—352 (наказы лопарей).

[2]) Первое полное собрание законов, № 2139.

[3]) Полное собрание законов, № 4265.

[4]) Полное собрание законов, № 9245.

сшивая из берест, а в зимнее—сшивая-ж из оленьих кож (из которых в ношение и платье и обувь себе употребляем), в степных чистых тундряных местах, а другие и около лесов и в лесах, а согревание себе имеем, раскладывая посередь тех чюмов огонь, на подобие как на очагах, для чего повсегда с собою возим железные, а другие и каменные плиты... Пропитание себе имеем, живущие своими чюмами и на своей воле, кроме настоящихся в паствe и разных людей оленей, имеющимися у нас оленями уловленными, рыбою и всяким зверем, то есть песцом, лисицею, моржовым и медвежьим мясом и прочим тому подобным, також и птицами, гусями и куроптями, а снятые с тех зверей кожи променяваем, приезжая в Пустоозерск, и в тех местах, где кочевью имеем, крестьянам на хлеб и отдаем в платеж долгов за взятые-ж хлеб, топоры, пешни, кожи и за всякий принадлежащий самоедский по нашему обыкновению разный олений прибор".

Как видно из наказов, охота являлась одним из главных источников средств к жизни для самоедов: меха и кожи заменяют им деньги при меновой торговле с местными крестьянами, а также для взноса «ясака»; мезенские самоеды просили «учредить казенную продажу» пороху и свинца в Мезени, в виду крайней важности для них этих припасов.

Лопари также переселялись с места на место, живя в течение года «в двух» или «в трех местах» в землянных или берестяных шалашах—«вежах».

Один из наказов лопарей Кольского уезда упоминает о земледелии в малых размерах: «по холодному климату хлебопахатных земель не имеем, а хлеб сеем на палах, то есть на высоких местах, называющих подсеках, и то самое малое число»; этот случай—едва ли не единичный, т. к. все остальные наказы говорят об отсутствии у лопарей своего хлеба.

Для лопарей рыболовство имело, повидимому, такое же значение, как для самоедов охота: в наказах не раз встречаются просьбы об освобождении рек, находящихся в пользовании лопарей, от оброчных платежей.

Инородцы жаловались на постоянные недоразумения и столкновения с соседними крестьянами из-за пользования различными угодьями, т. к. реки и другие «промышленные места» нередко оказывались в спорном владении. Например, пустоозерские и ижемские самоеды жаловались, что «у пустоозерских крестьян состоит во владении Уса река; но к оной сами пустоозерцы, за дальним расстоянием, ездят мало для промыслу, а по большей части отдают в кортом (аренду) разным людям промышлять звериные и рыбные промыслы, от которых нам, самоядцам, есть не без обиды, ибо не точию нас на Усу реку не припускают в нынешние годы ловить рыбу себе на пропитание, но и в падшие в нее реки, подле их озера и на вершине тех рек озера, которые близь к тундре, ловить рыбу нам отказывают». Прежде просители и предки их издавна беспрепятственно ловили рыбу в этих местах. В таком же положении оказались и самоеды Мезенского уезда: «по Канинскому берегу многие иногородние люди для промысла зверей поселились, и от того мы, канинские и тиунские самоядцы, принуждены к здешним мезенским и городским и пустоозерским людям для прокормления своего и с семьями идти в работники и пасти их хозяйских оленей».

Во избежание дальнейших столкновений самоеды просили «исследовать и переписать» все спорные места.

Во всех наказах повторяются жалобы на тяжелые условия жизни, из-за которых часть населения оказывается обедневшей и зависящей от более зажиточных соседей. Наказы лопарей в один голос говорят о недостатке хлеба, заставляющем примешивать к муке толченую сосновую кору.

Так как с годами рыбные и звериные промыслы уменьшались, то значительная часть местного населения ушла в города для найма в работники; многие лопари ушли в Кольский острог, занимаясь там «черной работой»; мезенские самоеды пасут за плату чужих оленей или нанимаются в работники к соседним крестьянам и горожанам. При этом хозяева нередко давали вперед, в счет работы, одежду и пищу и платили за работников подати, что приводило последних к постоянной зависимости от хозяев. Такое положение вырисовывается из наказа пустоозерских самоедов: «из нас маломочные... неимущие у себя оленей и к пропитанию, по скудости по великости маловозрастных детей, семей, пищи, забираясь прежде к пропитанию от крестьян и других чинов хлебом и прочими, что до них принадлежит надобностями, чая оплатиться впредь какими-либо промыслами, а за неимением тех промыслов накапливаем на себя по немалому числу долги, за которые, чтоб и больше то не накопить, а паче-б малолетних детей из голоду не поморить, пристаем к тем хозяевам в работы для паствы хозяйских оленей... а временами промышляем на тех хозяев хозяйскими сетьми и на хозяйских же оленях рыбу и зверей, а другие возят ту упромышленную рыбу до Мезени и до Волоку пинежского, за которую их работу те хозяева кормят тех из нас маломочных со всею семьею хлебом и одевают их платьем и обувью, и платят положенный на них в казну по три песца ясак и засчитывают им из того долгу на каждый год рубля по три и по четыре».

Задолженность эта, по словам наказа, неизбежна для «маломочного» самоеда, не могущего справиться с нуждою без посторонней помощи, которая обходится так дорого.

Значительно осложняла положение инородцев необходимость платить подати за общее число значащихся по ревизии душ, из которых далеко не все были трудоспособны, а многих не было уже и в живых. Об этом свидетельствуют все наказы лопарей; в некоторых из них встречаются также жалобы на значительные размеры оброка с рек и на тяжесть ямской повинности, не всегда равномерно распределенной.

Основные пожелания инородческих наказов, в общем, те же, что и у других крестьян: урегулирование распределения и облегчение податей и точное размежевание земель—таковы основные меры, могущие облегчить ряд запутанных житейских отношений. От проведения в жизнь этих мер архангельские инородцы ждали облегчения своей участи.

Т. Ш.

Содержание кн. 10.

		стр.
1.	На старейших полотняных фабриках. Конст. Базилевича	3— 15
2.	Очерк социальной истории промышленного пролетариата Выксунского района. С. Архангельского	16— 27
3.	Рабочие на Ленских золотых приисках (окончание). Ал. Блека	28— 42
4.	Прорытие Ново-Ладожского канала. А. Ф. Добрынина .	43— 53
5.	Рабочие артели. К. Пажитнова	54— 74
6.	Из жизни рабочих и служащих на петроградских водопроводах. Макса Гордона	75 — 93
7.	Из истории крестьянского труда в древней Руси. И. Кулишера	94—126
8.	Сведения о положении крестьян к концу Крымской кампании. Л. А.	127—138
9.	Крестьянская промышленность на рубеже прошлого и настоящего вв. В. К.	139—145
10.	К истории крестьянского переселенческого движения .Н .Петровича	146—155
11.	Трудовой быт архангельских инородцев в 18 веке. Т. Ш. .	156—158

Содержание «Архива истории труда в России».

Книга первая (распродана).

Задачи и деятельность Ученой комиссии по исследованию истории труда в России. Юл. Гессена.
История труда и ее значение. Е. Тарле.
Вопросы истории русской промышленности и промышл. труда (в дореформенное время), постановка их в историч. литературе. И. М. Кулишера.
Судьбы крестьянства в русской историографии и задачи их изучения. А. Преснякова.
Принудительное обращение помещ. крестьян в горнозав. рабочие. Юл. Гессена.
Судьба указа о свободных хлебопашцах в царств. Александра I. В. Бирюковича.
„Первое мая" в России. В. Колпенского.
Волнения среди фабр.-зав. рабочих (1824 г.—1860 г.). К. Пажитнова.
Материалы для истории рабочих на горных заводах. Сообщ. А. Шебалов.
Против забастовок на заводах морского ведомства. Сообщ. А. Блек.
Из практики предварительного обследования заводских архивов (архивы Обуховского и Балтийского заводов). Ал. Блека.
О состоянии некоторых фабрично-заводских архивов в Петрограде.
Эпизод из хозяйственной жизни крепостной вотчины 19 века. Б. Романова.
К сведению и руководству сотрудников Ученой комиссии.

Книга вторая. Цена 60 к.

На московско-новгородской парусной фабрике. Марии Мурзановой.
Жизнь рабочих на кренгольмской мануфактуре. С. Фарфоровского.
Был ли первоначально русский север крестьянским? С. Платонова.
Продолжительность рабоч. времени в горнозав. промышленности при крепостном праве. К. Пажитнова.
Бурлаки в первой половине 19-го века. Юл. Гессена.
Фабрично-заводские волнения и фабричное законодательство. В. Колпенского.
Морозовская стачка 1885 года. Р. Кантора.
Устройство быта свободных хлебопашцев. В. Бирюковича.
Условия труда на петербургских заводах по данным 1901 г. Ал. Блека.
Из истории производств в С.-Петербурге за 18-ый век и первую четверть 19-го века. П. Столпянского.
Цехи „вольных матросов" в Новоросс. крае в 1830—53 г.г. А. Путилова.
Первые шаги легализованного професс. движения в России. Р. Кантора.
Из оффиц. записки о крестьянских беспорядках в 80-х годах.
Пилиппоны или крестьяне-старообрядцы. Н. Мурзанова.
Волнения среди фабр.-зав. рабочих (1824 г.—1860 г.). (Оконч.). К. Пажитнова.
Крестьяне-самоучки. Наталии Платоновой.
Факты и цифры. Заметки архивистов. Движение среди петербургских рабочих в 1901 г.—Об оставлении рабочими работ на фабрике в Вышнем-Волочке.—К вопросу об освобождении беглых бродяг от креп. работы.—К статистике горноз. рабочих (1828 г.).—Бритье помещиками полголовы крестьянам для пресечения самовольных отлучек (1844 г.).—Стоимость наемного труда на полевых работах 1871 г.
Сообщения Ученой комиссии.

Книга третья. Цена 60 к.

Первая годовщина.
Заработная плата в горнозав. промышленности при крепостн. праве. К. Пажитнова.
О времени и мерах прикрепления крестьян к земле в Московской Руси. С. Платонова.
Быт крестьян на частных горных заводах и рудниках в Оренбургском крае (накануне освобождения от крепостн. зависимости). Л. Айзенберга.
К истории стачек среди фабричных рабочих. Юл. Гессена.
Заметки по истории труда на Руси 16—17 века: I. Транспортные рабочие водники.—II. Строгановские иконники. А. Введенского.
Жандармерия и первые рабочие стачки. Р. Кантора.
Выборы в комиссию сенатора Шидловского (1905 г.). В. Невского.
Женский труд в почтово-телеграфном деле. А. Путилова.

К вопросу о рабочем дне при крепостном праве. К. Пажитнова.
Крестьяне Демидовского лицея. Таисии Шатиловой.
Холерный бунт 1892 г. В. Колпенского.
Картины из крепостного быта. П. Аргунова.
Рабочие на постройке Петерб.-Московской жел. дороги. Д. Каргина.
„Разных художеств мастеровые люди". П. Садикова.
Запасные хлебные магазины. Н. Мурзанова.
Некоторые данные о фабриках в 1767 году. М. Цвибака.
Материалы для статистики: Численность государственных и заводских крестьян по девятой ревизии.—Стоимость наемного труда на полевых работах в 1871 г. (Оконч.)—Фабр.-зав. предприятия в помещичьих имениях (1861 г.).
Факты и цифры. Заметки архивистов. Борьба с распространением газет в деревнях.—Об усилении мер наказания по преступлениям крепостных против помещиков.—Цехи в Москве по данным 1856 г.—Запрещение праздновать первое мая.
Итог годовой работы по составлению архивного каталога.

Книга четвертая. Цена 60 к.

Попытка регламентировать труд в кустарной промышленности. И. М. Кулишера.
Закрепощение в императорской России. А. Преснякова.
Положение рабочих в горноз. промышленности при креп. праве. К. Пажитнова.
Из истории касс и обществ взаимопомощи рабочих. В. Святловского.
К истории ремесленного труда в древней Руси. Вл. Юл. Гессена.
Крестьяне на частных горных заводах в Оренбургском крае (по освобождении от крепостной зависимости). Л. Айзенберга.
Рабочие на Ленских золотых приисках. Ал. Блека.
Требования рабочих Балтийск. и др. морских заводов в 1905 г. А. Львовича.
Вопросы труда в иностранной литературе. Я. Канторовича.
Из вотчинных архивов. А. Путилова.
Значение труда старообрядцев в развитии промыслов. В. Дружинина.
Условия быта промысл. рабочих Рос.-Амер. Компании. П. Г. Васенко.
Сельская школа накануне крестьянской реформы. В. Колпенского.
Из жизни приходских учителей. Ю. Михайловой.
Рабочие из „шатающихся" людей на Шлиссельб. фабрике. А. Шебунина.
К вопросу о рекрутском наборе дворовых и деловых людей. П. Садикова.
Златоустовская забастовка. И. Бендера.
Заметки архивистов. Таежная трагедия.—Несколько слов о самоедах.—Привилегированное положение охтенских ремесленников.—К истории празднования первого мая.—Справка о частных горных заводах.

Книга пятая. Цена 60 к.

Побеги помещичьих крестьян в николаевскую эпоху. Елены Коц.
Условия труда рабочих при постройке С.-Петерб.-Моск. ж. дороги. Д. Каргина.
Сельская школа после крестьянской реформы. В. Колпенского.
Рабочие на Ленских золотых приисках. (Продолжение). Ал. Блека.
Очерки истории труда в России. Н. Рожкова.
Военно-судные комиссии для рабочих на золотых приисках. Юл. Гессена.
Уничтожение половничества в 19 веке. Таисии Шатиловой.
К истории ремесленн. труда в древней Руси. (Продолж.). Вл. Юл. Гессена.
Рабочая дисциплина на фабриках и заводах при креп. праве. К. Пажитнова.
Рабочие волнения в царствование Александра I. К. Пажитнова.
К закрытию Нижнеисетского завода. А. Шебалова.
Материалы для истории стачек в начале 70-х г. 19 в. И. Сидорова.
К характеристике экономического положения рабочего элемента в Иваново-Вознесенске (1871 г.). Р. Кантора.
Из стачечного движения на Кавказе в 1903 г. И. Бендера.
Заметки архивистов. Резчик печатей Мейер Айзенштат и Николай I.—Рабочие из беглых крестьян и беспаспортных.—Труд ссыльных в Сибири.

Книга 6—7-ая. Цена 1 руб.

Несколько слов об арестантском труде. Елены Коц.
Заметки по истории труда на Руси 16—17 вв. (Окончание). Наемные рабочие в крестьянском хозяйстве.—Наемный труд в крупном хозяйстве. А. Введенского.
Очерк истории труда в России. (Продолжение). Н. Рожкова.

Рабочие на Топальской мануфактуре в 1771 г. **Ал. Оглоблина.**
Труд иноземцев в Московском государстве. **Инны Любименко.**
Крестьяне Вост. Сибири во вторую половину 17 в. **Анны Пруссак.**
Рабочие Экспедиции загот. гос. бумаг в 1-ую полов. 19 в. **С. Вознесенского.**
Народное продовольствие в 1812 году. **З. Матковской.**
К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли. **А. Шебунина.**
Условия труда и быт рабочих на госуд. фарфор. заводе. **Э. Голлербаха.**
К трагедии горнозав. крестьян в Оренбургском крае. **Л. Айзенберга.**
Рабочие на постройке Уссурийской и Амурской жел. дорог и участие каторжан в работах. **П. Васенко.**
Землепользование новгор. дворцовых крестьян в 17 в. **М. Островской.**
Возмущение рабочих Ревдинского завода в 1841 году. **К. Пажитнова.**
Сельская школа после крестьянской реформы. **В. Колпенского.**
К стачечному движению на юге России в 1903 году. **И. Бендера.**
Статистика забастовок за январь 1917 года. **Р. Кантора.**
К истории крестьянских „беспорядков" в 1905 году. **А. Шебалова.**
О судьбе некоторых арх. материалов по истории креп. хозяйства. **А. Большакова.**

Книга восьмая. Цена 1 р. 40 к.

Строительные рабочие в московском государстве. **А. Пруссак.**
Очерк истории труда в России. (Продолжение). **Н. Рожкова.**
Как жилось рабочим на постройке Волжско-Донской ж. дороги. **Л. Айзенберга.**
Основы социальн. организации педагог. труда в 18—19 в.в. **С. В. Рождественского.**
Госуд. земледелие на южной окраине моск. государства в 17 в. **С. Тхоржевского.**
Из жизни рабочих и служащих на гор. жел. дорогах Петрограда. **Макса Гордона.**
К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли (Окончание). **А. Шебуинна.**
Работные люди в свете депутатских наказов 1767 г. **Таисии Шатиловой**
Крестьяне крепостной деревни моск. промышл. района во 2-й полов. 18 в. **С. И. Архангельского.**
Стачечная борьба рабочих (в 1870—1917 г.). **С. Вознесенского.**
К истории ремесл. труда в древней Руси (Окончание). **Вл. Юл. Гессена.**
Положение рабочих на постройках Гл. Общества Росс. жел. дорог. **Д. Каргина.**
Медико-санит. условия на постройке Петерб.-Моск. жел. дороги. **П. Вакса.**

Книга девятая. Цена 1 р. 40 к.

Первые конференции и с'езды профессиональных союзов (1905—1907 гг.). **В. Святловского.**
Рабочий в свете статистики (сводные данные о росте промышл. пролетариата в годы войны и революции преимущественно в Петрограде). **М. Солодниковой.**
К выяснению причин крестьянских волнений в Никол. эпоху. **Ел. Коц.**
Рабочие на Обуховском сталелитейном заводе. **Макса Гордона.**
Эконом. положение рабочих металлистов до 1905 г. **Ф. Семенова-Булкина.**
Преддверье аграрной революции 1905 г. (опыт характеристики крестьянского движения 1902 года). **И. Цызырева.**
Историч. справка о положении рабочих на Охт. порох. заводе. **В. Катин-Ярцева.**
Из жизни рабочих и служащих на гор. жел. дорогах Петрограда (Очерк второй). **Макса Гордона.**
Ученики на петербургской полотняной фабрике. **М. Островской.**
Рабочие волнения в царствование Александра I (Окончание). **К. Пажитнова.**
Несколько слов о художественном труде. **Э. Голлербаха.**

Книга десятая. Цена 1 р. 40 к.

На старейших полотняных фабриках—**Конст. Базилевича**; Очерк социальной истории промышл. пролетариата Выксунского района—**С. Архангельского**; Рабочие на Ленских золотых приисках (окончание)—**Ал. Блека**; Прорытие Ново-Ладожского канала—**А. Ф. Добрынина**; Рабочие артели—**К. Пажитнова**; Из жизни рабочих и служащих на петроградских водопроводах—**Макса Гордона**; Из истории крестьянского труда в древней Руси — **И. Кулишера**; Сведения о положении крестьян к концу Крымской кампании—**Л. А.**; Крестьянская промышленность на рубеже прошлого и настоящего в.в.—**В. К.**; К истории крестьянского переселенческого движения—**Н. Петровича**; Трудовой быт архангельских инородцев в 18 веке—**Т. Ш.**

Цена ... р. ... коп.

Книги журнала **«АРХИВ ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ»** продаются во всех книжных магазинах.

Склад издания: Культурно-просветительный отдел Петроградского совета профессиональных союзов.

Петроград, Бульвар Профессиональных Союзов, Дворец Труда.